

**Сборник статей
Язык символов**

Интересно о важном –

ИНТЕРЕСНО О ВАЖНОМ

Язык СИМВОЛОВ

*«Язык символов»: Новый Акрополь; М.: 2011
ISBN 978-5-91896-022-6*

Аннотация

В сборник вошли статьи, посвященные разным граням символизма: представлениям о роли символа в древности и современности, мифологии, символизму архитектуры, фольклора, различных традиций мира, в том числе и русской, символике звездного неба. Значительная часть книги отведена раскрытию смысла отдельных символов в мировой культуре.

Статьи эти на протяжении более чем 10 лет публиковались в журналах «Новый Акрополь» и «Человек без границ» и неизменно вызывали огромный читательский интерес.

ЯЗЫК СИМВОЛОВ

ЯЗЫК СИМВОЛОВ – ЯЗЫК ВЕЧНОСТИ

Символы: язык вечности

Елена Сикирич, президент культурной ассоциации «Новый Акрополь» в России

Мир символов живет в нас

Далеко не всегда бывает возможно выразить словами все то, что мы чувствуем и понимаем. Есть явления, состояния, события, суть которых нельзя разложить по полочкам, объяснить математическими формулами. В загадочных глубинах человеческой души таятся жемчужины опыта, заключающие в себе тысячу и один смысл, тысячу и одно переживание, тысячу и одну тайну. В сокровищнице духовной культуры человечества хранятся бесценные знания о человеке, природе и Вселенной, великие идеи и творения человеческого духа, за которыми стоят длинные цепочки событий, причин и следствий, судьбы многих поколений. Для их постижения всегда был необходим особый подход души, ибо нашим обычным рациональным умом познать их невозможно. Испокон веков всякий раз, когда перед человеком вставала необходимость увидеть мир целостно, соединить видимое и невидимое, связать между собой прошлое, настоящее и будущее, совершенно новое и поистине древнее; всякий раз, когда душа его рвалась к новым далям, для достижения которых нужно было преодолевать границы жизни и смерти, пространства и времени и постигать вечные законы бытия; всякий раз, когда для объяснения и выражения этого одних слов было недостаточно, – человек прибегал к удивительному языку *символов*.

В предисловии к французскому «Словарю символов» его составитель Жан Шевалье пишет: «Днем и ночью, когда мы беседуем, выражаемся жестами, видим сны, каждый из нас сознательно или бессознательно пользуется символами. Они придают форму нашим стремлениям и желаниям, подталкивают нас к действиям и новым начинаниям, моделируют наше поведение, лежат в основе наших успехов и неудач... Все науки, естественные и гуманитарные, искусство со всеми его направлениями – все, что составляет культуру человека, на своем пути встречается с символами. Все они должны объединить свои усилия, чтобы разгадать тайну символов и освободить энергию, сконцентрированную в них. Мало сказать, что мы живем в мире символов, – мир символов живет в нас».

Наша жизнь действительно наполнена символами. Они сопровождают нас во сне и наяву, в общении и взаимоотношениях, в познании и творчестве. На самом деле, порой сами того не осознавая, мы часто встречаемся с символами и используем их, следуя в этом за многими

поколениями людей разных эпох и культур, которые на языке символов выражали свое состояние души, свое мировоззрение, свое понимание великих истин и тайн бытия. Ведь и мы постоянно сталкиваемся с явлениями, ситуациями, образами, предметами, существами, которые имеют для нас не только явно выраженные, общепризнанные характеристики и черты. Часто, сознательно или бессознательно, мы наделяем их другими значениями, не всегда связанными с их конкретными свойствами или функциями. Они становятся для нас напоминанием, *символом* неких чувств, переживаний, состояний и опытов познания, выходящих за пределы конкретной физической реальности.

Когда в нашем сновидении появляется наша соседка по дому, с которой мы ссоримся, оказываемся вместе в странных, фантастических ситуациях и которая потом превращается в чудовище, преследующее и пытающееся убить нас, совершенно очевидно, что дело здесь не в конкретном человеке, знакомом нам из повседневной жизни. Наша душа просто использует образ соседки как символ своих определенных внутренних состояний и переживаний или какой-то внешней, еще не решенной нами проблемы. Таким ярким способом она предупреждает нас о внутренней дисгармонии или о конфликте, рассказывает, в чем они состоят и как проявляются, а также о том, что этот конфликт необходимо срочно решать, если мы не хотим, чтобы все закончилось для нас плачевно. Более того, используя один-единственный образ нашей соседки и все ситуации, связанные с ней, наша душа также предупреждает, какие последствия ожидают нас в том случае, если мы не сумеем сделать верных конкретных шагов. Все это показывает нам сновидение в форме символов, и самая трудная задача – разгадать их значение.

Обращаясь к любимому человеку со словами «солнышко мое» или «мое золото», мы даже не представляем, что конкретное небесное тело и конкретный металл символизируют не только безграничную гамму наших прекрасных чувств, которые не нужно долго объяснять. Сколь ко параллельных смыслов, значений, законов и истин скрывается в одних только символах Солнца и золота! Во все времена эти символы использовались в алхимии, астрологии, медицине, в мифах и легендах народов мира; их можно увидеть на портиках храмов, в лабиринтах гробниц и пирамид. Что делает эти на первый взгляд простые, всеми любимые понятия символами, содержащими в себе целые мировоззрения, глубокие познания о сотворении мира и великих законах Вселенной, о процессах трансформации, происходящих в природе и в душе человека? Сколько в них еще не познанного? Учитывая, что подобных символов существует бесконечное множество, мы вправе говорить о том, что символы – это не просто язык, которым пользуется душа человека, для того чтобы понять и выразить свои богатые, многогранные состояния. Это целый удивительный мир, загадочная сокровищница духовной культуры человечества, в которой заключены не только вся мудрость поколений, но и еще не раскрытые таинства существования человека, природы, Вселенной.

Когда нам снится, что мы горим, что нас охватывает пламя и что, преодолевая боль, мы меняемся и становимся другими – мы просыпаемся в холодном поту и надеемся, что кошмарный сон больше не повторится. Подобные ощущения испытывали также герои древних мифов Греции, Египта, многих других народов – с одной лишь разницей: впоследствии они узнавали, что прохождение через огонь обозначает процесс испытаний и изменений, ведущий к осознанию бессмертия и вечных принципов бытия. Символика сновидения, которая на первый взгляд показалась кошмарной, в мифах предстает в совершенно ином свете, хотя в обоих случаях в ней скрывается один и тот же смысл: она говорит о законах, этапах духовного развития как человека, так и человечества в целом. Таких мифов, легенд, сказок, в которых заключены целые символические комплексы, существует бесчисленное множество. Они очень схожи по форме, содержанию и по скрытым в них значениям; поражает то, что они

принадлежат совершенно разным эпохам, цивилизациям, культурам, не связанным между собой ни географически, ни исторически.

Как объяснить тот факт, что почти те же мифологические содержания появляются в сновидениях людей, которые о них никогда ничего не читали и не слышали? Значит ли это, что есть универсальный источник всех познаний, который лежит и в основе самого языка символов?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вернуться к свойствам символа.

Что такое символ?

Сегодня существует большая путаница между символами и простыми обозначениями. Трезубец Нептуна на банке селедки, Царевна-Лебедь на коробке стирального порошка, фигура Геракла на креме против облысения, Афродиты на таблетках для похудения, Гермеса на дверях нотариальной конторы – эти изображения ничем не отличаются от любых других обозначений, хотя в мифах, сказаниях, легендах, в некоторых ситуациях те же самые образы имеют глубокие и сокровенные свойства символов. Возникает вполне справедливый вопрос: почему же в каких-то случаях некие образы, ситуации, персонажи, предметы, чувства и состояния приобретают свойства символов, а в других, имея ту же внешнюю форму, сводятся к простым обозначениям для новой зубной пасты, банка или марки автомобиля?

В своей книге «Проблемы души нашего времени» К. Г. Юнг пишет: «Я ни в коем случае не понимаю под символом аллегория или простой знак; скорее я понимаю под ним некий образ, который должен, насколько это возможно, охарактеризовать всего лишь смутно предполагаемую природу духа».

Многогранность, многозначность символа прекрасно определяет Р. Бекер: «Символ можно сравнить с хрусталем, пропускающим свет самыми разными способами в зависимости от того, через какую грань этот свет проходит. Можно еще сказать, что символ – это живое существо, частица нашей собственной сущности, находящаяся в постоянном движении и трансформации. Когда мы в него проникаем, в тот момент, когда мы осознаем, что он является толчком для пересмотра и размышлений, изучая его, мы одновременно наблюдаем и изучаем свой собственный путь, перед нами открывается то направление, следуя которому наша душа улетит к новым далям». На самом деле между символом и простым обозначением существует такое же различие, как и между живым человеком и его изображением на фотографии. Символом может стать буквально все: ситуация, образ, предмет, явление, существо, персонаж, – но для этого они должны приобрести определенные свойства, характерные для любой вечно живущей бессмертной сущности. Та вторая загадочная параллельная жизнь, которую они содержат в себе и открывают перед человеком, должна выходить за пределы настоящего мгновения, за пределы данного физического существования. Свойства символа, о которых мы будем говорить, на самом деле характерны для всех истин, которые являются частью того, что древние философы называли Софией, – универсальной духовной мудрости, отражающейся в мировоззрении всех культур, религий и традиций.

Каждый символ скрывает в себе многогранное, глубокое знание

Все современные исследователи, серьезно занимающиеся языком символов, подтверждают то, что давным-давно знали философы древности. Символ не только невозможно понимать *буквально*; даже зная, что в нем сокрыты глубокие познания о человеке, природе и Вселенной, его недостаточно исследовать обычным, рациональным способом. Многоплановые

значения символа не изучаются, а проживаются, открываются перед нашим внутренним взором постепенно, один за другим, иногда внезапно и неожиданно, иногда в результате длительных безрезультатных поисков, когда мы уже начинаем думать, что все усилия были тщетными. Так или иначе, символ никогда не раскрывает перед человеком всего своего содержания, а только ту часть, которая для него становится актуальной, которую он может понять, поскольку она созвучна изменениям в его душе, его духовным поискам и стремлениям.

Древние философы говорили, что язык символов имеет, как минимум, семь ключей разгадки и понимания. Это значит, что существует по меньшей мере семь разных подходов к одному и тому же символическому материалу и за каждым из них скрываются различные содержания и значения, все более и более глубокие, относящиеся к разным граням существования и к разным наукам, но всегда дополняющие друг друга. Если нам открывается одно значение символа, на этом наша работа не заканчивается – напротив, она только начинается. Разгадывая одну загадку, мы на самом деле поднимаем лишь самую первую, самую верхнюю вуаль, скрывающую за собой другие вуали и другие тайны. Семь символических ключей – семь вуалей великой египетской богини Исиды; приоткрыв одну, мы только понимаем, что она ведет к другой вуали, к другой загадке, скрывающейся за ней. Язык символов сам по себе великая загадка.

Даже в системе, согласно которой многие познания были закодированы на языке символов, есть простая и красивая логика, хотя она может показаться чуждой нашему рациональному восприятию, привыкшему рассматривать все подобные подходы как оригинальный плод фантазии. В своей лекции «О лунопочитании древнем и современном» Джеральд Мэссей рассказывает: «Когда египтяне представляли луну как кошку, они не были настолько невежественны, чтобы предполагать, что луна была кошкою, также их подвижная фантазия не видела ни малейшего сходства между луною и кошкою. Миф кошки не был *простым расширением словесной метафоры* ; также не было у них намерения создавать недоумения или загадки... Они подметили тот простой факт, что кошка видит в темноте и что ее зрачки становятся совершенно круглыми и особенно светящимися ночью. Луна была созерцательницей в ночных небесах, и кошка была ее эквивалентом на земле; и, таким образом, обыкновенная кошка была принята как выражение, как естественная эмблема и живое воспроизведение луны... Кошка называлась по-египетски *мау* , что означает „зрячий“ , от глагола *мау* – „видеть“ ... Луна как *кошка* была глазом солнца, *ибо она отражает солнечный свет* и потому, что глаз отображает изображение в своем зеркале. Под видом богини Пашт кошка стережет солнце, попирая лапою главу змия тьмы, именуемого его вечным врагом!»

На примере символики кошки мы можем проследить определенную динамику, по которой раскрывается каждый символ: начиная с самого первого, поверхностного содержания одно символическое значение ведет к другому, более глубокому. Ведь «глаз солнца», «зрячий в темноте», «зеркало происходящего», «сражение со змеем тьмы» – это уже новые символические образы, также имеющие многогранные и разнообразные значения, ведущие к новым далям и новым знаниям. Их мы можем встретить не только в символике кошки, но и во многих других символических материалах. В зависимости от того, в каком ключе их рассматривать, они могут привести нас как к познанию законов видимой и невидимой природы, так и к внутреннему миру человека и скрытым в нем потенциалам, к этапам ученического Пути, к этапам сотворения мира и многому еще.

Динамика раскрытия сокровенных значений символов, а также все процессы трансформации и эволюции, происходящие в человеке, природе и Вселенной, очень интересно и красиво прослеживаются в мифах, сказках, легендах, притчах. Е. П. Блаватская пишет об этом: «Ни один мифологический рассказ, ни одно традиционное событие в народных сказаниях

никогда, ни в одну эпоху не были вымыслом, но каждый из таких рассказов имеет действительно историческую подоснову... Даже притча есть выраженный символ; вымысел или легенда, как думают некоторые; аллегорическая передача жизненной реальности, событий и фактов, говорим мы. Именно, как мораль всегда выводилась из притчи, причем подобная мораль была действенной правдою и фактом в человеческой жизни, так и историческое, реальное событие было извлекаемо теми, кто были сведущи в этих священных науках, из эмблем и символов, запечатленных в древних храмовых архивах. Религиозная и эзотерическая история каждого народа была уложена в символах».

Символ – хранитель тайны

Мудрецы древности учили, что каждый символ становится хранителем не только той актуальной для нас части Истины, которую мы в силах постичь на определенном этапе своей жизни в зависимости от наших способностей, стремлений и духовных поисков. Он также охраняет ту таинственную, сокровенную часть великой Мудрости, которая останется для нас вечной загадкой, ибо чем более мы будем пытаться ее разоблачить, тем более она будет скрываться, преподавая нам очень полезный урок: чем больше мы познаем, тем больше расширяется круг Непознанного. Чем больше мы знаем, тем сильнее осознаем, сколько осталось еще неведомого, чего мы недостойны и пока не можем понять.

Таким образом, каждый символ является хранителем Тайны, за которой скрывается еще одна Тайна и еще одна... и так до бесконечности.

Первым шагом к постижению сокровенного содержания символов становится пробуждение в нас некоего предчувствия, еще ничего не объясняющего, ничего не утверждающего и не отрицающего, а только впитывающего происходящее вокруг, постепенно ведущего к формированию в нашей душе более конкретных образов, представлений и предположений. За каждым предчувствием следует новое предчувствие, еще одно и еще одно... Это цепочка, не имеющая конца. На самом деле работа с символами – это целое искусство, в котором в равной мере сочетаются интуиция и разум.

Когда сокровенное значение символа становится в один прекрасный день известным и доступным всем, он частично умирает. Об этом пишет К. Г. Юнг в книге «Психологические типы»: «Пока символ сохраняет жизненность, он является выражением предмета, который иначе не может быть обозначен. Символ сохраняет жизненность только до тех пор, пока он чреват значением... Символ теряет свою, так сказать, магическую или, если угодно, освобождающую силу, как только осознается его разложимость. Поэтому действенный символ должен обладать свойством неприкосновенности. Он должен быть наилучшим из всех возможных выражений для данного мирозерцания, который по смыслу безусловно не может быть превзойден; кроме того, он должен быть столь далек от постижения, чтобы критический интеллект не имел никаких путей к его действительному разложению; и, наконец, его эстетическая форма должна столь убедительно действовать на чувство, чтобы против него не поднимались и аргументы чувства».

Для понимания символа необходим резонанс

Если бы многозначность символа была его единственным свойством, его можно было бы назвать лишь содержательно богатым обозначением. Однако дело обстоит иначе: при каждой встрече хранителя Тайны с тем, для кого эта Тайна хранится, происходит сильная взаимная реакция.

Понимает или не понимает человек сокровенное содержание символа, кажется ли ему его внешняя форма странной и далекой, символ всегда может воздействовать на человека и сыграть в его жизни роль учителя и наставника при условии, если человек искренне нуждается в этом и не остается к нему равнодушным.

Чтобы увидеть, как символ «оживает», нужно «ожить» самому. В момент истинной встречи человека и символа в душе наряду со смутными предчувствиями, которые невозможно понять, происходит глобальная встряска, настоящее потрясение, не объяснимое никакими словами. Еще ничего не осознавая и не желая, человек более бессознательно, нежели сознательно, начинает реагировать на символ. В его душе символ находит отклик, вступает с ней в *резонанс*. Никогда не бывает так, что сначала мы понимаем сокровенное содержание символа, а потом происходит все остальное; совсем наоборот. Сначала в каком-то уголке своей души мы вдруг находим созвучие с ним, открываем, что он нам очень интересен и близок. Мы начинаем осознавать, что символ стал для нас *вызовом*, подталкивает к переосмыслению многого из того, что мы до сих пор понимали, чувствовали и знали, что многое в нас начинает *меняться* и что благодаря этому даже сама наша жизнь становится другой. Так начинается длительный путь трансформации души, которую вызывает и к которой подталкивает символ. А сам он становится зеркалом этого пути, всех его этапов, испытаний, сомнений и откровений. После истинной встречи с символом ничто не может оставаться таким, каким было раньше, да и сам человек уже не тот.

В традиционных обществах на ученическом пути человека сопровождали особые символы. Когда в Древнем Египте на разных этапах пути символами ученика были *анк* – ключ жизни и смерти, *уджат* – глаз внутреннего зрения и справедливости, *джед* – колонна стабильности Осириса, *скарабей* – символ нового рождения и многие другие, задача состояла не в том, чтобы просто изучить их скрытое содержание. Иметь своим символом анк означало находиться в поисках ключей к таинствам жизни и смерти, быть готовым к связанным с этим испытаниям и трудностям. Уджат не только помогал понять, что такое внутреннее зрение, что такое справедливые взгляды, мысли и поступки и как они соотносятся с отдачей и жертвой, но давал возможность прожить это и почувствовать на собственном опыте. Благодаря джеду ученик приобретал внутреннюю стабильность, стержень, позволяющий держаться на основании обретенного смысла жизни. Скарабей показывал, что синтезом всего познанного должно быть цикличное возобновление, «новое рождение» всего существа человека.

Если сказка о Золушке живо затронула мою душу, если мне снится, что я должна выполнить что-то совершенно невозможное, чтобы попасть на бал, то роль символа в данном случае заключается не в том, чтобы я испытала сострадание к бедной девочке, которую никто не понимает, и радовалась, когда у нее все складывается хорошо, проводя какие-то параллели со своей жизнью. Если вспомнить всего один эпизод сказки – когда Золушка, получив задание и прекрасно зная, что его невозможно выполнить, все-таки берется за дело, и тогда на помощь приходят птицы небесные или добрая фея – совершенно неожиданно для нее, но вполне заслуженно; если представить, что, осознавая реальную невыполнимость задачи, она примирилась бы, опустила руки, и вся ее судьба сложилась бы совсем по-другому, – урок символа становится вполне понятен. Подобная ситуация может сложиться и в нашей жизни, когда на практике мы должны будем показать, усвоили ли преподнесенный урок. Можно сказать это проще: если близок тебе символ Золушки, то будь готов стать ею, проходя все то, что проходила она.

На самом деле работать с определенным символом всегда означает вызывать на себя соответствующие испытания Судьбы, когда от нашей реакции и усвоенных нами уроков будет зависеть, пройдем мы их или нет. Это так просто.

Символ – проявление Священного

Испокон веков человек испытывает глубокую, исконную, неугасимую тягу к Священному, к тому, что могло бы стать для него святыней. И можно сказать, что каждый символ является не только хранителем Тайны, но также и хранителем святынь. Любое событие, предмет, явление могут стать символами именно тогда, когда они становятся для нас носителями священных уникальных и неповторимых состояний, событий, моментов общения, взаимодействия и познания. Получается, что символ на самом деле живой – он становится формой, оживленной силой Священного. Благодаря постоянному присутствию символа сила Священного, заключенная в нем, действует также и на нашу душу, возобновляя все, что с ним связано. Когда я ношу на шее цепочку, подаренную любимым человеком, я благодаря «посредничеству» украшения, ставшего для меня символом, чувствую его рядом, ощущаю часть его «заряда», силы и вдохновения.

Символ как посредник между мной и всем, что для меня священо, всегда передает мне частицу силы, тайны того существа или той мудрости, чьим посредником он является. Как жаль, что человек нашего времени живет в мире без символов, в мире без святынь; он многое теряет!

Знак, разделенный на две части

В «Словаре символов» Жан Шевалье пишет: «Изначально символ всегда представлял собой предмет, разделенный на две части... Два человека хранили каждый одну из двух частей: хозяин и гость, одолживший деньги и должник, два паломника, двое любящих, которые разлучались на долгое время... При новой встрече они объединяли две части символа в одно целое, вновь подтверждая таким образом свою любовь, дружбу, узы гостеприимства или долга чести. Для древних греков символ всегда был знаком узнавания, благодаря ему родители могли узнать своих детей, с которыми были разлучены... Символ разлучает и вновь объединяет. Он содержит в себе одновременно две идеи: разлуки и новой встречи. Он напоминает о единстве, которое было потеряно и которое вновь может быть возобновлено».

Соответственно, хранить символ означало осознавать еще одну давно забытую истину – где-то, далеко или близко, в пространстве и времени или за их пределами, в жизни или за гранью смерти, существует таинственная вторая, дополняющая часть нас самих, неких идей, познания или мудрости, ожидающая новой встречи и нового объединения. Это значит, что при работе с символом не только мы делаем шаги, чтобы приблизиться к этой «другой стороне» Священного, бесконечного и непостижимого, но и это ценное, дополняющее нас Нечто делает шаги, чтобы приблизиться к нам. Таким образом, символ становится знаком узнавания между «двумя сторонами», двумя существами, между всем тем, что «вибрирует» на одной волне. Он становится знаком узнавания между всем тем, что, будучи временно разлученным, является столь близким друг другу, что в один прекрасный день должно стать единым целым. Символ – это знамение подлинных связей, продолжающихся вечно.

**Олимпийская теогония как модель философского пути становления
Антон Мусулин, президент ассоциации «Новый Акрополь» на Украине**

Миф символичен. Посредством символов – знамений «иной» реальности – он позволяет проникнуть в мета-пространство идей и архетипов, пространство множества неизвестных, уравнений и функциональных подобий, благодаря чему можно получить представление о развертывании, динамике развития и свертывании любого космоса и тех сил, которые участвуют в его создании. Другими словами, миф – это универсальная модель и прототип всего, что произойдет в проявленном мире, в обычном пространстве времени; всех сотворений, рождений и форм существования космосов, создаваемых природой и человеком на объективном и субъективном уровнях после изначального времени, в котором произошли события, описываемые мифом. Подобно тому, как Дельфы в греческой традиции, Куско в традиции народов Южной Америки, Иерусалим у христиан и Мекка у мусульман являются прототипом идеи центра, который можно воссоздать на любом другом месте (ибо все, что существует, должно иметь центр), так и все, что можно отнести к субъективной плоскости, к сфере сознания, должно нести в себе организующее начало, порождающее вокруг себя многообразие и связывающее это многообразие в единое осмысленное целое. Идея центра на уровне Вселенной соответствует Демиургу, ее создателю и властителю, роль которого в микрокосмосе, в субъективной плоскости, исполняет Самость – вневременная, подлинная опора нашего существа, являющаяся одновременно и центром сознания, и сознанием в целом, это Атман восточной философии, Осирис Саху в древнеегипетской традиции.

Теогонические мифы рассказывают нам о появлении богов, об их рождении, или эманации, из некоторой изначальной точки, которая в неоплатонической философии представлена Единым, или Демиургом – Создателем, изначальным Принципом, каковым в греческой мифологии выступает, с одной стороны, Хаос и, с другой, – каждый из правителей Вселенной в последующих эонах времени, какими были и Уран, и Кронос, и потом Зевс. Появление остальных богов, сотрудников Демиурга (чаще всего речь идет о его потомках), происходит по мере развития мира. Если в начале есть лишь изначальная точка и некоторое окружающее ее аморфное пространство, которое неподвластно Демиургу, то в конце процесса создания мы можем говорить о космосе, который прошел через определенные фазы становления и, с другой стороны, о Теосах, или богах, которые были необходимы для того, чтобы космос мог развиваться и приобрести те характеристики и форму, которыми обладает ныне. Красота, Справедливость, Порядок – каждая из этих категорий связана с одним из божеств, которое ее олицетворяет и является гарантом ее присутствия в этом мире.

Теогонические мифы рассказывают не только о рождении Богов, функциях и событиях, с ними связанных, но также в качестве модели показывают, каким образом освобождаются изнутри наружу скрытые потенциалы человеческой души, описывают процесс ее роста. Подобно тому, как Демиург в начале времени эманурует свое потомство, демиургическое начало внутри нас эманурует определенные способности – то, что позволяет человеку участвовать в жизни и придавать ей форму. Каждое божество, упоминающееся в мифе, в более или менее развернутом виде присутствует в сознании. Именно теогония говорит о качествах, которые необходимо найти внутри себя (поскольку мы обладаем ими изначальными) и вывести наружу, имитируя таким образом действия Создателя всего сущего.

Теогонический миф – это мандала сознания и его роста, образец внутреннего движения; он – модель генетической структуры души. В случае физического организма гены являются носителями всех возможностей, которые могут быть реализованы. Процесс объективизации начинается вместе с дифференциацией изначальной точки – яйцеклетки – и развертыванием того, что до этого момента существовало в потенциальном, свернутом виде. «Мандала содержит в себе весь процесс сотворения мира из глубинного центра сознания... измерений сознания» (Лама Анагарика Говинда «Путь белых облаков»).

Но как освободить лучшее из нашего внутреннего мира, позволив ему проявиться вовне? Какие качества необходимы для того, чтобы можно было говорить об «идеальной», наполненной божественным жизни? Где найти образец, которому можно подражать?

Согласно греческой мифологии, владыкой Вселенной является **Зевс**, отец богов и людей, универсальная мощь, которая движет всем, соединяет все и ведет мир к осуществлению определенной цели. Теогония Гесиода является мандалой и космограммой, центральное положение в которой занимает Зевс, а остальное пространство наполнено творящими силами, являющимися во Вселенной принципами, а в человеке – силами духа, души и тела. Титаны, Гиганты, Циклопы вместе с другими божествами хтонического происхождения олицетворяют стихийные силы и инстинктивную природу человека; Зевс и его окружение представляют разумную и осмысленную мощь Первоначала, которой в человеке соответствует духовный принцип и воля духа осуществиться, развернуться в пространстве времени.

Рассматривая браки Зевса, мы можем видеть, что они описывают рождение божественных сил и потенциалов, эманацию созидательных начал, которые, являясь мерой всего сущего, сделали Вселенную гармоничным и прекрасным творением.

Человек также является творцом, и в первую очередь творцом самого себя и своей собственной судьбы; каждый обладает способностью сделать свою жизнь, внутреннюю и внешнюю, более соответствующей небесной модели. В сфере духовного Зевс – символ доброй воли, стремления расти, подниматься от плоскости анимально человеческого к плоскости человеческо божественного. Если человек и создан по образу и подобию божьему, то это подобие присутствует внутри нас в более или менее свернутом (имплицитном) виде как нечто возможное, но спящее в лоне великого забвения души.

Философ-мистик, движимый внутренней потребностью, стремится к завоеванию пространства своей души; он проникает в лабиринт сознания, движется к его центру и по мере приближения к нему открывает внутри себя и интегрирует в сознание те аспекты своего существа, о которых мало знал и еще меньше ими пользовался. Философский образ жизни объективизирует те грани души, которые в мифологии олицетворяются детьми Зевса. Его супруги символизируют способность души «забеременеть» смыслом, сделать пассивное и скрытое активным и проявленным. Любовь к Прекрасному, Справедливому и Доброму – это зов духа, оплодотворяющий душу, и, присутствуя во всем, он облагораживает жизнь и освещает все ее стороны. Это зов Неба, позволяющий смертному быть и здесь, и там, в центре мира, где преходящее и непреходящее совпадают; участвовать в жизни, но помнить о смерти, стремиться к совершенству, но помнить о своем несовершенстве. Философский поиск не происходит вслепую – он направлен, и его путеводителями являются как добрая воля внутри нас, так и воля наших учителей, играющих роль и Зевса, и повивальной бабки, принимая роды и принимая участие в процессе внутреннего преображения ученика.

* * *

Согласно мифу, первым браком Зевса был брак с **Метидой** – богиней, олицетворяющей божественную Мысль и Разум, что говорит о стремлении Зевса создать организованный, гармоничный, осмысленный космос, в котором нет места стихийному. И хотя может казаться парадоксальным то, что Зевс проглотил Метиду (о чем рассказывает Гесиод в своей поэме: «Себе ее в чрево Кронион отправил, дабы ему сообщила она, что зло, а что благо»), в философском и символическом аспекте подобное действие было необходимо, чтобы будущий мир мог стать олицетворением порядка и согласия. Зевс – устремленность и самодвижущее начало души – способен создавать и действовать, но без ассимиляции божественной мысли

(Метиды) все созданное и совершенное им не будет ни осмысленным, ни гармоничным. Мир же, в котором мы живем, продуман, и в нем все взаимосвязано божественным промыслом.

Союз Зевс-Метида символизирует философский Эрос, любовь к Мудрости, добрую волю, которая в своем поиске в итоге доходит до цели своих исканий – **Афины** -Мудрости, которая есть не просто знание, а знание самой жизни. Она – не результат пассивного размышления о природе жизни, а осмысление нашего участия в ней. Об этом говорит и миф, согласно которому именно Зевс порождает Афины – она выходит из его головы не как знание чего-то, а как умение творить благо.

Рождаясь, Мудрость всегда возникает внезапно, не зная промежуточных фаз роста и развития. Она либо есть, либо ее нет. Мы либо погружены в состояние неведения, в темноту, либо обладаем способностью ясно видеть и действовать мудро и справедливо. Рождение Афины-Мудрости всегда подобно озарению, проблеску интуиции, проникновению Света в те уголки души, где прежде его не было.

Мудрость не пассивна, она не может идти на компромисс со злом, ибо, как сказал Джордано Бруно, не сопротивляться злу – значит сотрудничать с ним. Идея взаимосвязи Мудрости и праведного гнева встречается и на Востоке, где сыновья Шивы олицетворяют эти две функции: это Ганеша – бог Мудрости, имеющий облик слона (его супругой является Буддхи, символизирующая разум и интуицию), и Картикея – бог войны и носитель творческой силы Логоса.

Афина – это Мудрость, воплощенная в действии, и, так как Мудрость не может быть несправедливой, движение к ней никогда не идет в ущерб другим, а мудрое действие всегда направлено на поддержание и восстановление справедливости и правды. Добродетель есть знание, как утверждает Платон; она также является предпосылкой правильного делания, которое всегда будет добрым для окружающих, ибо Мудрость неэгоистична. И в этом смысле поиск Мудрости предполагает исполнение своего долга во всех плоскостях человеческого существования. Мы должны отдавать должное своей душе, своему окружению, тем, кто был до нас, и тем, кто придет после нас. Философский поиск является не уходом от жизни, а глубоким проникновением в жизнь и способностью обогащать ее.

Афина, олицетворяющая Мудрость, символизирует способность видеть сущность явлений, вневременные метафизические ценности и благодаря этому в различных формах узнавать одну и ту же красоту, один и тот же смысл, одну и ту же реальность. Мы отличаемся друг от друга, но есть и то, что нас роднит, – это жизнь сама по себе, движение Вечности во времени-пространстве, осуществляемое посредством многообразия форм, идет ли речь о природе или об обществе, об индивиде или о народах, о той или иной религии или о любой другой форме деятельности, ведущей человека к истокам. Мир изменяется, но Истина всегда остается одной и той же. Воплощаясь в этом мире в различных формах, Бог остается неизменным.

В буддизме первой ступенькой срединного восьмеричного пути являются правильные представления о жизни, из которых вырастает правильный образ мышления. Другими словами, там, где нет ясности, нет света, движение мысли будет смутным и ошибочным; в темноте легко спутать одну вещь с другой, истину принять за ложь и наоборот. Чем больше наши представления о реальности соответствуют самой реальности, тем более правильным будет и образ мышления. Эти две ступеньки вместе с правильным словом соответствуют Мудрости (Рагга).

Способность видеть то, что для других остается в темноте, символизирует сова, являющаяся одним из атрибутов Афины. Оставаясь неподвижной, эта птица может видеть все, что ее окружает, ибо, в отличие от других, она имеет обзор, охватывающий все триста

шестьдесят градусов, для нее не существует недоступного взору пространства. Афина-сова всегда находится в центре своего мира и является его владыкой, ибо в центре причина и следствие совпадают, там нет противостояния и противоположностей.

Если Зевс-Метида являются началом абсолютной реальности, то центром проявленного мира, тенью центра центров является Афина. Она – мысль Зевса, эманированная во время-пространство, гарант и страж равновесия как на уровне отдельной личности, так и на уровне государства. В Древней Греции новорожденным дарили амулет в форме маленькой змеи – символа интуитивной мудрости и защиты; этот обычай сохранился как напоминание о той роли, которую сыграла Афина, являясь покровительницей и защитницей первых правителей посвященного ей города и его царей – полузмей Кекропа и Эрихтония. Мудрость, покровительство и защита духовных высот в области политической жизни соответствуют на уровне индивида стремлению к справедливости, поиску внутренней красоты и согласия, способности примирить внутренние противоречия и, совершая в жизни выбор, всегда выбирать в пользу роста и преодоления своих собственных недостатков и ограничений.

Афина-Мудрость для ищущего является началом и концом философского пути. Как говорили неоплатоники, наша душа является одновременно и богатой, и бедной. Любовь к Мудрости говорит об ущербности, неполноте, о поиске того, чего нам не хватает. С другой стороны, то, что мы ищем, мы находим в конце концов в самих себе, ибо Истина и Непреходящее изначально пребывают в нашей душе.

* * *

Вторым законным браком Зевса является брак с **Фемидой**, богиней, персонифицирующей природный закон и основополагающие принципы мироустройства, без которых мир не может мыслиться как порядок, как космос, где все взаимосвязано и множество одновременно является единством, части которого не исключают, а взаимодополняют друг друга.

Греческое слово *themis* – «база», «основание», «справедливость», «фундамент» – соответствует санскритскому слову «Дхарма» и древнеегипетскому «Маат», которое означает не только правду, но и идею разумного порядка, смысла творения, отклонение от которого ведет к ущербности и утрате смысла существования, к удалению от истоков.

Богиня Фемида знает будущее, смысл и цель существования Вселенной в целом и каждой из ее составляющих. Эта способность дает ей возможность правильно и справедливо решать дела в настоящем. Дочь Урана-Неба и мать Прометея, в человеке она представляет внутренний, природный Закон, который направляет и ведет сознание по дорогам метаистории к самоосуществлению, актуализации смысла. Все, что существует, существует ради определенной цели и находится в поиске этой цели. Реки имеют свои истоки и свои русла, по которым устремляются к морю. Подобно им, сознание в своем движении через пространство-время разворачивается и растет внутри тех рамок, которые определены природой самого сознания – его собственной Фемидой. И хотя мы способны созерцать лишь отдельные участки пути, это не значит, что наше существование лишено смысла и цели, выходящих за пределы нашего понимания.

Движение к цели – это всегда движение через неизвестную территорию, на которой есть и препятствия, и проторенные, хорошие дороги. Правильное представление о всех фазах пути, или о будущем, позволяет наилучшим и наиболее быстрым способом сделать то, что мы должны сделать как внутренне, так и внешне.

Соответствовать внутренней Фемиде – значит не идти против своей природы и своей совести, делать то, что человек способен делать хорошо, а не то, что хочется.

Время-пространство философского пути определены кодексом – правилами, без которых невозможно говорить о внутреннем росте, о передаче знания и навыков или о формировании системы ценностей, способствующих трансмутации души. Кодекс вытекает из мировоззренческих представлений философских школ, из их учения о природе и смысле существования человека и мира. На практике он превращается во внутреннюю дисциплину и метод движения по пути, в умение жить так, как подобает философу, – практиковать философию. Созерцание без метода и метод без созерцания никуда не ведут, ибо мы хорошо понимаем лишь то, что пропустили через себя. Познавать себя не значит анализировать состояния психики в той или иной ситуации, но активно участвовать в жизни, быть способным накапливать и опыт, и прозрения. Как говорит Пьер Адо, цель античной философии – «выработать некоторый навык, развить некоторый *habitus*, сформировать новую способность суждения и критической оценки; речь идет о том, чтобы преобразить индивидуума – изменить его способ бытия, его мировоззрение».

Мудрость – это глубокое понимание жизни и знание ее законов, способность отличать справедливое от несправедливого. Чтобы делать добро, необходимо знать, что им не является.

Законы есть, и они – опора мироздания. Но в отличие от этих Законов, с присущими им постоянством и неподвижностью, проявленный мир меняется, в нем есть и гармония и дисгармония, и мир, и война. Есть вещи, в которых мы соответствуем своей природе, и есть то, в чем идем с ней вразрез. Если не возобновлять и не поддерживать порядок, опираясь на Истину, то стихийные силы приведут все в состояние хаоса и анархии, когда на уровне Вселенной происходит дезинтеграция, а на уровне общества – смерть культуры.

Зевс, имя которого античные авторы выводят от слова *Zwh* (Жизнь) и воспринимают как первопричину жизни, как жизнетворящего Демиурга, вступая в брак с Фемидой, порождает **Ор** и **Мойр**, которые в дальнейшем должны обеспечить мирную и гармоничную жизнь в пределах неба и земли.

Оры как хранительницы врат Олимпа оберегают и все то, что Олимп символизирует, – авторитет, опирающийся на Мудрость, а не на силу, на согласие, а не на споры и интриги, на меру во всем, а не на неумеренность. Оры являются гарантами роста, процветания и богатого урожая – всего того, что необходимо для развития жизни как в природе, так и в обществе. Оры, богини времен года – Дике (Справедливость), Эйрене (Мир) и Евномия (Благозаконие) – проецируют природу Олимпа в мир людей, божественное Согласие, опирающееся на Первую Причину, – в политическое согласие. Политика, согласно Платону, подобна ткацкому ремеслу, которое должно соединить в прочную и красивую ткань государства благоразумных и мужественных людей, способных вести других к правильным представлениям о прекрасном, справедливом и добром, к тому, что в душах порождает не что божественное и придает ему форму. Царское искусство – это умение править не только другими, но в первую очередь самим собой.

Если Оры связывают нити ткани в единое целое, налаживают и определяют взаимосвязь в пространственном измерении, то Мойры, богини судьбы, – Клото (Пряха), Лахезис (Дающая жребий) и Атропос (Неотвратимая) – в Зевсовом мире олицетворяют судебную власть, причинно-следственную ткань времени, в которой прошлое переплетается с настоящим, а настоящее – с будущим. Все одушевленное путешествует по оси времени и во времени открывает свою настоящую природу, свои истоки и свое осуществление.

Согласно некоторым мифам, существуют также Мойры, дочери Ночи, которые старше Зевса; они отмеряют и его судьбу. Таким образом, Зевс оказывается владыкой и предводителем лишь младших Мойр. Вместе с ними он управляет тем, что находится в пределах им же сотворенного космоса. По аналогии мы можем различать судьбу, которую выбираем мы сами,

и, с другой стороны, ту судьбу, которая выбирает нас и нами правит, – в первом случае судьба проистекает из осознанного выбора с принятием всех вытекающих из этого следствий, во втором – наши решения имеют эпиметеевскую природу. Мы – творцы собственной судьбы. Наше прошлое воплощается в форме нашего настоящего, а это настоящее с присущими нам убеждениями, стремлениями, идеалами и действиями определяет наше будущее. Во времени мы совершаем путешествие в глубину души, чтобы открыть там лучшее, что есть в нас. И хотя это путешествие не менее трудное, чем странствия Одиссея, в конечном итоге все мы вернемся в Итаку – более сильными, более мудрыми, утратившими многое из того, что является лишним, и приобретшими то, что невозможно потерять.

Оры олицетворяют способность организовывать и гармонизировать внешнее жизненное пространство. Движение в окружающем пространстве дает возможность, познавая мир, познавать самих себя. Мы побеждаем свои недостатки и ограничения, преодолевая жизненные испытания. Со своей стороны, Мойры определяют внутреннюю жизнь и ее динамику.

Оры и Мойры создают космический куб микрокосма и макрокосма, охватывающий освоенную область, ту часть мира множественности, которая видится нами как единое. Центром этого куба является Афина – благоразумие и мужественность, о которых говорит Платон, знание законов и способность восстанавливать справедливость. Семь дочерей Зевса олицетворяют священный порядок, естественное, а значит, и должное соотношение функций – действующих начал и элементов этого космоса. Вне куба находится неинтегрированное время-пространство, психологически это то, чем ищущий может стать, но еще не стал, и практически – то, что он должен преодолеть, но еще не преодолел.

Хорошей иллюстрацией может быть любое государство, которое, будучи Космосом, повторяет небесную модель. Так, например, ситуация в Восточной Европе до перестройки соответствует эпохе Кроноса. По отношению к переменам все старое носит, в той или иной мере, стихийный характер, который мифология приписывает титанам. Одновременно старое играет роль Тифона, желающего вернуть былые времена.

Нынешняя территория этих государств и исторический момент представляют собой космический куб, в котором Президент и Правительство играют роль Зевса и Афины, стараясь мудро организовать «новое» пространство время. В зависимости от принятых законов, с одной стороны, и от принесенного с собой прошлого – с другой, государство будет более или менее гармонично и справедливо сегодня и в будущем. Оры и мойры, рождающиеся сейчас, могут сделать эти государства псевдокоммунистическими, псевдодемократическими, вновь тоталитарными или, может быть, более подобными небесной модели. В соответствии с этим Закон и Судьба, направляющие эволюцию человечества в целом, отмеряют новым системам их срок существования.

* * *

После брака с Фемидой Зевс вступает в третий и последний законный брак – с **Герой**, хранительницей брачных устоев. Она как госпожа поддерживает целостность космоса и является гарантом того, что все обеты, существующие между небом и землей, проявленным и непроявленным, будут соблюдены.

Преыдущие браки породили куб пространства-времени с его законами и Афиной – его центром, но жизнь и динамика внутри куба появляются с рождением детей Геры – Ареса, Гебы и Гефеста. Эти три божества олицетворяют три качества души, о которых говорит Платон в «Государстве»: храбрость, умеренность и мудрость.

Бог войны **Арес** олицетворяет все препятствия и конфликты, с которыми мы встречаемся

в жизни, все наши сражения, победы и поражения. Он соответствует яростному началу души, которое, проявляясь, может служить либо разуму, либо инстинктам и страстям. В зависимости от того, кому служит Арес, войны, которые мы ведем, будут либо справедливыми, либо жестокими и страшными.

Философ – воин, и сражается он прежде всего против собственных недостатков. Сражаться против других – дело нехитрое; намного тяжелее воевать против эгоистичного и негуманного в своей душе. Жизнь с ее проблемами является полем сражения, где на каждом шагу проверяются наши храбрость и упорство. Но все, что выпадает на нашу долю, всегда соответствует нашим возможностям. Судьба никогда не дает человеку испытаний, которые превышали бы его силы.

Гефест олицетворяет практический разум, способность планировать и осуществлять замыслы на практике. Согласно мифологии, он – владыка огня, бог-кузнец, который придает материи форму. Его творения обладают волшебной силой. Они могут быть носителями надежд, а могут, подобно ящику Пандоры, скрывать в себе все несчастья и беды человечества. Та же магия присуща всему, что мы создаем в «кузнице» своей жизни. Наши поступки и дела могут быть причиной наших собственных страданий и страданий других людей. Но кузнец внутри нас обладает и солнечной, созидательной природой. Следуя ей, он может направить свой труд на осуществление великих идеалов, дающих надежду на то, что завтрашний мир будет более добрым и красивым.

Философ-мистик является и кузнецом, и алхимиком. Он неустанно трудится над своей душой, несмотря на то что материал, с которым он работает, трудно поддается обработке. Придавая своей душе форму, мы испытываем боль, но это боль очищения, благодаря которой рождается Золотая Афродита, Венера Урания, спавшая до поры внутри нас в ожидании освобождения.

Хорошие мечи многократно проходили через огонь и воду и выдерживали множество ударов молота. Благодаря этому они становились гибкими и прочными, способными рассекать даже металл. Выковывая душу, мы приобретаем гибкость, без которой можно сломаться, и решимость, без которой нет веры ни в себя, ни в других.

Если творением Бога является Вселенная, то творением человека является его собственная жизнь. Она может быть красивой или уродливой в зависимости от способностей, терпения и мастерства своего земного кузнеца.

Геба – богиня юности, она дает душе молодость, так необходимую на пути. Она – символ вечного поиска, стремления идти дальше и способности души удивляться тому, что для других стало привычным и обыденным. Геба также олицетворяет правильную меру, золотую середину, умение избежать излишества и ущербности; гармоничное соединение священного и мирского, великого и малого, небесного и земного. Согласно мифологии, она является виночерпием на Олимпе. Геба – супруга Геракла, получившего ее в жены после свершения всех своих подвигов. Их брак символизирует соединение юного и героического. Юными, неподвластными времени остаются в нас с трудом завоеванные добродетели и доблести, способности совершать благодеяния.

Геба, Арес и Гефест живут и в нашей душе; в нас заключена способность созидать и мечтать, любить и оберегать тех, кого любим. Задавать вопросы и одновременно находить ответы, не забывая, что вуалей, покрывающих тайну, много – столько же, сколько звезд на небе и душ на земле.

Кроме законных браков, Зевс, желая обеспечить свою власть на Олимпе, вступал во внебрачные связи. Так в Космосе от Эвриномы появились Хариты, от Деметры – Персефона, от Мнемосины – музы, от Лето – Аполлон и Артемида, от Майи – Гермес, от Семелы – Дионис и от Алкмены – величайший из греческих героев – Геракл. **Хариты** (от *chans* – «милость») символизируют доброту, радость и сострадание по отношению к окружающему миру – то, чем должен обладать философ, будучи при этом строгим, мужественным и требовательным по отношению к самому себе. Харизма – это влияние, основанное не на логике или признании назначенной власти, а на силе личных способностей и примера, которые говорят лучше любых словесных аргументов и доводов. Если бы Платон не жил теми ценностями, которым он учил, не было бы ни Академии, ни неоплатоников, ни многих других философов, которых вдохновляло его учение. То же самое можно сказать о других Великих Учителях, образ жизни которых для их учеников говорит о том, как нужно жить и умирать, как пройти через жизнь, чтобы оставить за собой следы и солнечный огонь, рассеянный по земле.

Дочери Мнемосины (Память, Воспоминание) – **музы** (мыслящие) символизируют способность души ощутить другую реальность, проникнуть туда на мгновение и по возвращении принести с собой аромат вечности, придав ему форму стихов, музыки или, может быть, воспоминаний о Прошлом. Именно музы придают этим формам способность быть подобными источнику в доме Аида, воды которого приводят испившего их в царство героев. Это воды Мнемосины, и лишь они могут утолить жажду детей Неба и Земли.

Аполлон, сын Лето, представляет идею света, созвучия и целостности. В отличие от Гелиоса, он – символ света божественного, всех тех сил, которые способствуют вертикализации внутреннего пространства, объединенного в единое целое. Мир одновременно един и множественен. В отличие от Мировой Души, которую привел в согласие Демиург, наилучшим образом соединив между собой все ее части, человеческая душа не только множественна, но при этом в ней отсутствуют гармония и порядок. В ней нет соразмерности, золотой пропорции, которая смогла бы объединить мирское и философское, преходящее и непреходящее в единое осмысленное целое. Если Артемида символизирует дуаду и материю, то Аполлон олицетворяет духовное начало, которое не исключает мирские аспекты жизни, но предполагает способность облагородить малое и воссоздать снова растерзанного Диониса-Осириса. Аполлон – бог-целитель, символ победы над самим собой, объединения рационального и иррационального, преходящего и непреходящего, Земли и Неба. Это всепоглощающий огонь духовности, способность умело играть на лире душе и трансформировать свое существование в прекрасную мелодию, в которой звучат и темы радости, и темы грусти, темы возвышенные и героические, ибо философский поиск знает и счастье, и боль. Но он знает и славу победы, лавровый венок Аполлона – символ вечнозеленой жизни и бессмертия.

С другой стороны, то, что несет Аполлон, невозможно без качеств, присущих его сестре **Артемиде**. Она правит развитием у человеческого существа способности уничтожать все тленное и инстинктивное. Философ – это охотник, преследующий собственные недостатки, которые зачастую скрываются глубоко в лесах и пещерах души. Прежде чем получить право вступить в Город справедливых, так любимый Артемидой, человек должен очистить себя огнем добродетели. В начале пути он проводит долгие годы, скитаясь в темноте под холодным светом Луны Артемиды, которая, возрастая, становится способной полностью принять свет Аполлона – духовного Солнца – и принести его на землю.

С рождением **Гермеса** появляется возможность движения по космической оси. Если до этого момента вдохновение исходило от муз, то теперь человек обретает способность свободно путешествовать через три мира и таким образом соединять мир людей с мирами предков и богов.

По отношению к Небу философ-мистик становится его вестником, по отношению к земле – добрым пастырем и водителем душ. Это возможно потому, что душа его является дочерью Деметры, **Персефоной** – богиней, которая вращается между небом и землей, благодаря чему происходит обогащение и того и другого.

Если дикая неводеланная земля порождает «случайные» дикие растения, то Деметра является матерью зерна, корма небесных птиц. Кора-Персефона символизирует естественные, но загадочные силы души, попавшие в плен неподвижного и темного царства Аида. Именно Гермес выводит Кору из подземелья и возвращает ее матери, Деметре, в лоно космической жизни.

* * *

Последние два брака владыки Олимпа были, по Гесиоду, браками со смертными женщинами. **Дионис** – сын Зевса и Семелы, дочери фиванского царя Кадма. Рождение его необычно: оно происходит в тот момент, когда связанный клятвой Зевс является перед ожидающей ребенка Семелой, окруженный молниями, в раскатах грома, что вызывает ее смерть. Рожденный до срока Дионис – в чреве матери он провел лишь шесть месяцев – был спасен и зашит в бедро отца до момента своего второго рождения. По более древним преданиям, Дионис является сыном Зевса-Змея и Персефоны. В этом обличье он – великий охотник Загрей, убитый и съеденный титанами. Именно из их пепла потом были созданы люди, вследствие чего они являются и тем и другим: и титанической стихийностью материи, и божественностью Диониса. Подобно Дионису, люди способны воскреснуть, получить право пребывать на Олимпе, но это может произойти только после многих нисхождений в подземный мир, куда их тянет желание спасти Семелу-Персефону, чтобы вместе с ней подняться на небо.

Миф о Дионисе рассказывает нам о таинственной связи, существующей между смертным и бессмертным началами в человеке. Диониса называли Освободителем и Солнцем полуночи. Он является символом внутренней дороги, возвращения в центр, на трон Зевса, символом героического восторга, вдохновляющего ученика идти по пути.

В отличие от Диониса, **Геракл**, сын Зевса и Алкмены, символизирует путешествия по дорогам внешнего мира, где ученик решает конкретные проблемы и преодолевает конкретные препятствия. Геракл – символ способности преодоления слабостей человеческой души. Это герой, воин, воплощающий на земле способности, унаследованные им от своего божественного отца. Он выстрадал свои подвиги и, совершая их, поднимался по спирали от земли к небу. Подобно Гераклу, философ стремится прежде всего служить людям и посредством борьбы создавать основу для гармоничной жизни, наполненной творчеством и утверждением высоких общечеловеческих ценностей.

Подобно Гераклу, он должен стать примером построения жизни на земле по образу бытия богов. Чтобы это стало возможным, он психологически повторяет схему теогонии и отражает на земле порядок, существующий на небе, воплощает во времени и пространстве то, что находится вне времени и пространства. Таким образом его жизнь приобретает характер ритуала. Повторяя теогонию и космогонию, он воплощает архетипальную схему, имеющую свои начало, кульминацию и завершение.

* * *

Мы путешественники, и, хотя наше путешествие проходит на земле, движение наше направлено к небу. Так же, как в семенах заложено стремление к росту, глубоко внутри нас

спит воспоминание о Вечности. Его пробуждение означает начало поиска и вступление на философскую дорогу, обогащающую и душу, и саму жизнь.

Символизм храма

Антон Мусулин, президент ассоциации «Новый Акрополь» на Украине

Отношение человека к трансцендентной реальности во все времена выражалось в его желании возвыситься, подняться в ту область, которая превосходит обычное физическое существование, и – с другой стороны – в его способности воздвигать храмы, склонять голову и преклонять колена перед величием того, что открывалось его внутреннему взору.

У нас нет права утверждать, что храмы какой-либо одной эпохи или культуры лучше, чем остальные. Алтари и стены, воздвигнутые десять тысяч лет назад, не менее ценны, чем возведенные сегодня. Мы также не можем утверждать, что одна религия лучше другой. Просто каждая религия является особой формой выражения религиозно-философского Эроса – интимного чувства единства со всем, что нас окружает. Религиозность – это потребность не в физическом хлебе, а в насущном хлебе духовности, это любовь к Вечности, к Тайне, с которой можно встретиться лишь в своем сердце и которая, подобно земной любви, может быть более глубокой или менее глубокой.

Интуитивное восприятие бесконечности, преломляясь через призму той или иной религии и приобретая форму и облик символического характера, превращается в храм – образ присутствия вневременного во временном, бесконечного в конечном.

Каждый народ, каждая эпоха открывали и подчеркивали одну из граней трансцендентности, одну из множества форм проявления и выражения Слова-Логоса, который во времени-пространстве символов превращается в священные предания, объясняющие происхождение макрокосмоса и микрокосмоса, и в путь, соединяющий человеческое и божественное.

В индуизме храм подчеркивает идею многообразия и пышности жизни, танцующей над водами материи; в эллинском мире он воплощает идею гармонии и соразмерности, присущих Космосу; в христианстве храм призывает к любви и смирению; в исламе он говорит о невозможности выразить беспредельность посредством форм, созданных природой; египетский храм свидетельствует о монументальности непреходящей реальности.

Храм говорит о Космосе и о пути, он – образ того и другого, их земное отображение.

Подобно тому как в платоновском мифе о пещере узники пещеры принимают тени, отбрасываемые реальными объектами на ее стены, за саму реальность, мы часто принимаем символы – знамения трансцендентности и беспредельности – за саму беспредельность, забывая, что они являются лишь отражениями, которые напоминают о существовании иного и открывают к нему дорогу.

Между символами и тем, что за ними скрывается, существует путь напряжения и роста, ведущий от образа к его причине, от мифа о солнечном герое к реальности солнечной дороги, от наблюдения неба к самому небу, от храма снаружи к храму внутри.

Дорога воспоминаний

Итак, храм говорит о том, как люди представляют божественное, и одновременно является напоминанием о нем. В древнегреческой мифологии Музы, дочери Мнемосины – богини воспоминаний, олицетворяют все то, что позволяет человеку вспомнить забытое, возобновить свои воспоминания о Вечности, о существенно важном и подлинном. Вид храма,

изображения внутри него, слова молитвы и безмолвие, запах ладана – все это, как линза, фокусирует наше сознание и направляет течение наших мыслей и чувств, ведя к самоуглублению, к созерцанию того, что выходит за пределы обычного и преходящего. В душе, хотя бы на мгновение, вспыхивает искра внутреннего света; душа просыпается и отождествляет себя с иным. Из ее поля зрения исчезают образы мирских, внешних вещей, их место занимают знамения зова. Вспомнить – значит возвыситься, оживить и задействовать спящие способности души, вернуться к самому себе. Стремление ввысь и вглубь – это сущность религиозности, это основная доминанта храма, небом которого является его свод, а дорогой к небу – путь, ведущий от входа к святилищу, в святая святых, в скрытое сердце храма.

В этом аспекте храм напоминает о некоей другой жизни, напоминает о небе – внешнем и внутреннем, потому что душа каждого человека имеет свое небо и свою звезду спасения на нем. Символическое пространство-время храма позволяет человеку воссоздать внутри себя пространство-время общения с божественным, встречи с сильной, возобновляющей и поддерживающей жизнь мощью.

Иное пространство

Согласно неоплатоникам, в человеческой душе присутствуют два Эроса, два типа стремлений: один ведет к удалению души от Блага и погружению в материальный мир, другой возвышает ее к Благу и очищает от всего преходящего. Соответственно, пространство-время с точки зрения религиозности может быть удаленным от Бога или близким к Богу – мирским или священным.

Мирское пространство – это «обычное», однородное и монотонное пространство горизонтальных движений, где места и сооружения не отличаются одни от других, одинаково чужие и близкие, в равной степени человеческие, земные. Мирское пространство подобно лесу, в котором легко потеряться и откуда трудно выйти. Если, идя по жизни, смотреть только под ноги, не поднимая головы к небу, то лес обыденного для нас, путешественников, становится дремучим лесом. И в этом лесу в один «прекрасный» день мы можем превратиться в неподвижных полуспящих существ, подобных растениям, в существ, которые отмеряют течение времени лишь появлением новых колец, все сильнее отделяющих внутреннее от внешнего, кору жизни от ее сердцевины; существ, у которых стремление расти в ширину преобладает над стремлением вертикализировать, облагородить свое существование.

В отличие от обычного пространства – пространства повседневных мирских забот, которым не видно начала и конца, где каждый занят своими делами, не имеющими ничего общего с идеей универсального и космического, где человек является мерой вещей, – священное пространство можно определить как сильное, заряженное смыслом. Кроме того, оно является центром эманации смысла. Роца, река, гора, храм, город и даже страна, получая статус священного места, обретают и то, что отличает их от слабого пространства: способность притягивать и объединять мысли и чувства людей вокруг сердца священного пространства – идеи присутствия иного в обыкновенном.

За порогом обыкновенного

Священное и мирское отделены друг от друга. Одно является владением Бога, другое – территорией человека; одно – пространство стремления возвыситься духовно, другое – пространство преходящих стремлений и желаний.

Идея границы присутствует в словах *templum* и *temenos*. Оба эти понятия произошли от

индоевропейского корня *tem* («отсечь, ограничить, разделить»).

Первоначально слово *templum* означало ту часть неба, которую жрец очерчивал своим жезлом, изучая явления природы и полет птиц, а позже так стали называть и то священное пространство, в котором происходил ритуал наблюдения. Греческое слово *temenos* означает участок земли, посвященный божеству, священную рощу или какое-либо другое ограниченное священное пространство, которое нельзя осквернить.

Переступая порог храма, линию, которая и разделяет, и соединяет мирскую и священную реальности, верующий совершает переход из одной плоскости бытия в другую. Входя в храм, мы всегда входим в другое время и пространство, сбрасываем с себя груз повседневности и малых человеческих забот, ожидающих нас за порогом храма.

Вступив в храм, в вечно юное, возобновляющее и очищающее душу пространство символов, мы вступаем на внутреннюю дорогу, дорогу молитвы и созерцания. Храм не только место диалога и встречи с божественным, он место переосмысления и «взвешивания» души, узнавания своих грехов – но не искупления их: грехи искупаются в том пространстве, в котором они совершены.

Выйти из храма значит снова вернуться в «страну заката», в темное и грешное пространство. В Кирилловской церкви (в Киеве) об этом говорят сцены, изображающие грехи и соответствующие им страдания, которые душа испытывает в аду. Во Владимирском соборе это сцена Страшного суда, которая находится над дверями внутри храма. На ней доминирует фигура Черного ангела, наводящая на размышления о смерти физической и смерти духовной, о возможности исчезнуть для Вечности, которая не вмещает в себя ничего, что не обладает ее природой.

Мирское пространство, находящееся по другую сторону порога, олицетворяет Хаос, или Бездну, которая существовала, когда еще ничего не было. В начале «земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водами» (Быт.), и потом в течение шести дней Бог создал мир, который является его владением. В результате творческого акта внутри хаоса – безвидного и текущего пространства изначальных вод – появляется свет, который Бог отделяет от тьмы, твердь, разделяющая верхние и нижние воды, и суша – опора жизни. Таким образом, сотворение является одновременно разделением пустоты и полноты, возможного и осуществившегося. На человеческом уровне творческий акт самосотворения есть переход от пустой, лишенной света и опоры жизни к жизни осмысленной, созидающей новую жизнь. Мудрость порождает новую мудрость, а любовь преумножает саму себя. Лишь дух, парящий над водами преходящей жизни, может создать внутри нее первый остров стабильности, остров огня, который в египетской мифологии символизировал творца вселенной и ее метафизическую опору.

Обращаясь к божественному, человек творит во имя божественного и подражает ему. Создание храма есть создание собственного мира, отделение космоса от чужого, «пустого» пространства.

Пространство чистое и стабильное

В отличие от мирского, священное пространство, каковым является храм и прилегающая к нему территория, – это чистое пространство. Поэтому вхождение в храм всегда сопровождается обрядом очищения, который с обретением права продвижения вглубь храма становится все более строгим. Священные предметы, все то, что хранится внутри святая святых, доступно лишь жрецам – тем, кто ведет чистый образ жизни. Согласно Геродоту, египетские жрецы совершали обряд очищения четыре раза в сутки в прудах или в реке, независимо от погоды и

времени года, и таким образом ежедневно подтверждали свое право войти в храм.

Осквернение храма – одно из самых страшных преступлений, которые может совершить смертный.

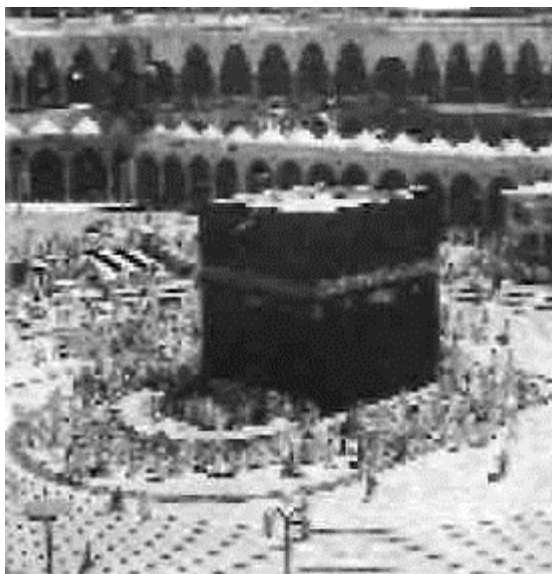
И с другой стороны, храм – это место, где не действуют законы, установленные человеком. Это территория, находящаяся во владении и под покровительством Бога. Быть гостем божества всегда означало находиться под его покровительством, как это и полагается согласно законам гостеприимства.

Алтарь, священные писания, статуи, иконы, изображения, символизирующие присутствие божественного, обряды очищения и жертвоприношения, форма самого храма и его ориентация – все это отделяет и ограждает храм от мирского, нестабильного пространства, делает его иным.

Будучи территорией иного порядка, пространство храма устойчиво, в определенном смысле неизменно. Хотя с течением истории его форма и некоторые внутренние элементы могут трансформироваться в зависимости от изменения второстепенных религиозных представлений и идей, в храме есть то, что остается неизменным на протяжении всей истории той или иной религии и без чего ее невозможно мыслить как таковую.

Необыкновенное

Храм трудно назвать обыкновенным местом. Он может быть построен из обычных материалов, быть большим или маленьким, находиться вне селения или в его центре, иметь или не иметь исторического значения, представлять предмет интереса для ученых и искусствоведов или же нет, – все это не определяет его важность и необыкновенность для религиозного человека.

Кааба, Мекка.

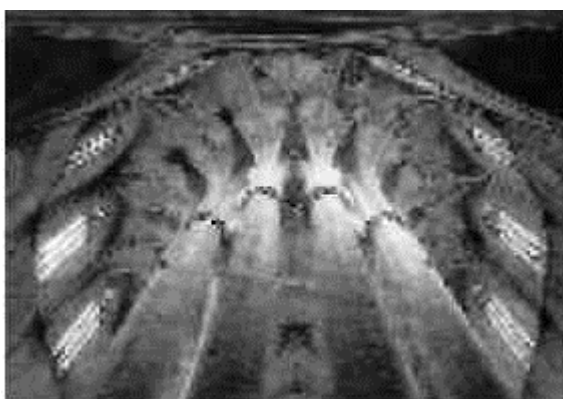
Императорский трон в дворцовой капелле Ахенского собора, Германия.

Индустский храм в Пном Кулене, Камбоджа.

Храм Надписей, Паленке, Мексика.

Свод готического собора.

На земном шаре есть места, в которых мы всегда можем чувствовать себя как дома. Есть сооружения, где двери всегда открыты и где мы, не стесняясь, открываем двери своего сердца, чтобы там, в своей душе, найти необыкновенное и встретиться с ним. Быть может, так происходит потому, что все то, что олицетворяет храм, мы изначально и всегда несем внутри себя, хотя лишь изредка заглядываем в тот уголок нашего существа, где нет богатых и бедных, рабочих и врачей, выбирающих и избранных, нет национальностей и вероисповеданий. Там нет

ничего, кроме напоминания о Боге и гуманности, о зове и поиске. Там, глубоко внутри нас, живет частица Вечности, частица Бесконечности. Входя в храм, мы переступаем порог, который во внешнем и во внутреннем пространстве разделяет преходящее и трансцендентное. Мы создаем коридор, соединяющий внешнее пространство храма с внутренним жилищем Бога.

Центр мира

Человек традиционных обществ всегда стремился жить в сильном пространстве, в пространстве иерофании – присутствия священного. Оно было для него точкой отсчета, символом истоков, начала времени, местом, откуда начинаются и куда ведут все дороги.

Сакральное пространство-время связано с идеей восхождения, проникновения в центр, возвращения к истокам.

Все дороги ведут к храму, сходятся в центре – в точке, оправдывающей существование окружающего ее пространства. Подобно тому как Создатель является центром всех центров, точкой эманации света и жизни, храм эманурует сакральность и притягивает, концентрирует вокруг себя стремление людей к святости. После обычных, мирских дней во время праздников, дающих возможность внутреннего возобновления, очищения от исторического времени, потоки людей устремлялись к месту встречи преходящего и непреходящего, человеческого и божественного – к храму.

Будучи центром, храм является местом совпадения противоположностей: жизни и смерти, видимого и невидимого, слова и безмолвия, ощущения ущербности и чувства наполненности души смирением и благоговением.

Строительство храма равноценно воссозданию собственного мира – мира, в котором невозможно потеряться, ибо в нем есть ориентиры и всегда известно, куда идти и как вернуться домой. По сути, движение в освященном пространстве всегда является уходом из храма или возвращением в храм. Храм всегда находится в центре города, в самой высокой его точке.

Идея центра – это основная идея храма. В разные времена эта идея выражалась по-разному: ее могли олицетворять колона, столб, лестница, гора, дерево и, конечно, храм.

Палестина, Иерусалим, Голгофа – это страна, город и мировая гора, являющиеся центром христианского мира. Согласно мифам, под Голгофой погребен Адам, на ней был распят Христос. В этом аспекте она соединяет первородный грех и искупление, начало человеческого пути и его конец. Качества центра присущи и Иерусалиму – городу, который, согласно традиции, не был и не мог быть разрушен водами Потопа, ибо сохранение центра равноценно спасению мира.

Существует легенда, согласно которой Киев погибнет тогда, когда разрушится мозаика Софийского собора. Всякое разрушение храма является, в каком-то смысле, и разрушением, концом мира. Уничтожение храмов после 1917 года знаменовало конец сакральности. Это были времена потопа, эпоха, когда воды иррациональной и анимальной природы человека унесли не только многие жизни, но, прежде всего, чувство чести и религиозность, во все времена являющиеся опорой нравственности.

То, что не обладает центром, с точки зрения трансцендентности не существует. Оно подобно изначальному Хаосу, бесконечному морскому пространству, где все направления равноценны и все движения одинаково ведут в никуда.

Эпоха без храмов и без стремления к возвышенному рушится и дробится под своим собственным весом, ибо нет того, что могло бы собрать и соединить в единое целое разрубленное на части тело бога Осириса – тело живой духовности. Жизнь, в которой нет стремления к центру, растекается как вода, как туман, как мрак, который поглощает все и

делает все одинаковым. Мрак неведения не имеет источника, во мраке все равны и все в одинаковой мере окружены темнотой. В мире без духовности, без точки отсчета, неизменной и неподвижной, как Полярная звезда, доминирует мораль личной выгоды и личной власти.

Сегодня наступили времена реставрации, переосмысления истории и искупления грехов наших предков. Мы находимся на дороге воспоминаний и возвращения к истокам. Хотелось бы, чтобы этот путь стал и возвращением к сердцу: к способности выбирать сердцем, отдавать от сердца, общаться сердцем и смотреть на мир глазами сердца, – а не переходом от одной формы материализма, агрессивной и открытой, к другой, более тонкой, растворяющей душу.

Изначальность храма

Относительно центра, символа Первопричины, все существующее является светлым или темным, сильным или слабым – близким или удаленным от центра. Таким образом, центр создает иерархию сил внутри миропорядка, определяет взаимосвязь и взаимоотношения его частей. Центр мира является центром не только с точки зрения пространственных координат – он также находится у истоков времени. Центр делает нечто более или менее древним.

В христианстве рай и Небесный Иерусалим созданы одновременно, и каждый христианский храм представляет и воплощает на земле Небесный Город. Внутреннее пространство храма олицетворяет Эдем с четырьмя реками, определяющими структуру и границы Эдемского сада, в котором Господь Бог сотворил Адама, первого человека. В Эдеме произошло падение человека, там растут древо Познания добра и зла и древо Вечной Жизни. Рай, врата которого охраняет ангел с огненным мечом, олицетворяющий тайны Божьи, – это начало пути и конец пути. Возвращаясь в храм, верующий возвращается в чистое, не знающее греха пространство-время, чтобы вкушать там плоды с древа Познания и древа Вечной Жизни, чтобы лицезреть тайны. Уходя из храма, человек повторяет падение Адама, ибо мирское пространство является пространством падений и испытаний. Человек покидает центр мира – и рай, и Иерусалим, место Тайной Вечери, место смерти и воскресения Христа. И не только, ибо храм есть тело Христово.

Согласно традиции, Кааба – главное святилище ислама, а в древности языческий храм, посвященный Венере, – была создана на небесах до начала мира. Ее земное отражение построил Адам, но во времена Потопа оно было разрушено, и затем его воссоздал Авраам. Таким образом, Кааба – первое святилище, созданное на земле до Потопа и после Потопа, в первом случае – родоначальником всего человечества, во втором – отцом арабов и евреев, основателем единобожия.

В Древнем Египте план, единый для всех храмов, своими корнями восходит к небесной модели, разработанной в начале мира Богом-Творцом. Надпись на храме в Эдфу гласит, что дом божества, владыки этого города, был построен по правилам «Книги основания храмов первой энеады», как и все другие, построенные до него. Кроме того, каждый храм имеет своих предков, предшественников, которые до него стояли на том же месте, и каждый свою генеалогию прослеживает до начала сотворения мира, к временам возникновения изначального холма. Этот холм и есть первый храм, первое жилище бога Татенена – «Поднимающейся земли», создателя и первой суши, и первого храма.

Образ мира

Если жилище души и символ ее деяний – это сердце, то жилище Бога и образ созданного им мира – это храм. Он является копией небесной модели – первого храма, первого священного

пространства, и его возведение соответствует сотворению Космоса. Архитектор, мастер, создающий храм, в каком-то смысле имитирует деяния Бога, сам превращается в демиурга. Строительный материал: камень, дерево, обожженная глина – эквиваленты хаоса – под воздействием его инструментов приобретают форму, а само строительство становится актом жертвоприношения и самосотворения. И поэтому строительство храмов всегда требовало не только знания основных наук, которые изучались еще в Академии Платона – арифметики и геометрии, музыки и астрономии, – но и обладания глубоким мистическим чувством, тем, что позволяло вдохнуть душу в тело храма.

Если при строительстве мастер повторяет деяние Бога, то человек, участвующий в литургии, символически делает то же самое по-другому – он воссоздает храм внутри себя.

Храм как образ макрокосма и микрокосма, мира и человека должен существовать в трех плоскостях. Он имеет свое небо, свою землю и свой подземный мир – свои дух, душу и тело. Свод и алтарь представляют духовный мир – мир архетипов и первопричин; вечное и непреходящее начало в человеке и в природе; неизменное и необъятное пространство неба – такое же неизменное и необъятное, какой является трансцендентная, духовная реальность.

Между духовным и телесным существует мир движений и перемен, соединяющий эти две плоскости; в храме он представлен пространством, ведущим от входа к алтарю. В человеке это душа с ее радостями и страданиями, победами и падениями, а в природе – земля, горизонтальная плоскость, где существует и развивается жизнь во всем ее многообразии.

Фундамент, вход в храм, его внешний облик олицетворяют тело храма.

В этих трех мирах существует и живет не только храм, но и город. Он имеет свой Акрополь – верхний город, свою Агору – место, где происходит бытовая и политическая жизнь общества, и свой Некрополь – мир подземный. В этих мирах движется и человеческая душа – она нисходит с неба на землю и восходит с земли на небо. В течение ее земной жизни аналогом этого процесса является движение из храма в мирское пространство и обратно в храм, в центр мира и место встречи любящих друг друга Бога и Человека.

Когда мы влюбляемся, нам трудно объяснить, откуда и почему возникают эти глубокие чувства, облагораживающие душу. Мы влюблены, и, поглощенные необыкновенным, прекрасным, мы готовы преодолеть все моря и горы, чтобы встретиться, дотронуться до руки любимого человека. В этом состоянии мы забываем себя и свои маленькие желания, отрываемся от земли, испытывая и счастье, и боль.

Подобные чувства возникают у нас не только по отношению к видимой и осязаемой реальности. Даже в видимом мы любим невидимое – внутреннюю красоту, которая, открываясь нашей душе, делает и нас самих внутренне более красивыми. Как говорит Платон, любовь есть не что иное, как любовь к вечному обладанию Богом; это стремление к бессмертию, способность «забеременеть» духовностью, произвести на свет прекрасное, истинную добродетель, все те блага, которые несет в своем лоне человеческая душа. Беременный божественным человек на протяжении всей истории создавал то, что несло внутри себя воспоминание и напоминание о божественном. Такими напоминаниями являются, в первую очередь, творения, относящиеся к сфере сакрального, – все то, что воплощает идею зова и восхождения смертного к бессмертному, ущербного – к целостности и полноте, бедного светом – к исполненности сиянием света.

Символика волшебной сказки

Антон Мусулин, президент ассоциации «Новый Акрополь» на Украине

Символизм, структура и функция сказки – феномен достаточно сложный. Его исследование предполагает широту взглядов и способность не ограничиваться в своем подходе тем или иным определением, сводящим сказку к вымышленной истории или фантазии, способной заморозить детей, но не взрослых, которые умеют отличать реальное от нереального, правду от вымысла, возможное от невозможного или сверхъестественного.

Сказка – это мир волшебства, мир чудесного, мир, в котором нет ничего невозможного и, тем не менее, все происходит по определенным правилам. Несмотря на многообразие героев и событий, встречающееся в фольклоре различных народов, в сказке имеются функциональные и символические элементы, благодаря которым можно утверждать, что сказка – это не плод фантазии, она имеет определенные задачи, выходящие за рамки простого развлечения детей. Сказка может перенести нас в другой мир – мир детства, она способна снять нашу маску взрослого превосходства, не позволяющую ощутить волшебство существования как такового, ведущее к другому волшебству – к волшебству познания мира внешнего и мира внутреннего, Вселенной и человека, к волшебству, требующему от нас отваги.

Пространство сказки – это пространство символов, знамений другой реальности. Этим сказка подобна мифу. Сказочное пространство, как и мифическое, представляет собой метапространство, внутреннее пространство роста и становления. Символически оно не менее реально, чем другая, объективная сторона жизни. И хотя в реальном мире Кощей Бессмертного не существует, он реален как символ препятствий, связанных с идеей роста. Каждый раз, когда мы сталкиваемся с подобными препятствиями, мы встречаемся с Кощеем в одной из его ипостасей.

Посредством символов в сказках, мифах и сновидениях нашему взору открывается трансцендентальная реальность. Невидимое через посредников становится видимым, и в связи с этим важно вспомнить, что символы – только знамения, предвестники и носители опыта подлинной духовной реальности, сами они этой реальностью не являются. Функции сказки не ограничиваются только воспитанием, она – первый мост к сакральному.

Десакрализация

Жизнь – это чудо, и она не перестает быть им, когда мы выходим из детства. Наша основная проблема заключается в том, что мы привыкаем к жизни и она становится для нас слишком обыкновенной.

Лишившись сказки, легенды и мифа, человек утратил ощущение священного и символического и потребность проникнуть за пределы обычной мирской реальности.

Сказка является зовом в зрелость, легенда – воспоминанием о великом прошлом народов и отдельных людей, а миф – это воспоминание о Небе, о начале мира и его творцах, о подвигах солнечных героев. Каждая из этих структур архетипальна, каждая несет внутри себя определенные идеи, вопросы и ответы, каждая открывает дверь в пространство героев прототипов и задач иного порядка по возрастающей шкале и каждая, являясь носителем идеалов, вдохновляет на подвиги.

Вследствие десакрализации мы лишились способности не только видеть великое, но и подражать великому. Наше существование утратило нечто присущее сказке – поиск. Нет такой волшебной сказки, в которой герой не отправлялся бы на поиски.

Это может показаться странным, но между современной сказкой и сказкой, которую мы унаследовали из древности, существует огромная разница, хотя на первый взгляд они имеют много общего. Современная сказка является продуктом фантазии ее автора, который наделяет объекты и героев своего произведения сверхъестественными характеристиками и выстраивает

его события так, что они приводят к счастливому концу, сквозь который проглядывает нравоучение. Но, стремясь приблизить к ребенку наш мир и нашу эпоху и одновременно защитить его от «вымышленного» в древние времена – от эльфов, драконов, гномов, могучих богатырей и царей былого, – современная сказка, в конечном итоге, лишает ребенка возможности встретиться с подлинным волшебством сказки – со схемой инициации, или перехода, из детства в зрелость и с архетипами-символами, сопровождающими этот переход.

Традиция

Сказка принадлежит устной традиции, передававшейся из поколения в поколение. Поэтому трудно определить, когда возникли сказка и миф, а еще труднее говорить о возможных изменениях, которым они подвергались в течение истории. Тем не менее, можно смело утверждать, что основные элементы и функции сказки и мифа остаются неизменными. Народ обладает удивительной способностью сохранять и передавать элементы своей традиции без искажений (а быть может, это свойство самой традиции). В этом смысле сказка подобна магической формуле, которую нельзя произносить неправильно, ибо она утратит свою мощь.

Силой традиции и постоянства обладают также детские игры. Они такие же древние, как и сама сказка. Считалки, которыми пользуются дети в своих играх, не изменялись многие поколения; поскольку и у детей существует традиция, старшие «инициируют» младших в то, что знают сами.

Родители, со своей стороны, передают детям сказки, которые сами слушали в детстве, и так происходит из поколения в поколение. Помимо этого, мы наблюдаем в обществе способность хранить и передавать мифы и легенды, священные сказания о том, что происходило в былые времена, когда действовали существа более могущественные, чем сказочные персонажи.

Но традиция – это не просто передача информации. Это искусство и наука передачи умения *действовать* и умения *быть*, способность воссоздавать опыт прошлого средствами настоящего, устанавливать ориентиры как для внутреннего, так и для внешнего мира. Живая традиция способна решать противоречия и трудности, с которыми сталкивается человечество на уровне трех плоскостей, в которых движется наше сознание, – индивидуальной, социальной и космической. (Каждой плоскости соответствует одна из областей практической философии – этика, социополитика с философией права и философия истории).

Иное царство

Герой волшебной сказки, хочет он того или нет, в какой то момент доходит до границы, отделяющей обыкновенный мир от мира иного, и этой границей оказывается дремучий лес. «Идя куда глаза глядят» и преодолевая расстояние, отделяющее его родной дом от места, в котором начинаются волшебные приключения, герой должен путешествовать «долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли».

Местонахождение дремучего леса неизвестно; он может быть как ближайшим лесом, так и находиться где-то далеко. Подобно философскому камню средневековых алхимиков, сказочное пространство находится везде: «Каждый человек обладает камнем, он находится везде, в каждой вещи... но его все презирают». Каждый, кто находит этот камень, идет к нему собственной дорогой, которую трудно описать, дорогой одновременно и длинной, и короткой – камень находится везде и нигде, он где-то внутри. Так и сказочный герой, находясь в поиске, хотя и смотрит всегда на предмет своего поиска, приходит к нему неожиданно, в тот момент,

когда он к этому полностью готов.

Герой легко проникает в сказочное пространство, но выбирается оттуда часто с трудом: при возвращении его преследуют. «Брось сперва полотенце – делается широкая-широкая река, если же Баба-яга перейдет через реку и станет догонять тебя... брось гребешок – делается дремучий-дремучий лес – сквозь него она уже не проберется».

Дремучий лес, широкая река, синее море и горы отделяют один мир от другого. Они – бездна, которую может преодолеть только герой, а жители темного мира – нет; мир духов и духовный мир соприкасаются с миром обыкновенным, но не смешиваются с ним. Согласно поверьям любого народа, мир предков находится рядом с нами, но одновременно он бесконечно далек. То же самое можно сказать о мире богов и мире духовных трансформаций.

В дремучем лесу стоит избушка Бабы Яги, в которой герой может либо потерять жизнь, либо получить описание дальнейшей дороги, нужные советы и помощь – то, без чего ему невозможно добраться до сердца Тридесятого царства. Все, что происходит во дворе и в избушке Бабы Яги, окутано тайной: «Хорошо, – говорит Баба Яга, – что ты спрашиваешь только о том, что видел за двором, а не во дворе». Двор и избушка относятся к территории другого мира и, таким образом, подпадают под табу.

Как мы уже сказали, другой мир является не только потусторонним миром, но и священной территорией, где осуществляется обряд инициации (племя Вираджуры, например, называет его «обрядом лесной чащи»). О том, что происходило на священной территории, неопиты не имели права рассказывать непосвященным.

В сказке Баба Яга исполняет роль либо наставника и помощника, либо похитителя и антигероя, который стремится убить героя. Иными словами, иногда ей отведена роль, которую обычно исполняют Кощей Бессмертный, Змей и другие маски церемонии посвящения. Как бы то ни было, иное царство полностью воссоздает то, что было в начале времени: первый столб, первый холм, изначальный остров – изначальный мир, окруженный хаосом, внутри которого впервые был осуществлен и учрежден обряд посвящения. В инициации роль учредителей исполняют маски предки в лице волхвов и знахарей. В Элевсинских мистериях основные роли отводились Деметре, Гермесу, Селене, Гелиосу и другим божествам, принимавшим участие в изначальной драме.

Несмотря на отличия, существующие между священными легендами различных народов, инициация, повторяющая в форме обряда священную легенду, всегда включает в себя нисхождение героя в потусторонний мир, его страдания и воскресение, которому предшествует сражение с владыкой смерти, с мифическим чудовищем, проглатывание героя змеем, рыбой или другим существом, олицетворяющим хаос и состояние мира до появления Вселенной. Герой должен умереть, проходя через огонь и сгорая в нем, ибо огонь сжигает все тленное, все старое, делает душу сухой и легкой, снимая с нее все, что не имеет изначальную, божественную природу.

В сказках Баба Яга исполняет ту роль, которую в случае шаманской инициации играет Мать Хищная Птица, забирающая и уносящая в преисподнюю душу шамана, чтобы она там созрела, а в мистериях – Богиня-мать, хранительница и владычица земли и подземного мира, какими являются и Исида, и Деметра.

Другими важными персонажами Тридесятого царства являются Кощей Бессмертный и Дракон, которые, по всей вероятности, являются ипостасями одной и той же роли внутри сказочного пространства. В сражении с главным героем сказки и тот, и другой персонаж погибают. Этот сюжет может выражать идею передачи «тайного знания», в которое иерофант посвящает неопита, и, с другой стороны, победу над смертью, которую олицетворяют оба персонажа.

Согласно традиции, ни ведьма, ни знахарь не могут покинуть этот мир, пока не найдут себе преемников; два верховных жреца не могут существовать одновременно, и старший после передачи «тайного слова» своему ученику покидает этот мир, как это происходит с Моисеем при посвящении его брата Аарона в сан верховного жреца. В Китае говорят, что тот, кто убивает дракона, сам превращается в дракона. В греческой мифологии герой, сразившийся с чудовищем, приобретает некоторые его атрибуты и способности. Так, Аполлон убивает змея Пифона, но сам становится вещуном и владыкой пифийского искусства и храма Пифона – Дельфы; богиня Афина на своем щите несет голову Медузы Горгоны и обладает способностью превращать в камень тех, кто посягает, не имея на то права, на божественную мудрость, которую Афина олицетворяет; Георгий Победоносец освобождает из плена девушку – символ чистоты – и сам становится ее покровителем.

Змей охраняет центр потустороннего царства, и его владения окружает огненная река, переход через которую может означать прохождение через последние испытания, включающие в себя поглощение неопита мифическим животным и его извержение уже в новом качестве. Змей рождает посвященного, подобно тому как Левиафан рождает Иону. В некоторых сказках Змей знает тайные слова, которые позволяют понимать язык птиц и быть вещуном.

Слово *Кощей* этимологически связано со словами «кощуна» (миф), «кощунословие» (рассказывание мифов), «кощуник» (волшебник, сказитель преданий). Кроме того, этого сказочного персонажа можно отождествить с владыкой «кошного», потустороннего, подземного мира, где царят смерть и холод. Он персонифицирует темную и холодную часть года, а девушки, которых он крадет и забирает в свои владения, – весну. Мотив похищения, встречающийся в сказках о Марье Моревне и Царевне-лягушке (Василисе Прекрасной), соответствует мифическим преданиям о Персефоне, богине весны и подземного мира в греческой традиции.

Смерть Кощей спрятана в яйце, символе возрождения и существования в потенциальной форме всего, что может зародиться. Таким образом, Кощей находится у истоков – его смерть равноценна появлению мира. Подобное мы встречаем в вавилонском мифе о Тиамат, из плоти которой Мардук создает Вселенную. Кощей умирает, но он наделен бессмертием: после смерти он должен снова воскреснуть либо в форме зимы, которая сменяет жизненный цикл весна-лето, либо в образе всепоглощающей ночи Вселенной. Согласно сказке, его смерть спрятана «где-то», в никому не известном месте, на острове, окруженном океаном: «там стоит дуб, под дубом ящик, в ящике заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце моя смерть», на конце иглы. Тут мы встречаемся с мотивом мирового дерева и оси мира – иглы, которые соединяют небо, землю и подземный мир пространственно, летнее и зимнее солнцестояние – во времени. Кощей можно отождествить не только с зимой, но и с вершиной зимы – солнцестоянием, а Ивана-царевича – с Иваном Купалой и «макушкой лета». Между ними идет непрекращающаяся борьба, и смерть одного является жизнью другого.

Как бы то ни было, Тридцатое царство является областью испытаний и трансмутаций, смерти и воскресения. Подобно шаману, солнечный герой должен обрести новое тело и новую душу, знание имен и тайного языка, способность перемещаться по воздуху и владеть огнем, находить тех, кто потерялся в потустороннем мире, и возвращать их в мир живых. В эти умения его посвящают хранители потустороннего, которые, открываясь, показывают герою его темную и светлую стороны, возможность поглощения силами хаоса и возможность их преодоления. Отправляясь в иное, герой на самом деле встречает себя самого, свою тень и героическое внутри себя, и одно из этих двух начал в конце одолевает другое.

Таким образом, во внутреннем мире повторяется то, что происходит во внешнем, – борьба между светом и тьмой, днем и ночью, летом и зимой, жизнью и неподвижностью, которую

приносит смерть.

Символизм сказки о Царевне-лягушке

Сказка о Царевне-лягушке рассказывает нам о выборе одного из возможных образцов жизни, который совершает каждый человек, вступая во взрослую жизнь.

При расставании с детством возникает проблема выбора пути, одного из трех возможных модусов существования в мире. Хотя на объективном уровне жизнь каждого имеет свои особенности и отличается от жизни других людей, на экзистенциальном уровне жизнь любого человека можно отнести к одному из трех образцов, или архетипов.

Стрелы, которые пускают братья, символически представляют их стремления, порожденные их осознанными и неосознанными представлениями о том, что важно и ценно в жизни и ради чего стоит жить. В Ветхом Завете деяния Божьи называются сыновьями колчана – Божественного разума. В сказке стрелы пускаются вслепую, и это символизирует неосознанный, инстинктивный выбор, который определяется внутренней позицией стреляющего, а невесты, выбранные героями, представляют модели жизни, с которыми они вступают в брак.

Мы можем «жениться» на купеческой жизни, в которой во всех действиях проглядывает идеал купли-продажи и желание утвердиться, приобретая. Для человека, сделавшего такой выбор, «быть» значит «иметь». Можно «жениться» на боярской жизни в поисках славы, признания со стороны других людей. Как и в первом случае, такая жизнь обусловлена внешними факторами. В первом случае ими являются материальные богатства, а во втором – власть и почести.

Как видно из сказки, и та, и другая жизнь остаются в своих первоначальных рамках: братья, женившиеся на купчихе и боярыне, остаются в том царстве, в котором родились. Они не способны выйти за рамки обыденного и творить чудеса. «Старшие невесты пошли танцевать, махнули левыми руками – гостей забрызгали, махнули правыми руками – кость царю прямо в глаз попала». Купеческая и боярская жизни протекают без существенных перемен. Их герои остаются одними и теми же, они движутся через жизнь, но при этом внутренне не меняются.

В случае Василисы Прекрасной-Премудрой мы видим иную ситуацию. Хотя она открывается в некрасивой форме, она способна творить чудеса: «Махнула левой рукой – сделалось озеро, махнула правой – и поплыли по воде белые лебеди...» Василиса олицетворяет жизнь мудрую и красивую, а также поиск и «тайное» знание, которое позволяет облагородить жизнь.

Но почему при первой встрече она открывается герою в образе лягушки? Метафизическое и подлинное, с одной стороны, вначале воспринимается нами лишь интуитивно. И себе, и другим трудно объяснить, в чем ценность Мудрости, в чем ее прелесть и чем она лучше богатства и славы. Желание более глубоко понять мир внутренний и мир внешний, как правило, воспринимается другими с иронией и насмешкой, а сам ищущий еще не понимает, что он на самом деле ищет и почему это делает. Но если любовь к деньгам и славе, жизнь боярская и жизнь купеческая кажутся чем-то нормальным, то почему более глубокие стремления не воспринимать как являющиеся более достойными человека?

Царевна-лягушка принадлежит к Тридцатому царству, царству смерти и воскресения. Лягушка символически связана с этими категориями. Осенью она умирает, погружается в состояние летаргии, и весной снова воскресает. В Индии лягушка считается певцом Матери-Земли, ее пение предвещает возобновление жизни, а в некоторых мифах она является опорой Вселенной. В процессе своего развития лягушка проходит через трансформацию: из

головастика, способного жить только в воде, она становится взрослым существом, которое может двигаться и в воде, и на суше, переходит из аморфной недифференцированной среды интуиции и ощущений в плоскость откровений и познания. Вода – символ неосознанного, тех аспектов души, которые можно вывести изнутри наружу, объективизировать.

Василиса заколдована. Потеряв свою кожу, она улетает в царство Кощея Бессмертного. С этого момента начинается поиск, в который герой отправляется по своей воле, и этот поиск предполагает внутреннюю трансмутацию, движение по вертикали, переход из одной онтологической плоскости в другую, более высокую. Философская жизнь немислима без стремления завоевать внутреннее пространство, сделаться лучше, приобрести власть над самим собой.

В начале пути Великое и Прекрасное открывается искателю, но не принадлежит ему по праву. Оно находится рядом и одновременно – в Тридесятом царстве. Мудрость и добродетель других, какими бы великими они ни были, находятся вне искателя, их можно констатировать, можно восславлять и вдохновляться ими, но свет Великанов человечества – Платона, Иисуса, Джордано Бруно или Конфуция – не является собственным светом другого человека, который он не мог бы потерять.

Мудрость можно обрести благодаря внутреннему поиску, в процессе которого мы открываем внутри самих себя своих друзей и врагов, свои достоинства и недостатки. Путь философии – это путь непрекращающихся трансформаций, это движение от одной смерти к другой, от одного воскресения к следующему, каждое из которых приносит с собой еще одно зерно мудрости, являясь шагом, приближающим к истине.

Инициация: смерть и возрождение

Каждая инициация есть смерть и воскресение. Но воскресению в новом качестве предшествует путешествие через потусторонний мир и узнавание его тайн.

Умереть значит стать иным, приобрести новое сильное «тело» и новые возможности: способность видеть, слышать и свободно перемещаться в мире бесплотных сущностей.

Путешествие сказочного героя тоже является путешествием в потусторонний мир. Об этом говорят посох, хлеб, «железные» сапоги – те предметы, которыми снабжали умерших, провожая их в мир иной.

Баба Яга охраняет вход в царство смерти. Но неопит всегда знает волшебную формулу, открывающую двери в иное царство, куда он проникает по собственной воле. Нужно отметить, что после сражения с владыкой смерти – Кошеем Бессмертным – он возвращается обратно, в мир живых. Сказка – это не только приключение, это прежде всего смерть и воскресение. Чтобы воскреснуть, нужно прежде умереть. Внутренний рост всегда сопровождается смертью чего-то старого и воскресением с новым, более возвышенным сознанием.

Сказка рассказывает о жизни и смерти. Сущностью ее действий, которые для читателя происходят в мире живых, является инициатическая смерть. И поскольку Тридесятое царство является царством потусторонним, можно сделать вывод, что сказка, подобно многим мифам, считает этот другой мир более важным, более подлинным, чем мир обычного, профанного существования.

Заключение

Изучая сказку, мы можем установить ее основные характеристики, узнать в сказочных действиях схему инициации и внутренних психологических процессов. Мы можем согласиться

с современными психологами и, хотя бы в качестве гипотезы, принять идею индивидуализации и самореализации, к которым стремится сознание.

Но этим не решается вопрос происхождения сказки и инициации, как и вопрос о природе самого сознания. Согласно всем философско-религиозным учениям древности, инициация передана человечеству высшими Существами после его падения из рая, или утраты осознания собственного бессмертия. Цель инициации – восстановить утраченное. Даже современные теории, касающиеся смысла существования человека, которые утверждают, что сознание стремится к росту и к самоосуществлению, теряют всякий смысл, если отвергают идею о бессмертии человеческой души. С принятия этой идеи начинаются и нравственность, и достоинство, и гуманность.

Перестав верить в существование «иного», отрицая бессмертие души и мира духовного, люди не решили встающие перед ними вопросы как гносеологического и онтологического, так и этического характера. Это отрицание, или, лучше сказать, вытеснение, только увеличило страх перед неизвестным, которое стало для нас еще более иррациональным. Сфера наших интересов ограничилась чувственным миром, который стал пределом для человеческой мысли, стремлений и опыта. Если человек – лишь думающее животное, то это его трагедия, ибо в отличие от других существ он знает, что должен уйти с исторической сцены, и это знание давит на него грузом страха и жажды жизни, не позволяя смотреть на мир глазами ребенка, для которого жизнь – и чудо, и зов.

Забыв главное, утратив идею центра и опоры, мы растекаемся в горизонтальной плоскости. Вертикаль исчезла, а вместе с ней ушло и чувство трансцендентности существования.

Сказка говорит о зове. Этот зов естественен, герой сказки не сомневается, стоит ли ему идти. Он просто отправляется в сказку.

Чтобы меняться, необходима ярко выраженная, не знающая сомнений потребность изменить форму своего существования в мире, способность умирать и возрождаться, подобно героям сказки. Лишь в этом случае жизнь – так же, как и сказка, – будет наполнена оптимизмом, и все приключения, какими бы страшными они ни казались, будут иметь счастливый конец.

Сказки для детей и взрослых **Илья Барабаш**

На дворе высокотехнологичный XXI век, мировой кризис, а мы о детских сказках?.. А почему бы и нет? Может, самое время поговорить о чем-то ином, чем проблемы, в которых мы крутимся каждый день? И пусть сказки кажутся подобными снам, фантазиям, где случаются самые невероятные и самые удивительные события, невозможные в реальности, не зря говорят: «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». И кроме того, все в этом мире относительно, в том числе и ложь, которая при определенных условиях может стать глубокой правдой. Вспомните: вечер, настольная лампа, теплое одеяло, потрепанная книжка в руках мамы... Или старый диван в бабушкиной комнате... Тогда сказочные герои были для нас очень реальными, заставляли переживать за себя. И мы действительно радовались за Ивана-царевича, жалели Маленького Мука. Они были очень близкими и настоящими. И возможно, даже теперь, когда мы уже взрослые, они все еще остаются нашими друзьями, пусть мы о них и не вспоминаем. На вопрос, кто написал о Рахметове – Достоевский или Тургенев, мы будем долго морщить лоб, зато куда и зачем шла Красная Шапочка и кто такой Иванушка-дурачок, скажет,

наверное, любой. Эти герои все еще живут в нас. И на самом деле значат для нас гораздо больше, чем мы обычно считаем.

В чем секрет притяжения миров, созданных братьями Гримм, Андерсеном, Толкином? Давайте не будем списывать все на инфантилизм, возможно, корни явления гораздо глубже. Рассказывая сказки детям, мы тем самым учим их особому языку. Не обыденному, привычному, а скорее метафизическому. Ведь язык – это не просто набор слов для обозначения тех или иных предметов, окружающих нас. Язык – это мировоззрение, способ видеть мир и себя в нем, способ понимать мир, способ говорить и способ думать. Неслучайно, наверное, одним из первых, кто дал толчок исследованию сказки, был Вильгельм Гумбольдт, положивший начало языкознанию. Ребенок усваивает язык сказок и язык понятий, принципов, законов, действующих в мире. Но эти законы – не физические, а моральные. Вы заметили, как часто в сказках хитрая лиса оставляет в дураках более сильных волка или медведя, но сама терпит фиаско при встрече с храбрым петухом, как в сказке о зайце в лубяной избушке? Понятие силы относительно. А если ты просто бескорыстно поможешь кому-то, то добро обязательно вернется к тебе. Скромность и трудолюбие вознаграждаются, хотя герой вовсе не стремится к награде. А тот, кто ищет только награды, оказывается ни с чем. В конечном итоге успех ждет не того, кто пытается добиться цели любой ценой, а того, кто больше внимания обращает как раз на пути, на средства, которыми эта цель достигается. И добро всегда побеждает зло.

Если присмотреться к некоторым современным фильмам, особенно боевикам, разве не ту же знакомую картину мы там увидим? Хорошие парни всегда побеждают плохих парней, это вечный закон, и он вовсе не такой уж сказочный.

Но вопрос действия сказок не только в усвоении морали. Здесь мы немного отойдем от сказок в узком смысле слова. Помните Дон Кихота? Историю его «безумия» и «выздоровления»? Она тоже была связана со своего рода сказками – рыцарскими романами. Но трагедия безумного идадьго – это и трагедия нашего языка, который обедняется, утрачивая некоторые вечные понятия, а стало быть, и трагедия нашей души, чье бытие ограничивается лишь вполне земными делами. «Если же основная цель подобных романов – усладить, то вряд ли они ее достигают, ибо они изобилуют чудовищными нелепостями», – говорит один из «врачевателей» Дон Кихота. Но «нелепость», как мы уже говорили и о лжи, – понятие относительное.

Сказка открывает еще одно измерение. Измерение необыденного. Пространство, в котором наша жизнь получает другой, более глубокий смысл. И наш выбор заключается в том, существуем ли мы в этом пространстве или наша жизнь целиком протекает только в мире вполне осязаемых вещей. Вопрос реальности сказок – вопрос языка, на котором мы говорим. И как для нас сказки могут быть выдумкой или чем-то глубоко истинным, так и для того мира наша жизнь может быть чем-то реальным, а может – мимолетной тенью, иллюзией, не оставляющей в нем следа...

Потому, уважаемые взрослые, читайте сказки, и не только детям. И если ребенок лишь чувствует и переживает происходящее в сказке, то нам предстоит сделать шаг дальше. Нам важно, не утратив этого чувства, научиться понимать происходящее, не попадая при этом во власть сказочных персонажей. Сказка – игра, но в нашей жизни все – игра, вопрос только в выборе игрушек и в отношении к ним. Каким скучным и серым был бы этот мир, не будь в нем игры сказочной!

Перечитайте, пожалуйста, заново эти бессмертные строчки: «Там лес и дол видений полны...» – и если у вас родится ностальгия, не медлите, возвращайтесь в Лукоморье...

Однако мы люди взрослые. Попробуем понять, о чем говорят нам сказки.

Вопрос смысла и истоков сказки занимал многие великие умы. Наиболее известны братья

Вильгельм и Якоб Гримм, которые были не только собирателями сказок, но в первую очередь исследователями фольклора. А в России Владимир Даль, Александр Афанасьев и, конечно же, Владимир Пропп. Это еще и Эдвард Тейлор, и Джозеф Кэмпбелл, и, конечно же, Джон Рональд Руэл Толкин. И наконец, основоположник глубинной психологии Карл Густав Юнг.

Когда-то исток сказки искали в «прамифе», некоем «пранароде», от которого – путем заимствования ли, передачи традиции ли – сказки распространились по всему миру. И потому у разных народов в далекие друг от друга эпохи мы находим схожие элементы. Не похожи ли по сути русская сказка о Финисте – Ясном Соколе и античная «Амур и Психея»? Нет ли родства между Персефоной, унесенной Аидом, и Василисой Премудрой, похищенной Кощеем? Где же эта удивительная родина сказки? Где же это загадочное Лукоморье? Возможно, не на земной карте надо искать его координаты, а в нашей собственной душе. Как бы далеки ни были народы друг от друга и в географическом, и в культурном отношении, душа человека была всегда одна и та же, со всеми вечными вопросами о пути, о судьбе, о жизни и смерти, со всеми стремлениями и мечтами, страданиями и страхами.

Говоря о смысле сказок и мифов, мы видим в них отголоски древних учений о пути героя, пути инициации, или посвящения. Юнг говорил о пути становления индивидуальности человека, пути внутрь собственной души, пути самопознания. Этот путь подразумевает переход в новое, более совершенное состояние, преображение героя. Так, Иванушка-дурачок становится Иваном-царевичем. Посвящение – введение в новый мир, а может быть, в новое видение того же самого мира. Открытие в этом мире новой глубины, доселе неведомой. Уже очень много написано о том, что миф – это не история когда-то произошедших событий, а вечная драма, разворачивающаяся в нашем внутреннем пространстве. Все герои мифа живут в нас самих. Это наши достоинства и недостатки, наше Я, наши стремления и то, что им противостоит. Сказка построена по тем же самым законам. Коснемся здесь наиболее важных и значимых, на наш взгляд, моментов.

Как правило, сказка начинается нарушением по неведению или просто по глупости какого-либо запрета, правила. Так происходит в сказке «Царевна-лягушка» с Иванушкой, чересчур торопящимся избавиться свою суженую от лягушачьей шкурки. Или в «Марье Моревне», в которой герой, несмотря на просьбу Марьи, пробирается в запретный подвал, где пленен Кощей, и по наивности выпускает его на волю. За этим следует несчастье, избавления от которого можно достичь лишь с помощью больших усилий, пройдя долгий путь испытаний, истоптав несколько пар железных башмаков, истерев несколько железных посохов... Чтобы в конце пути обрести утраченное, но обрести уже новым человеком – героем, царевичем. Или в жизнь персонажа вторгается вдруг нечто неожиданное, потустороннее, некие волшебные, неведомые силы, меняющие всю судьбу героя и заставляющие меняться его самого, как это происходит в «Финисте» или «Коньке-горбунке». Невольно всплывает в душе бетховенское: «...так судьба стучится к нам в дверь». Не то же ли и в нашей жизни? Вопрос не в том, чье обличье выберет судьба, чтобы постучаться в нашу дверь, встреча с какими «каликами переходжими» перевернет нашу жизнь. Может, это будет книга, может, встреча в поезде, может, сон. Вопрос в той силе, которая за ними стоит. Антрополог Мирча Элиаде называл это вторжением священного – а мы бы сказали волшебного – в нашу мирскую жизнь. В любом случае мы не сразу поймем это. Разве что спустя много лет, оглянувшись, увидим этот путь более-менее ясно. Так или иначе, границы нашего привычного мира открываются, равновесие нарушается, и нам нужно искать новую гармонию, но уже на новом уровне. Возвращение к старому уже невозможно, губительно для души человека. Если присмотреться, на этих же принципах построена античная трагедия, и не только античная, например «Царь Эдип» Эсхила, «Гамлет» Шекспира.

А кто знает, что за Кашей Бессмертный таится у нас где-нибудь в запертом чулане души и когда мы вдруг обнаружим его там? В нашей жизни тоже немало запретов, даже если мы их так не называем. Но есть устоявшиеся модели, которые диктуют, как жить правильно, а как нет, и которым мы бессознательно следуем. Модели эти создаются многими десятилетиями, даже веками в коллективном сознании, формируя определенную культуру и определяя путь человека от рождения до смерти: семья, дети, учеба, работа, карьера, пенсия... Но если когда-то они предусматривали выход за свои собственные границы, развилки (помните витязя на распутье?), переход к иным моделям, то сейчас это осталось в прошлом, несмотря на видимое возрождение религиозной жизни. Сегодня существует огромное количество жизненных моделей, субкультур, проблема лишь в том, что по преимуществу они лежат в одной мирской плоскости, отличаясь лишь формами, а не сутью. Инициация же подразумевает встречу со священным, путь в глубину, изменение самой сути и человека, и его судьбы без впадения при этом в другую крайность – наивные беспочвенные фантазии, в которых мы уже видим себя великими героями, посвященными, магами и «светом миру».

Важно, что вначале герой не знает, куда ему идти дальше. «Пошел Иванушка, куда глаза глядят» или «Иди туда, не знаю куда» и так далее. Цель этого пути не рациональная, ее невозможно поставить так, как мы ставим себе цель сделать карьеру или жениться. Это путешествие в другое измерение, совершенно незнакомое страннику, ему предстоит его освоить. И очень важно, что на этом пути герою предстоят встречи с волшебными существами. Существами иной реальности, именно это делает сказку волшебной.

Но о каком «ином» мире идет речь? Мир волшебного, мир магических существ, являющихся нам не только в сказках и мифах, но и в нашем непосредственном опыте в образах сновидений, – это мир воображения. Там живет музыка, которую еще никто не услышал, слова, которые еще никто не произнес, вдохновение, которого еще никто не испытал. Там живет очень важная часть нашей души, которую мы только предчувствуем и без которой существуем лишь наполовину. Там живет опыт, который мы еще не пережили, опыт священного, вечного. Об этом мире говорили Платон и Джордано Бруно, Джон Рональд Руэл Толкин и Мирча Элиаде, средневековые алхимики и современные психологи.

Итак, первая часть странствий героя – это еще, собственно, и не путь, а блуждания наугад, без понимания, куда же идти. Осознанный путь начинается с пересечения героем границы, разделяющей два мира – мир обыденный и волшебное царство. Это может быть переход через реку, дремучий лес или море. Часто это встреча с Бабой Ягой. Она испытывает героя и при благоприятном исходе указывает, куда и как ему идти дальше. Неблагоприятные же исходы обозначены наглядно черепами на тыне вокруг ее избушки, но их судьбы в сказку не попадают. Баба Яга – хранитель перехода в иную сферу. Ее символизм связан с миром мертвых. Похожим образом, в таких «домовинах», стоявших на столбах над землей, хоронили покойников, причем вход в подобный склеп был обращен действительно в сторону леса, то есть в сторону, противоположную миру живых. Герой должен отправиться в это царство, но для того, чтобы вернуться обратно победителем, обновленным, способным соединить оба мира в своей душе: реальность обыденную, рациональную и реальность иную, мир мечты, мир воображения, мир смыслов. Баба Яга парит героя в бане, омывая и очищая его от грязи мира земного для дальнейшего и еще более опасного приключения, в котором его ждет встреча с Кощеем Бессмертным.

В образе Бабы Яги – ужасной старухи с костяной ногой – запечатлелось отношение человека к миру иному. Этот образ пугает, отталкивает. Но не потому мы ее боимся, что она такая безобразная, а она такая безобразная именно потому, что мы ее боимся. Баба Яга – это наше видение мира, выходящего за рамки привычного. Это отражение наших собственных

слабостей и страха перед неведомым. А в жизни самое неведомое для нас то, что связано со смертью, с миром потусторонним. В этой сфере мы можем полагаться только на веру, на интуицию, на то, что сегодня считается чем-то эфемерным, ненадежным. Единственное, что остается герою в этой ситуации, – действовать решительно: «...не напоила, не накормила, баню не истопила, а уже расспрашиваешь». В этой роли Баба Яга близка к Горгоне Медузе, чья голова находится на эгиде Афины, богини мудрости и справедливой войны, а заодно и к самой Афине, научающей героя, с помощью чего можно одолеть Кощея.

Это еще один урок волшебной сказки – смотреть глубже. То, что видят наши земные глаза, – обманчиво. Двойственность Бабы Яги, страшной и мудрой, помогающей герою, отражает двойственность нашей души. Мы боимся, нас ужасает необходимость усилий, нас отталкивает то, что мы должны расстаться с чем-то в себе, даже если это «что-то» – наши недостатки, например лень, но ведь они наши, они часть нас самих... Однако именно встреча с этим трудным и первая победа над ним (над собой, по сути дела) позволяет нам идти дальше. Впрочем, к еще более трудному.

...К Кощею Бессмертному, победить которого обычными способами невозможно. Ни мечом, ни каким-либо оружием его нельзя убить, ведь он бессмертный. Фигура Кощея загадочна. На Руси кощунами в дохристианские времена называли сказки, басни, мифы. Слово *сказка*, которое, кстати, получило знакомый нам смысл лишь в XIX веке, имеет такое же значение – «описание, повествование». А «кощуна» уже в XI веке приобрела оттенок чего-то ложного, нечистого, «срамословия». Закон таков, что боги старой эпохи становятся демонами в новой. Так произошло и с древнеславянскими традициями и божествами, замещенными христианством. Возможно, когда-то под именем Кощея скрывались волхвы, знатоки традиций и хранители знаний, передававшихся через сказки и мифы из поколения в поколение. И тогда становится более понятным, почему роль Кощея в некоторых сказках выполнял Змей Горыныч – дракон, старинный символ мудрости.

Кощей – магический корень сказки. Он незримо присутствует в ней уже с самого начала повествования, создавая своего рода возможность волшебства, ткань волшебства. Так и сказка изначально зреет в душе человека. Мы его еще не видим, но знаем, что он есть. В той же «Царевне-лягушке» он проявляется в чарах, наложенных на героиню, гораздо раньше, чем как действующий персонаж. И это «вторжение» в жизнь героя заставляет последнего начать свое инициатическое путешествие.

Смерть Кощея, как говорят сказки, в яйце, яйцо в утке, та в зайце и так далее. А все это в сундуке, либо подвешенном на дубе, стоящем на острове посреди моря-океана, либо спрятанном среди его корней. Но точнее будет сказать, что не смерть Кощея там спрятана, а жизнь, источник жизни. Именно до него надо добраться герою. И неслучайно этот источник связан с яйцом и деревом – древними символами мироздания. И неслучайно для того, чтобы добраться до этого источника, нужно познать все четыре стихии (землю, воду, воздух и огонь), из которых построен мир, – четыре стихии, которые в разных сказках символизируют утку, щука, заяц, медведь или другие животные. Так и в традиционных культурах путь инициации включал в себя испытания землей, водой и так далее – символами наших собственных психологических состояний. Герою нужно было преодолеть инерцию земли, пробудить силу жизни, которую имеет вода, или способность преображать себя и мир вокруг, подобно огню.

Некоторые исследователи связывают Кощея с Корочу-ном (Карачун, Корчун). Этим именем на Руси называли самую долгую ночь в году – ночь зимнего солнцестояния. Как считалось, в этот день умирало старое солнце и рождалось новое (позднее в это время стали отмечать Рождество). От этого имени веяло смертью, стужей, мраком, окостенением. Но это же и начало возрождения новой жизни, новой, пока еще будущей весны.

А дальше Иванушка-дурачок превращается в Ивана-царевича. Очень часто сказка заканчивается тем, что герой играет свадьбу и иногда становится царем в своем государстве, как в сказке «Пойди туда, не знаю куда». Таким образом обретает он полноту жизни. Соединяются две части нашей души – голова и сердце, разорванные противоречиями между стремлением к материальному комфорту и одновременно к благам духовным. В финале героя ждет мудрость и зрелость как способность связывать красивые и глубокие состояния души и конкретные реалии нашей повседневной жизни. А быть царем в сказочном мире не значит ли прежде всего быть царем самому себе? Ведь мы говорили, что все действие сказки разворачивается внутри человека. И если в начале сказки герой лишь следует за более сильными, чем он сам, обстоятельствами, то в конце он становится способным их побеждать и подчинять.

Так и в чем же «намеки», о чем все это говорит нам? Может быть, о том, что иногда нам необходимо совершить путешествие внутрь самого себя, в загадочный мир воображения, чтобы вывести оттуда на свет белый свою Василису Прекрасную. Путешествие в Тридесятое царство нашей души, в котором все еще томятся наши замыслы и мечты, чтобы дать им жизнь здесь, на земле, в нашем земном мире. Может быть, о том, как важно поверить в реальность воображаемого, и создать с ним узы, и быть очарованным им, но не ослепленным. Может быть... Намек он и есть намек.

Символы через века

Врата Дмитрий Захаров

Человек странствует по дорогам Времени. Эти дороги отмечены вехами, которые помогают нам увидеть, сколько пройдено, дают возможность знать, куда мы идем и что ждет нас впереди. Самые простые из них, своего рода «верстовые столбы» дорог Времени, – это моменты встречи Нового года. Но из всех вех особо выделяются те, что отмечают начало новых этапов – как в жизни отдельного человека, так и для больших и малых групп людей.

С древнейших времен начало любого нового этапа символизировалось открытием или прохождением врат, переходом через порог. Римляне строили триумфальные арки для встречи своих воинов-победителей, греки специально разбирали часть городской стены для торжественной встречи героев Олимпийских игр, Вещий Олег прибил свой щит к вратам Цареграда в знак победы, – все это знаменовало новые этапы в жизни народа. Даже символическое разрезание ленточки – это отголосок той же традиции открытия врат, символизирующего разрушение преграды, стоящей на пути.

Врата всегда связаны с понятием Пути и не могут существовать без него. Будет ли это путь, который начинается за дверью, либо путь, проходящий через врата и идущий дальше, либо путь, оканчивающийся воротами, – врата может увидеть и пройти только идущий, двери может найти и открыть только ищущий. Об этом очень красиво говорит древнейший текст «Голоса Безмолвия»: «Ты должен проложить путь свой через семь врат, семь твердынь, охраняемых жестокими и коварными силами – воплощениями страстей».

Ворота символизируют этапы пути, они – основные точки, которые придают пути свойство «измеримости», давая возможность увидеть пройденное и определить скорость своего движения. Поэтому прохождение ворот – это всегда подведение итогов. Например, проходя

двери Нового года, мы каждый раз констатируем, что нам удалось, а что нет и почему, так как без этого невозможно осознанно шагнуть в следующий год.

За вратами всегда ожидает неизвестность. Даже если нам кажется, что мы очень хорошо знаем, что ждет за порогом, вмешивается Судьба со своими «случайными» или непредвиденными обстоятельствами, и казавшееся знакомым тут же обращается в неизвестное. Скрытое за вратами пространство символически всегда таит в себе таинственные силы. Поэтому прохождение врат – это всегда испытание на смелость, на готовность и способность столкнуться с неизвестным и с честью выйти из этого столкновения.

Двери в неведомое обещают нам встречу с Тайной (пугающей или прекрасной – зависит от нас) и тем самым дают нам возможность измениться, стать другими. Само прохождение врат возможно только в том случае, если человек изменяется, ведь он не может оказаться «по ту сторону» таким же, каким был до того. Без глубокого внутреннего изменения человека переход не состоится и никакой новый этап его жизни не сможет начаться. При этом результат такой встречи с Тайной всегда непредсказуем, его нельзя «просчитать», ведь человек открывает двери будущего.

Врата – будь то ворота города, двери храма или вход в святилище – предназначены для того, чтобы охранять самое ценное, самое священное, поэтому и сам акт прохождения врат носит характер священнодействия, церемонии. Недаром в празднествах важнейшую роль играет открытие «священных врат». Например, и в Древнем Египте, и в Вавилонии во время соответствующих религиозных праздников открывались закрытые все остальное время года двери храмов и боги отправлялись в «путешествие» на встречу друг с другом либо вокруг города или храма. Отголоском этой традиции является крестный ход на Пасху. Сами праздники символически распахивают двери между миром Божественным и миром людей, позволяя им соединиться внутри сакрального пространства и времени праздника. Во время праздника боги «спускаются» к людям, чтобы находиться среди них, благословляя и направляя, давая силы и вдохновение на следующий этап.

Для того чтобы пройти врата, надо быть не только смелым, ищущим, идущим, но и мудрым. Если обычный человек пожинает в будущем плоды того, что с ним *произошло*, то мудрый – того, что он *осознанно совершил*, а это рождает уже совершенно иное отношение и к будущему, и к настоящему. Ответственность за свое и общее будущее заставляет человека умудренного не только задумываться над тем, что он делает и как, но и отвечать на более важные вопросы – для чего он это делает, к чему стремится, чего хочет для себя и других.

«Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко...» Так же, как бывает очень сложно пройти в узкие двери, будучи нагруженным всяческим скарбом, так и врата на пути нельзя пройти, если не определить для себя, что является самым главным, что – менее важным, а без чего можно и вовсе обойтись. Только взяв с собой самое важное и ценное, сосредоточив на главном все свои усилия, можно рассчитывать на то, что оно будет сопровождать нас и в дальнейшем.

Поэтому прохождение врат всегда несло символический аспект очищения, освобождения от всего лишнего, ненужного, устаревшего, мертвого. (Не в этом ли корни итальянской традиции: в новогоднюю ночь выбрасывать из окон все старые вещи, даже мебель?) Это момент глубокого внутреннего переосмысления и очищения, шаг на пути освобождения души. Кульминацией его является возрождение, когда, избавившись от всего лишнего и мешающего, открыв для себя главное и осознав его важность и глубину, человек начинает совершенно новый этап своей жизни, словно рождаясь заново. Уходят старые проблемы и чувство неудовлетворенности, появляется большое желание жить и работать – так что для человека действительно начинается новая жизнь.

...Пройдут новогодние праздники, жизнь вернется в привычную колею – и магические врата Нового года и Рождества закроются. А мы будем ждать следующего благоприятного момента, подаренного нам природой и судьбой, чтобы снова попытаться счастья и пройти через эти удивительные двери Времени из нашего обыденного мира в другой, где мы имеем удивительную возможность встретиться с самим собой, узнать себя и стать ближе к своей судьбе. И кто сказал, что в нас нет смелости, духа поиска и мудрости для того, чтобы сделать это!

Гвоздика **Любовь Кудрявцева**

Ярко-красная гвоздика считается сегодня мужским цветком, и оказывается, даря мужчине букет этих цветов, мы следуем очень старой традиции.

Считается, что гвоздика попала в Европу в эпоху крестовых походов. По легенде, в 1270 году, во время осады города Туниса, в 60-тысячной армии французского короля Людовика Святого началась чума. Как ни бились врачи, все их усилия оказались тщетны. Тогда король, разбирающийся в целебных свойствах трав и уверенный, что в стране, где так часто свирепствует эта болезнь, должно быть и лекарство от нее, стал искать его среди растений. Свой выбор он остановил на турецкой гвоздике и, сделав отвар из ее прелестных цветков, стал поить им заболевших. И чума отступила. Только самого Людовика гвоздика исцелить, увы, не смогла...

На память о своем добром короле вернувшиеся во Францию крестоносцы привезли с собой и гвоздику. Вскоре она стала популярной во всей Европе. Француженки и итальянки, провожая любимых в Святую землю воевать с сарацинами, дарили им букетики гвоздик, веря, что этот хрупкий талисман уберезет их от смерти и дарует победу.

С гвоздикой связано много легенд. Как рассказывает одна из них, юная итальянка графиня Маргарита Ронсеко подарила белую гвоздику своему жениху Орландо – накануне их свадьбы, выполняя свой долг рыцаря и христианина, он отправился в крестовый поход... Вместе с печальной вестью о гибели возлюбленного Маргарите принесли засохшую гвоздику, ставшую красной от пропитавшей ее крови Орландо. Рассматривая цветок, девушка заметила, что семена в нем созрели, и посеяла их. Из семян выросли гвоздики, но не белые, как тот цветок, что Маргарита подарила юноше, а с красным пятном в середине. Они словно напоминали о жертве, принесенной Орландо, – и потому украсили герб той, которую он любил сильнее всего на свете.

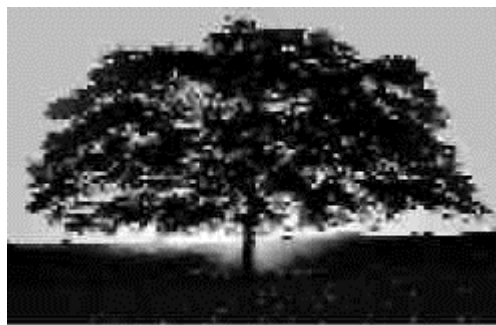
Представления о храбрости и отваге так тесно оказались связаны с этим цветком, что уже в XIX веке Наполеон I, утверждая высший знак отличия Франции – орден Почетного легиона, выбрал для его ленты цвет красной гвоздики...

Чем любимее цветок, тем богаче его символика. В Англии и Германии, например, гвоздику дарили и в знак искренней дружбы и постоянства, в Бельгии она была цветком бедняков. А в Испании заменила розу, став символом любви. Был даже особый язык гвоздик, которым пользовались влюбленные, назначая час свидания...

Но это уже другая история.

Дерево

Елена Сикирич, президент культурной ассоциации «Новый Акрополь» в России

С самой далекой древности дерево является одним из самых любимых, самых таинственных и самых универсальных символов духовной культуры человечества. Символика дерева глубока, богата и многогранна; одна только библиография на эту тему составила бы весьма внушительную по объему книгу. Практически невозможно найти традицию, народ или эпоху, которые не строили бы свои основные учения на символике Древа жизни и Древа познания. Дерево как символ заключало в себе глубокие и самые разнообразные знания и истины. Оно символизировало центральную ось мира, соединяющую Небо и Землю; человека и его путь к духовным высотам; циклы жизни, смерти и возрождения; Вселенную и ее процессы вечного обновления; сокровенную Мудрость и таинственные законы бытия. В древности его связывали с богами и мистическими силами природы. Каждый народ имел свое священное дерево. Считалось, что дерево имеет душу и обладает особой, только ему свойственной священной мистической силой. Этими животворными флюидами пропитано все вокруг дерева, их удивительное воздействие распространяется на всех, кто находится рядом с ним. Люди древности верили, что деревья владеют великой мудростью и что человек, тонко чувствующий душу дерева, может многому у него научиться.

Древо жизни – центр мира

Древо жизни, или Мировое древо, – это древний символ, который занимал центральное место в учениях, мифах и традициях всех времен и народов. Древо жизни – не из этого мира. Его корни проникают глубоко в подземный мир, мир таинств и сокровенных истин. Его ствол, словно мост, протягивается от Земли к Небу. Его ветви поднимаются до самых высоких небесных сфер, достигают загадочного мира истоков всего сущего, где живут звезды, боги, высокие Мечты и Идеалы, где царит вечная весна. Это центр Вселенной, стержень, вокруг

которого происходит видимая и невидимая жизнь всего Космоса, не имеющая ни начала, ни конца. Ствол этого Древа является осью пространства и времени, но его корни и ветви выходят далеко за их пределы, за пределы самой жизни и самой смерти. Соки Древа жизни – это небесная роса, животворный напиток, дающий возможность возрождения, а тот, кто вкушает плоды его, становится бессмертным.

Мифы и легенды о Древе жизни в традициях всех народов мира прекрасны по своему содержанию и глубоки по своей символике. В древнескандинавской космогонии рассказывается о знаменитом *Иггдрасиле*, ясене, Древе Вселенной, времени и жизни. Оно имеет три корня, которые опускаются до Хела, таинственного подземного мира, и расходятся оттуда к Етунхейму, царству великанов, и Мидгарду – земле, обители людей. Иггдрасиль – самое красивое и самое большое дерево на свете. Его крона простирается над всем миром, защищая все живущее в нем. Его верхние ветви достигают Неба, а самая высокая из них дает тень Валгалле – высшей небесной сфере, где живут боги и павшие герои. Иггдрасиль вечно свеж и зелен, так как Норны, три сестры-пророчицы, Владычицы Судьбы, имена которых Прошлое, Настоящее и Будущее, ежедневно поливают его водами жизни из источника Урд, находящегося на нашей земле. В ветвях священного Древа живет орел, золотая птица, владеющая сокровенной Мудростью и всеведением.

Боги собираются у подножия Иггдрасиля, чтобы решать судьбу миров. Во время великих космических потрясений, когда умирает старая Вселенная, Иггдрасиль выдерживает все испытания и не умирает вместе со всеми, чтобы сохранилось зерно для рождения новой, молодой Вселенной. Он остается неподвижным, прямым и непобедимым. Ни огонь, ни лед, ни Тьма не могут его уничтожить. Он продолжает служить убежищем для тех, кто выжил во всех потрясениях и благодаря кому на земле вновь возродится жизнь, а с ней и новые поколения людей. Легенды говорят, что Иггдрасиль засохнет и исчезнет только в тот день, когда окончится последняя битва между Добром и Злом, когда с победой Добра исчезнут границы пространства и времени, жизни и смерти и станет возможным существование за их пределами, познание Вечности и бессмертия.

Китайское Древо жизни *Киен-Му* растет в центре мира. Оно не создает тени; вокруг него царит полная тишина. Оно имеет семь корней, которые пронизывают семь источников, сокрытых в недрах земли, и семь ветвей, которые возвышаются до семи небес, населенных богами. Древо жизни в Древнем Китае – это одновременно и лестница, ведущая к бесконечным далям, по которой поднимаются и опускаются не только Солнце и Луна, но также короли, владыки, мудрецы – герои и Учителя людей, те, на кого возложена миссия вестников, посредников между Небом и Землей.

Ассирийское Древо жизни *Ашера* – колонна с семью ветвями на каждой стороне, увенчанная шарообразным цветком с тремя исходящими лучами. «Милосердный, кто мертвых к жизни воскрешает» – эту молитву произносили перед Ашерой на берегах Евфрата.

Ашваттха, фиговое дерево, священное дерево Индии, которое изначально почиталось как жилище невидимых гениев-хранителей природы, а позже – как Мировое дерево, отражающее законы Космоса, с возникновением буддизма становится священным деревом Бо, именно под ним Гаутама Будда достиг высшей Мудрости и Нирваны.

В ветвях Древа жизни, согласно многим традициям, обитают 12 небесных птиц; оно дает 12 плодов – символ 12 высших состояний сознания и мудрости. «Плод и сок Древа жизни даруют бессмертие». Достаточно вспомнить золотые яблоки сада Гесперид или божественный напиток, созданный из «сока Древа жизни», – сому у брахманов, хаому у парсов. Вкушающий плоды Древа жизни и утоляющий жажду его животворящим соком участвует в жизни богов и сам становится божественным.

Часто Древо жизни изображается как *Arbor Inversa* – перевернутое дерево, корни которого находятся на небе, а ветви опускаются вниз, простираясь над землей. Перевернутое дерево – символ Макрокосма, руководящих в нем законов, бесконечного числа параллельных измерений, миров и процессов эволюции, содержащихся в нем. Оно символизирует также вечные принципы сотворения и рождения жизни. Любое сотворение начинается на Небе, с сокровенных Законов существования, с архетипальных Идей, «опускающихся вниз» и воплощающихся, принимающих форму в мире материи. Поэтому корни Космического древа находятся на Небе; его ветви, обращенные к Земле, символизируют проявленный Космос со всем бесконечным разнообразием форм жизни.

В одном из своих основных символических значений так часто изображалось Ашваттха, Космическое древо Индии. В исламе корни Древа жизни и счастья достигают самой высокой небесной сферы, а его ветви простираются над землей и под нею. Самое известное перевернутое дерево – *Оц-хим*, Космическое древо в традициях Каббалы. Оно состоит из 10 сефирот, 10 «лучей», качеств, атрибутов или принципов Высшего, Сокровенного божества, никогда не умирающего и не рождающегося, не имеющего ни начала, ни конца, альфы и омеги бытия, содержащего внутри себя все сотворенное. В каббалистических традициях его называли Эйн Соф Аур, или Беспредельный Свет. Сефироты – это не только качества и атрибуты божественного Эйн Софа, но также и первый плод процесса сотворения. Они исходят из Беспредельного Света, сотворенные им, и, в свою очередь, порождают все остальные космические законы и принципы. Имена десяти сефирот: Венец, Мудрость, Понимание, Милосердие, Сила, Красота, Победа, Слава, Основание, Царство. В Космическом древе они разделены еще и на три вертикальные колонны. Правая колонна, символизирующая активный, мужской принцип, называется колонной Милосердия, левая, символизирующая пассивный, женский принцип, – колонной Строгости. Центральная колонна, создающая равновесие, называется «Небесный путь». Взаимоотношения между сефиротами и их именами комплексные и многогранные. Они связаны с символикой чисел и отражают глубокие и возвышенные учения о таинствах человека, природы и Вселенной.

Древо познания добра и зла

Древо жизни часто отождествляется с Древом познания Добра и Зла, однако специалисты по символизму более склонны предполагать, что это два разных понятия; точнее, Древо познания – лишь один из аспектов Космического древа, или Древа жизни. Если Древо жизни охватывает и объединяет внутри себя все законы и формы существования Космоса, то Древо познания отражает лишь ту его часть, которая доступна пониманию человека и, соответственно, подвержена искажениям и злоупотреблениям. Если плоды Древа жизни дарят великую единую универсальную мудрость, осознание бессмертия и критериев Неба, то воздействие плодов Древа познания полностью зависит от того, как и *ради чего* ими пользуется сам человек. Поэтому плоды Древа познания могут принести и пользу, и вред, вести к осознанию как Добра, так и Зла. Как и все, что зависит от критериев и поступков человека, плоды Древа познания могут ввести в заблуждение, создать иллюзию, которая будет восприниматься как истина. Злоупотребление ими никогда не проходит бесследно. Страдание и боль – самые естественные последствия такого злоупотребления, а если вовремя не остановиться и не извлечь нужных уроков, то оно может привести к духовному и моральному падению. Если Древо жизни – это Учитель, то Древо познания Добра и Зла – это, скорее всего, искуситель, ставящий препятствия и испытания на пути к Истине и Мудрости, для того чтобы человек научился отличать фальшивое от подлинного и нести ответственность за свои мысли, намерения и вытекающие из

них поступки. В мифах многих народов мира о райском саде, в котором нет разрушения и смерти, в котором останавливается время и царит вечная весна, часто присутствуют два центральных дерева: Древо жизни и Древо познания Добра и Зла, дополняющие друг друга. Но вокруг ствола Древа познания всегда сворачивается Змей-искуситель. Е. П. Блаватская писала, что разница между Древом познания и Древом жизни такова же, как между самым познанием и Мудростью. Древо познания и Древо жизни она сравнивала с двумя зеркалами в каббалистической традиции. «Нелучистое зеркало» дает лишь смутное отражение образов и, соответственно, лишь смутные представления о том, что существует на самом деле, – это плоды Древа познания. «Лучистое зеркало», пишет Е. П. Блаватская, обозначает способности предвидения, ясновидения, прорицания, прозорливость, проникновение в глубину, в сокровенную суть вещей, – это плоды Древа жизни.

Дерево – человек – боги

Древние народы верили, что существует таинственная связь между деревом и человеком, деревом и богами, деревом и невидимыми мистическими силами природы. Они считали, что душа дерева впитывает и, словно зеркало, отражает все, что происходит на Небе и на Земле, на видимых и невидимых планах природы, в мире людей и мире богов. Согласно традициям и легендам, душа дерева – это очень древняя и очень мудрая сущность. В древности полагали, что она может рассказать историю всех существ, видимых и невидимых, которые когда-либо прикасались к дереву, что она обладает прекрасными целительными свойствами и может излечить любую болезнь. Люди верили, что душа дерева, общающаяся с ветрами, звездами, лучами солнца, может подсказать множество символических примет, составляющих язык природы.

Во многих мифах, сказках, легендах говорится о том, что дерево не только может стать мудрым учителем, но также способно преподать человеку прекраснейший урок любви, преданности и дружбы. Оно ничего не просит и не требует, но открывается только в ответ на чистоту души, доброту, бескорыстие и любовь того, кто находится рядом с ним.

В древности верили, что человек и дерево подобны сообщающимся сосудам. Все, что происходит с одним, отражается на другом. Поэтому дерево могло стать другом, «братом-близнецом» человека: оно «впитывало» и отражало его душу, все хорошее и плохое, чего и сам человек о себе не знал, все его сокровенные мечты и способности, всю его дальнейшую судьбу. Недаром во многих традициях, когда рождался ребенок, сажали дерево. Где бы ни находился потом этот человек, о том, что с ним происходит, судили по тому, как росло дерево. Если дерево-«близнец» засыхало, это было знаком того, что с человеком происходит что-то неладное. Наблюдая за деревом-«близнецом» в важнейшие моменты жизни человека, судили, сделал ли он верный шаг и как будет развиваться его судьба на новом этапе.

В Южной Индии до сих пор существует красивый обряд «венчания деревом». Перед свадьбой молодая пара (или часто муж и жена, у которых нет детей) сажала на берегу священного озера два дерева – одно «мужского» пола, другое «женского», – представлявшие жениха и невесту. В процессе обряда ветвь дерева-«жениха» переплеталась с ветвью дерева-«невесты». Деревья-«супруги» становились гениями-хранителями, «близнецами» супружеской пары людей, отражая и охраняя их дальнейшую судьбу. Когда обряд проводился для супругов, которые не могли иметь детей, через десять лет жена возвращалась туда, где росла пара деревьев-«близнецов», и клала под ними в качестве подарка камень, долго и тщательно омывавшийся в водах священной реки или священного озера, на котором была высечена пара сплетенных змей. Считалось, что в этот момент происходит второе, мистическое

объединение душ священных деревьев и что благодаря ему женщина станет матерью. В некоторых племенах перед обрядом венчания жениха и невесту сначала, каждого по отдельности, «женили» или «выдавали замуж» за священное дерево. Считалось, что таким образом им передается новая сила обновления и возрождения самой природы, необходимая, чтобы благополучно начать этот новый важный этап жизни.

Дерево считалось зеркалом происходящего не только в человеке, но также и в видимой и невидимой природе и в мире богов. Верили, что душа дерева отражает сокровенную жизнь природы и обладает частью силы, заряда и магнетизма невидимой Сущности, которая проявляется через нее. Таким образом, дерево играло роль «моста», посредника между богами и людьми, человеком и его предками. Именно поэтому в древности каждое божество имело священное дерево, через которое передавало часть своих таинств и силы. Так, лавр был священным деревом Аполлона, олива – Афины, сосна – Кибелы, Пана и Атиса, кипарис – Аида, а кедр и ореховое дерево – Артемиды. Сикомора, священное дерево Древнего Египта, посвящалось богиням Исиде Хатхор и Нейт. Дуб был священным деревом верховных богов: Зевса у греков, Юпитера у римлян, Перуна у древних славян. Фиговое дерево посвящалось Гермесу, Дионису и индийскому богу Вишну.

У каждого народа было свое священное дерево, которое имело особые достоинства, флюиды, свойства, отражающие различные аспекты сокровенной жизни природы. В качестве примера приведем символику лишь некоторых из них.

Дуб. Во многих традициях дуб был особо священным деревом. Одно из его достоинств заключалось в том, что он привлекает на себя удар молнии – его всегда считали проводником силы верховных божеств. Знамениты были священный дуб Зевса в Додоне, дуб Юпитера Капитолина в Риме, дуб Перуна у славян. Во все времена дуб был символом стабильности, величия и силы, как внутренней, так и внешней, как духовной, моральной, так и физической. Особо почитался дуб у древних кельтов. Если верить Плинию Старшему, название друидов, знаменитых кельтских жрецов, можно перевести как «рожденные из дуба» (от греческого «друис» – «дуб»). Дуб символизировал сочетание мудрости и силы, в чем, как считают многие, и заключалось основное достоинство кельтских жрецов. В священных рощах друиды вешали на ветви дуба арфы, чтобы ветер играл на их струнах. Считалось, что таинственные звуки, которые издавали арфы, отражали музыку небесных сфер и волю богов.

Олива. Символика этого дерева очень красива, глубока и многогранна. Во многих традициях оно является символом мира, плодородия, очищения, силы, победы и благословения. В Греции оно было священным деревом Афины, богини мудрости. По легенде, первая олива появилась из земли от удара копья великой богини во время ее состязания с Посейдоном за право покровительства над вновь основанным городом – городом, который впоследствии получил имя Афины и стал центром древнегреческого мира.

Согласно древнекитайским традициям, функция оливы – хранение и покровительство; ее кора нейтрализует некоторые яды. В Японии олива была символом победы, преодоления трудностей – на войне, в начинаниях мирских и духовных. В еврейских и христианских традициях оливковая ветвь была знаком мира и благой вести.

Сосна. Во все времена вечнозеленая сосна была символом бессмертия. Особенно красива символика сосны в традициях Дальнего Востока. Последователи даосизма питались только семенами, иголками и смолой сосны. Они считали, что такая пища делает тело легким, а душу – способной улететь к новым далям. Одна из даосских притч рассказывает, что если смола сосны,

стекая по стволу, попадает на землю и ее впитывает плодородная почва, то через тысячу лет на этом месте вырастет гриб, который приносит бессмертие.

В Японии из сосны строили храмы и изготавливали обрядовые сосуды и инструменты. Сосна считалась символом удачи, а также обретенной внутренней силы, которую никто и никогда не сможет уничтожить, ибо она является результатом долгих сражений и преодоления самого себя. В период празднования Нового года японцы кладут по обе стороны входной двери своего дома две сосны. Считалось, что в ветвях этого дерева живут маленькие невидимые существа – гении-хранители, приносящие благословение и удачу в начале любого важного цикла жизни. В древнегреческих и древнеримских традициях сосна была посвящена Пану, Кибеле и Атису и играла важную роль в их Мистериях.

Лавр. Лавр – священное дерево Аполлона, символизирующее особый вид бессмертия, которое достигается через сражение и победу как на физическом плане, так и на плане духа. Поэтому венок из листьев лавра украшал головы героев, гениев и мудрецов. Считалось, что листья лавра помогают пробуждению ясновидения и пророческих способностей. Очень распространенной в древности была особая форма прорицания при помощи лавра. В Дельфийском оракуле перед началом прорицаний пифии и жрецы посвящали Аполлону листья лавра, которые потом сжигали или разжевывали. Тот, кто получал от пифий благоприятный ответ, уходил из оракула с лавровым венком на голове. Считалось, что лавр передает все сокровенные качества Аполлона: божественное вдохновение, гармонию и свет, – а также является носителем света для всех живущих в темноте.

Береза. Береза – священное дерево в славянских традициях. Считалось, что она передает силу обновления весны, помогает возродиться, почувствовать «второе дыхание», победить инерцию, уныние и болезнь, почувствовать молодость души и тела. Береза считалась хранителем и проводником всех импульсов и состояний, приходящих с Неба, и потому всегда была символом вдохновения и пробуждения тонких струн души.

Драконы **Анна Кривошеина**

Пожалуй, нет ни одного уголка на Земле, где бы ни знали легенд и мифов о драконах.

Эти загадочные существа занимали умы людей с древнейших времен, постепенно изменяясь и обретая все новые черты и формы, на первый взгляд противоречащие друг другу: подобно Шиве, дракон воплощает то силу жизни, то силу разрушения.

Эмблема воинов на парфянских и римских штандартах, национальная эмблема Уэльса, хранитель, изображенный на носах длинных судов древних викингов. Изначальные «владыки земли», стражи сокровищ и тайных знаний, с которыми почему-то приходится бороться героям и созидателям Зигфриду, Георгию, Гераклу... Змей Горыныч и чудо-юдо русских сказок и былин. Чудовище, опустошающее огромные территории, об ужасных местах обитания которого рассказывали в каждой стране. Однако у римлян дракон был значком когорты, отсюда современное *dragon*, «драгун». Символ высшей власти у кельтов, символ китайского императора: его лицо именовалось Лицом Дракона, а трон – Троном Дракона. На щите Агамемнона, читаем мы в 11-й песни «Илиады», был изображен синий трехглавый дракон. Легенды буддизма изобилуют упоминаниями о них, сказания даосизма повествуют об их деяниях. По всему миру жрецы-адепты именовали себя Сынами Дракона и Сынами Бога-змея. «Я – змий, я – друид», – восклицал кельтский жрец. А имя Дракулы, великого мага, превращенного суевериями в вампира, переводится как «Сын дракона».

Все в Едином, Единое во всем

Дракон появляется почти во всех мифах о сотворении мира. Священные тексты древних народов отождествляют его с первозданной силой земли, изначальным Хаосом, который вступает в борьбу с Творцом. В этих космических битвах, как правило, побеждают силы или боги, олицетворяющие порядок и поддерживающие равновесие в мироздании, а из чудовища создается небосвод и поднебесный мир: «И рассек он ей внутренность, и пронзил сердце... и создал из одной половины твердь небесную, а из другой – твердь земную...» В каждой стране поэты воспевали эту титаническую битву. В древнейшем вавилонском сказании «Энума элиш» («Когда вверху...») говорится о борьбе бога Мардука с Тиамат, богиней первобытного космического океана. Один из богов ведического пантеона, Индра, побеждает дракона Вритру, сирийский бог Баал – бога Ямму, владыку изначального океана... Широко известен и библейский сюжет о чудовище Левиафане, некогда побежденном Творцом.

Один из ключей к разгадке символа дает средневековая алхимия. Эта древняя наука основывается на великом Законе единства материи. Все творение происходит из Единого и к Единому возвращается. Материя одна, но принимает различные формы, комбинируясь сама с собой и производя бесконечное множество новых тел. Эта Первоматерия, существовавшая прежде всех элементов, называлась Хаосом, причиной, мировой субстанцией и обозначалась древнейшим алхимическим символом – змеей-драконом, кусающим себя за хвост и называющимся «уро-борос» («пожиратель хвоста»). Изображение уробороса сопровождали подписью «Все в Едином» или «Единое во всем». А Творение называли круговым (*circulare*) или колесом (*rota*).

Дракон – это дух изменения, а потому дух самой жизни

Вначале этот символ был полностью благоприятным и означал воды, несущие жизнь (змея), и дыхание жизни (птица). В Средневековье, чтобы изобразить дракона, «заимствовали» разные части тела и элементы у семи или девяти различных животных, и, подобно сфинксу, дракон был символом единения четырех стихий.

На востоке извивающийся дракон рассказывал о созидательных ритмах и циклах природы, жемчужное зерно в его рту означало силу начинания. «Весной он подымается в небо, а в августе хоронит себя в толщах воды. Дракон покрывает себя грязью в осеннее равноденствие и появляется весной, своим пробуждением возвещая возрождение природы». Он обладает

способностью по своему желанию становиться видимым или невидимым, может преображаться.

Два дракона, играющие с жемчужиной, – это символ взаимного созидательного действия сил инь и ян, порождающих мир, символ всех противоположных и взаимодополняющих сил, символ целостности вселенной (именно дракон-лошадь передал императору рисунок круга дао, в котором отражена взаимосвязь инь и ян). В даосизме и буддизме это жемчужина совершенства, мудрость, духовная суть вселенной, знак Высшего предела. По легенде, китайский монарх, обладавший жемчужиной, мог превратить ночь в день. Дракон вместе с фениксом (в Китае) или орлом (в алхимии) – символ союза неба и земли, божественной потенциальности, взаимодействия макро– и микрокосма, ритмов эволюции и инволюции, рождения и смерти.

* * *

Сила у него не в зубах, а в хвосте, и убивает он скорее дыханием, чем укусом.

Один из наиболее распространенных мифологических сюжетов – сражение с драконом: герой, благодаря своей отваге, побеждает дракона, завладевает его сокровищами либо освобождает пленную принцессу. Этот сюжет рассказывает о двойственности природы человека, о внутреннем конфликте между светом и тьмой, о силах бессознательного, которые могут быть использованы для достижения как созидательных, так и разрушительных целей. Битва с драконом символизирует те трудности, которые человеку необходимо преодолеть, чтобы овладеть сокровищами внутреннего знания, одержать победу над своей низменной, темной природой и достичь самообладания. Только выполнив это условие, герой мог нести истинный свет и спасение миру.

Спасти непорочную девицу из лап дракона значит освободить чистые силы, сокрушив злые. Подвиги Геракла, освобождение Андромеды Персеем, бой Ясона с драконом в сказании об аргонавтах, легенда о скандинавском герое Сигурде и его победе над драконом Фафниром, бой святого Георгия с драконом – лишь некоторые тому примеры. Каждый из них дает свой совет, как сражаться с собственной тьмой: например, Геракл до тех пор не мог победить многоголовую гидру, у которой на месте каждой отрубленной головы тут же вырастала новая, пока не догадался прижигать рану факелом. Не то же ли происходит с человеком, пока он сражается с проявлениями и последствиями своих недостатков, но не находит их корней? И хотя дракон, подобно египетскому Сету, причиняет жестокую боль, он помогает человеку познать себя.

* * *

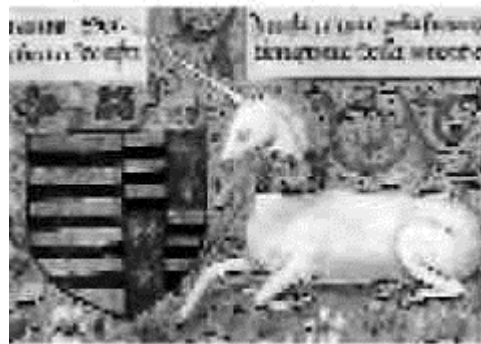
Дракон не был бы драконом, если бы не умел летать. И человек не был бы человеком, если бы, веруя в драконов, не попытался такого летающего дракона сделать.

С древнейших времен люди запускают в небо воздушных змеев. А в Японии когда-то драконов запускали даже в городах, с крыш домов. Почему? Возможно, сами того не осознавая, мы не представляем себе жизни без летающего дракона, великого покровителя и защитника. Драконы были символами могущественных богов, дающих жизнь: Кецалькоатля, бога утренней звезды, Атума, бога вечности, Сераписа, «Дракона мудрости». А также – земных «детей» этих богов: Учителей, мудрецов – хранителей Центра мира, его сокровищ и тайн. Этот символ бесконечен, как бесконечен вечно развивающийся мир, охраняемый кольцом уробороса. Драконы и сейчас населяют страницы наших книг. Клиффорд Саймак, Роберт Желязны,

Евгений Шварц, Ричард Бах, Джон Рональд Толкиен рассказывают нам о драконах. О нашей слепоте и лени. О пульсе и дыхании жизни. О знаках на нашем пути. И о том, что все великие битвы и победы – лишь результат маленьких, ежедневных сражений.

Единорог Анна Кривошеина

*Никто не сможет поставить их в упряжь,
Никто не сможет смирить их пулей,
Их копыта не оставляют следа,
Они глядят вслед движущейся звезде.*
Б. Г.

Звездный единорог, битва льва и единорога, единорог и прекрасная дева... Какое дело нам, ныне живущим, до странного мифического существа, то ли созданного воображением людей, то ли реально существовавшего в незапамятные времена? Почему вдруг в XX веке образ единорога так увлек многих художников, писателей, поэтов? К этой теме обратились Йейтс и Рильке, Лорка и Элиот, Тенесси Уильямс, Желязны, Шекли... Совсем недавно мы видели единорога в заколдованном лесу вместе с Гарри Поттером. А оглянувшись назад, встретим его у Шекспира, Босха, Кэрролла, Рабле. В мировой культуре этот удивительный зверь уступает по популярности, пожалуй, только дракону. Что же в нем такого особенного?

Среди множества символов, сопровождавших человека на протяжении всей истории, единорог, или моноцерос, занимает особое место. Самые ранние его изображения относятся к III тысячелетию до н. э. – они обнаружены на печатях городов долины Инда. Единорог – один из самых священных символов древней эпохи. Это мифическое существо появляется в древнеиндийских, иудейских, персидских священных писаниях – в «Атхарваведе» (в мифе о потопах говорится, что «отец человечества» Ману привязал свой корабль к рогу единорога), в «Махабхарате», «Рамаяне», в Ветхом Завете и т. д. Его внешность меняется – он то бык, то громадная рыба, неизменным остается лишь огромный рог. В греко-римской традиции его изображали с «телом лошади, головой оленя, ногами слона и туловищем кабана».

Но как бы единорог ни выглядел, он был символом присутствия в нашем мире особой силы, невидимой, подспудной, держащей и хранящей его в изначальной целостности. В древнерусской «Голубиной книге» единорогу посвящены такие строки:

Живет единорог во святой горе,
Он проход имеет по подземелью,

Прочищает все ключи источные:
Когда единорог-зверь поворотится,
Вскипят ключи все подземные,
Потому единорог-зверь всем зверям царь.

В России единорога еще называли инорогом, инрогом, ипроком и индрик-зверем. В русских азбуковниках XVI–XVII веков его представляли так: «Зверь подобен есть коню, имать рог велик, тело его медяно, в розе имать всю силу... Подружия себе не имать, живет 532 лета».

Это сказочное животное было у нас столь популярным, что его изображения появлялись даже на артиллерийских орудиях, одна из разновидностей которых получила название «единорог».

Став благодаря своему величию, справедливости, мудрости, благородству одной из любимых геральдических фигур, единорог украсил гербы королевских династий и личные гербы многих замечательных людей прошлого. Он был символом Елизаветы I, короля Якова I, а в России – графа П. И. Шувалова, некоторых великих князей.

Его рог, «растущий из середины лба, тверже железа» – это ось мира, точка опоры, необходимая для существования. Винтовой, «закрученный, подобно пылающей шпаге», он рассказывает о циклах, по которым развивается мир вокруг этой оси. Его сравнивали с лучом солнца, соединяющим земное и небесное. Два рога, слитые в один, символизируют изначальное единство, гармонию противоположностей – вечного и тленного, земного и небесного, инь и ян. Единорог принадлежит целостности мира, а двойственность – это свойство земного. В Китае единорога называли *ци-лин* (*ци* означало мужское начало, *лин* – женское) и почитали как символ совершенного добра. Белый цвет, цвет полноты, породившей все остальные цвета спектра, ставит его над временем, над земной реальностью. «Все вещи исходят из Единорога», – говорится в древнем герметическом трактате.

В средние века и эпоху Возрождения меняется представление об облике единорога: это белая или серебряная лошадь с длинной гривой и винтовым рогом, – теперь он осмысливается еще и как символ чистоты и непорочности. Поэтому в поэзии трубадуров и искусстве Ренессанса одним из любимых становится сюжет о прекрасной деве и единороге.

Как говорят легенды, этот зверь, которого невозможно ни укротить, ни поймать – хотя тысячи людей охотились за ним в жажде заполучить очень дорого ценившийся рог, – завидев чистую, непорочную девушку, доверчиво подходил к ней, клал голову на ее колени и так засыпал. Ему нужно было на земле что-то, что приняло бы его свет – не запачкав, не уничтожив. Этим таинственным «нечто» становилась душа Прекрасной дамы, глубины которой, как спокойное озеро, могли принять в себя звездный свет и наполнить все вокруг особой красотой – красотой, сокровенные истоки которой в глубоких таинствах мира. Чистота дамы – это чистота сердца, способного отразить свет, и благодаря этому в душе дамы вечно живет магия прекрасного, небесное очарование.

От изображения девы с единорогом трудно оторвать взгляд – это как мандала мира, его вечная формула, свет льющийся и свет хранимый... На память приходят чаша Грааля и копьё короля, фиал и Авалон – все принадлежащее и не принадлежащее этому миру, частица Вечного, частица Неба, того, что никогда не будет загрязнено и никогда не умрет.

Человек все-таки придумал, как ловить единорогов... Те же из них, что уцелели, ушли к далеким горам. С тех пор люди ищут этих красивых животных – уже не ради денег, обращаются к их образам снова и снова, будто пытаясь найти то, что когда-то было потеряно, и восстановить утраченные связи.

Железо

Наталья Аднорал, кандидат медицинских наук

Почему наш век называется железным? Связано ли это с физическими свойствами металла? Возможно, знакомство с историей освоения железа, с его природой и символикой облегчит понимание нашего времени и нашего места в нем.

Железный век (начался около II–I тыс. до н. э.)

В археологии: исторический период повсеместного распространения железа как материала для изготовления оружия и орудий. Следует за каменным и бронзовым.

В индийской философии – Кали-юга: век тьмы, четвертый и последний период в цикле проявленного мира. Следует за Золотым, Серебряным и Бронзовым.

Платон в «Государстве» также рассказывает о четырех веках человечества.

Железный век. Это эпоха перемен, действия и двойственности. Там, где война, – это и жестокость, и героизм. Там, где личность, – это и культ эго, и яркая индивидуальность. Где свобода – это и полное непринятие закона, и абсолютная ответственность. Где власть – это и стремление к захвату и подчинению других, и умение «властвовать собой». Где поиск – это и жажда все новых удовольствий, и любовь к мудрости. Где жизнь – это и выживание, и Путь. Железный век – это этап движения из прошлого в будущее, от старого к новому. Это век, в который живет каждый из нас.

Часть первая, археологически-этимологическая

Железо называют металлом могущества цивилизаций. Исторически наступление железного века непосредственно связывают с открытием способа получения железа из руд, залегающих в недрах Земли. Но наряду с железом «земным» существует и его «небесный» собрат – железо метеоритного происхождения. Метеоритное железо химически чистое (не содержит примесей), а значит, и не требует трудоемких технологий их удаления. Железо в составе руд, напротив, нуждается в нескольких этапах очистки. О том, что первым человек узнал именно «небесное» железо, говорят и археология, и этимология, и распространенные у некоторых народов мифы о богах или демонах, сбросивших с неба железные предметы и орудия.

В Древнем Египте железо называлось *би-ни-пет*, что в буквальном переводе означает «небесная руда» или «небесный металл». Древнейшие образцы обработанного железа, найденные в Египте, сделаны из метеоритного железа (они датируются IV тыс. до н. э.). В Месопотамии железо именовали *ан-бар* – «небесное железо», в древней Армении – *еркат*, «капнувшее (упавшее) с неба». Древнегреческое и северокавказское названия железа происходят от слова *sidereus*, «звездный».

Первое железо – дар богов, чистое, легкое в обработке – использовалось исключительно для изготовления «чистых» ритуальных предметов: амулетов, талисманов, священных изображений (бусы, браслеты, кольца, очаги). Железным метеоритам поклонялись, на месте их падения создавали культовые сооружения, их растирали в порошок и пили как лекарство от многих недугов, носили с собой в качестве амулетов. Первое оружие из метеоритного железа украшалось золотом и драгоценными камнями и использовалось в погребениях.

Некоторые народы не были знакомы с метеоритным железом. Для них освоение металла началось с рудных месторождений «земного» железа, из которого они изготавливали предметы

прикладного назначения. У таких народов (например, у славян) железо называлось по «функциональному» признаку. Так русское *железо* (южнославянское *зализо*) имеет корень «лез» (от «лез» – «лезвие»). Немецкое название металла *Eisen* некоторые филологи производят от кельтского *isara*, означающего «крепкий, сильный». Ставшее международным латинское название *Ferrum*, принятое у романских народов, вероятно, связано с греко-латинским *fars* («быть твердым»), которое происходит от санскритского *bhars* («твердеть»).

Часть вторая, практически-мистическая

«Прикладная» двойственность предметов, изготовляемых из железа, очевидна: это и орудие созидания, и оружие разрушения. Даже один и тот же железный предмет может быть использован с диаметрально противоположными целями. Согласно легендам, кузнецы древности умели наделять железные предметы силой той или иной направленности. Потому-то и относились к кузнецам с почтением и страхом.

Мифологически-мистические интерпретации свойств железа в разных культурах тоже порой противоположны. В одних случаях железо ассоциировалось с разрушительной, порабащивающей силой, в других – с защитой от подобных сил. Так, в исламе железо – символ зла, у тевтонов – символ рабства. Запреты на использование железа были распространены в Ирландии, Шотландии, Финляндии, Китае, Корее, Индии. Без железа строились алтари, с помощью железных инструментов запрещалось собирать лекарственные травы. Индусы верили, что железо в домах способствует распространению эпидемий.

С другой стороны, железо – неотъемлемый атрибут защитных ритуалов: во время эпидемий чумы в стены домов забивали гвозди; булавку прикалывали к одежде как талисман от сглаза; железные подковы прибавали к дверям домов и церквей, прикрепляли к мачтам кораблей. В античности были распространены кольца и другие амулеты из железа, отпугивающие демонов и злых духов. В Древнем Китае железо служило символом справедливости, крепости и целомудрия, изготовленные из него фигурки закапывали в землю для защиты от драконов. Железо как металл-воин воспевалось в Скандинавии, где воинский культ достиг небывалого развития. Кроме того, некоторые народы почитали железо за способность пробуждать душевные силы и вызывать в жизни кардинальные перемены.

Часть третья, естественнонаучная

Железо – металл, один из самых распространенных элементов во Вселенной, активный участник процессов, происходящих в недрах звезд. Ядро Солнца – главного источника энергии для нашей планеты (согласно современной гипотезе) – состоит из железа. На Земле железо распространено повсеместно: и в ядре (основной элемент), и в земной коре (на втором месте после алюминия), и во всех без исключения живых организмах – от бактерии до человека.

Основные свойства железа-металла, прочность и проводимость, обусловлены его кристаллической структурой. В узлах металлической решетки «покоятся» положительно заряженные ионы, а между ними непрерывно «снуют» отрицательно заряженные «свободные» электроны. Прочность металлической связи обусловлена силой притяжения между «узловыми плюсами» и «подвижными минусами», потенциал проводимости – хаотическим движением электронов. «Настоящим» проводником металл становится тогда, когда под действием приложенных к металлу полюсов этот электронный хаос превращается в направленный упорядоченный поток (собственно, электрический ток).

Человек, как и металл, при достаточно жесткой внешней организации внутренне – само движение. На физическом уровне это выражается в непрерывных движениях и взаимопревращениях миллиардов атомов и молекул, в обмене веществами и энергией в клетках, в токе крови и т. д. На уровне психики – в постоянной смене эмоций и мыслей. Остановка движения на всех планах означает смерть. Примечательно, что именно железо является неизменным участником процессов, обеспечивающих энергией наши тела. Выход из строя хотя бы одной железосодержащей системы грозит организму непоправимой бедой. Даже снижение содержания железа значительно ухудшает энергетический метаболизм. У человека это выражается в хронической усталости, потере аппетита, чувствительности к холоду, апатии, ослаблении внимания, снижении умственных и познавательных способностей, повышении восприимчивости к стрессам и инфекциям. Справедливости ради стоит сказать, что и избыток железа ни к чему хорошему не приводит: отравление железом выражается в быстрой утомляемости, поражениях печени, селезенки, усилении воспалительных процессов в организме, дефиците других жизненно важных микроэлементов (меди, цинка, хрома и кальция).

Любое движение требует энергии. Наш организм получает ее в процессе химической трансформации полученных с пищей веществ. Движущей силой этого процесса служит атмосферный кислород. Такой способ получения энергии называется дыханием. Железо – его важнейшая составляющая. Во-первых, в составе сложной молекулы – гемоглобина крови – оно непосредственно связывает кислород (структуры, в которых железо заменено на марганец, никель или медь, связывать кислород не способны). Во-вторых, в составе миоглобина мышц хранит этот кислород про запас. В-третьих, служит проводником энергии в сложных системах, которые, собственно, и осуществляют химическую трансформацию веществ.

У бактерий и растений железо также участвует в процессах трансформации веществ и энергии (фотосинтезе и фиксации азота). При недостатке железа в почве растения перестают улавливать солнечный свет и утрачивают зеленую окраску.

Железо не только помогает трансформации веществ и энергии в живых организмах, оно еще и служит индикатором изменений, происходивших на Земле в далеком прошлом. По глубине отложения окислов железа на дне мирового океана ученые строят предположения о сроках возникновения первых фотосинтезирующих организмов и появления кислорода в атмосфере Земли. По ориентации железосодержащих включений в составе лав, излившихся во времена древних катаклизмов, – о положении магнитных полюсов планеты в то давнее время.

Часть четвертая, символическая (астрологически-алхимическая)

Так что же за энергии, питающие активность наших тел, проводит железо? В старину предполагали, что энергии небесных тел передаются обитателям Земли с помощью проводящей силы металлов. Каждый конкретный металл (из семи упоминаемых в алхимии и астрологии) способствует распространению в организме вполне определенного вида энергии. Железо считали частичкой небесной силы, которую дарит Земле ее ближайший сосед – планета Марс. Другие названия этой планеты – Арес, Яр, Ярий. Русское слово «ярость» одного с ними корня. В древности про энергию Марса говорили, что она «горячит кровь и разум» и благоприятна для «работы, войны и любви». Марс и железо часто упоминались в связи с астралом – планом эмоций. Говорилось, что сила Марса не только «разжигает» нашу физическую активность, но и провоцирует «выход наружу» наших инстинктов, страстей и эмоций – деятельных, подвижных, изменчивых и, конечно же, порой диаметрально противоположных. Ведь недаром говорят, что от любви до ненависти один шаг.

Философы прошлого рассматривали эти проявления «энергичных и мятущихся

элементов» как необходимый этап роста, развития, совершенствования. Не случайно и в алхимии путь эволюции, трансформации металлов, кульминацией которого является инертное, целостное, совершенное золото, начинается именно с железа – символа действия.

* * *

Железный век – историческая эпоха добычи и обработки железа, эпоха разрушительных войн и созидательных открытий.

Железо само по себе не может быть ни хорошим, ни плохим, «ни великим, ни ничтожным». Его внутренние свойства проявляются так, как предусмотрено Природой. В руках человека железо преобразуется в изделие. Является ли оно добрым или злым? Очевидно, нет. Только результат совершенного действия может быть созидательным или разрушительным. Только человек выбирает цель, способ и направление действия и несет ответственность за его результат.

Жемчужина

Ольга Сизова, кандидат психологических наук

В разных культурах сохранились предания о том, как появляется жемчужина. Индийский философ Свами Виве-кананда в «Бхакти-йоге» приводит такую легенду: жемчужница живет на дне моря и поднимается на поверхность, чтобы схватить дождевую воду, когда восходит звезда Свати (Венера). Затем она вновь погружается на дно, где из той капли появляется великолепная жемчужина. А по славянским преданиям, не всякая капля воды, попавшая в створки раковин, может стать жемчужиной, но только та, которая стекала с венчика кувшинки. В гностическом тексте «Физиологус» рассказывается, что раковина поднимается из моря в утренние часы на рассвете. «И открывает раковина свои уста, и поглощает небесную росу, солнечные, лунные и звездные лучи. И рождает жемчужину из высших источников света...»

Самое удивительное, что во всех древних культурах жемчужина – это образ человеческой души, освещенной божественным духом, или соединения двух «стихий»: Воды и Огня. Первая символизирует земную душу, а вторая – небесный дух. Жемчужина же в раковине – это душа, заключенная в теле.

Сохранилась гностическая поэма «Гимн жемчужине», в которой рассказано о настоящей драме души. Легенда повествует о юноше, посланном своим Отцом, живущим на Небесах, на

землю, чтобы он сразился со страшным змием и забрал у него жемчужину со дна моря и вернул ее на Небо. Перед тем как отправить юношу, с него сняли одеяние славы и пурпурную мантию и записали в сердце его завет: «Когда ты спустишься в Египет и достанешь ту Жемчужину, которая лежит в середине моря, которое окружает волшебный змий, ты снова наденешь одежды славы и свою мантию и... будешь наследником нашего царства».

Египет на протяжении многих веков был центром древней мудрости, тайного знания, где учились, согласно преданиям, не только восточные мудрецы, но и многие античные философы. И жемчужина, которую необходимо вызволить из «пасти Змия», – это свет заброшенной на чужбину души, драгоценность. Ведь душа человека дороже всего в мире. В Новом Завете говорится: «...что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»

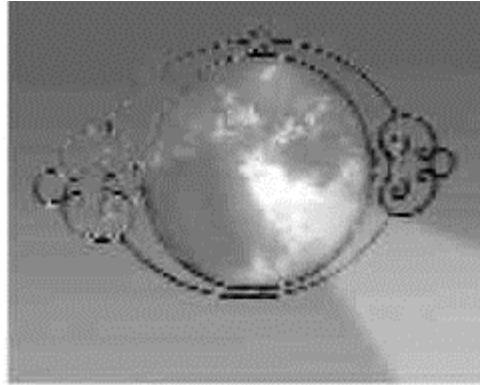
К душе обращаются как к «жемчужине», чтобы противопоставить ее ценность малоценности преходящего мира, ее блеск – тьме, в которую она погружена. Душа человека, погруженная в воды жизни, материю, опутана змием, который в символизме многих культур являлся образом сил природы. Трудно вырваться из ее плена, потому что, спустившись на землю, душа забывает о своих истоках, увлекаясь игрой чувств. Даже божественному посланнику, о котором рассказывает поэма, – юноше, призванному освободить Душу из плена материи, не дано избежать периода забвения души. И он не смог бы вспомнить, зачем он здесь, если бы не получил письмо Отца: «Пробудись и восстань от своего сна и вникни в слова нашего письма. Вспомни, что ты – царский сын: узри, кому ты служишь в рабстве. Помни о Жемчужине, для блага которой послали тебя в Египет. Вспомни свои одежды славы...»

Жемчужина – символ внутреннего центра, чистоты. И она же символ тайного знания, которое не открывается человеку просто так, без настойчивых стремлений и поисков. Жемчужина символизирует свет в темноте. Как жемчужина скрыта от нас в раковине, так и внутренний свет души и свет знания скрыты от нас, и, чтобы добраться до них, нужны огромные усилия, часто страдания и слезы, которые жемчужина также символизирует. Ведь ее образование – отклонение от нормального биологического процесса. Она появляется только в том случае, если в раковину жемчужницы попадает инородное тело, частичка грязи. При этом моллюск «плачет», страдает, омывает слезами эту «грязь», превращая ее в прекрасную жемчужину.

Жемчуг считается драгоценным камнем, но не является минералом. Жемчужина формируется в результате отвердения выделений, которые производят некоторые виды моллюсков при попадании в раковину гравия, песчинки, кусочка раковины, мельчайших насекомых. Моллюск-жемчужница выделяет перламутр (от немецкого *Perl* – «жемчуг» и *Mutter* – «мать», то есть «мать жемчуга») в виде сферических слоев арагонита (карбоната кальция). Так постепенно появляется жемчужина. Цвет ее может быть разный: белый, голубой, желтый, коричневый, зеленоватый, розовый, черный. Размеры тоже могут быть самыми разными: с булавочную головку или с куриное яйцо и даже больше. Самая крупная, массой 340 карат, жемчужина хранится в Геологическом музее в Лондоне. А самая известная и самая красивая жемчужина «Пилигрима» («Пелегрина») найдена у берегов Индии – она величиной с грецкий орех и имеет идеально сферическую форму.

В местах лова жемчуга только в одной из 30–40 раковин находят жемчуг. Но иногда в одной раковине может быть одна, две и даже больше жемчужин. Так и у людей – далеко не в каждом сверкает душа. Но бывает, что в одном человеке много «жемчужин». И свет их тем ярче, чем больше слез и пролито, и утешено.

Зеркало
Анна Кривошеина

Одно из самых очевидных значений этого древнего символа – зеркало как отражение реальности. Реальности, которую человеку не всегда легко принять. Оно позволяет увидеть себя настоящего, открыть тайные мысли и желания или загнанные внутрь мечты и надежды – ибо «зеркало не лжет», и в древности оно часто было атрибутом богини Истины. Но зеркало может все исказить и запутать: существует представление о жизни как о зеркальном лабиринте, в нем человек должен отыскать правильную дорогу, иначе он может столкнуться с пустотой отражения. *Принципы зеркала* играют большую роль в организации художественного мира многих произведений. Самые разные зеркала появляются у Кэрролла и Набокова, у Андерсена и Гоголя, у Блока, Борхеса, Кокто...

Однако существуют другие значения этого символа.

«Свет мой, зеркальце, скажи...» – слова злой царицы-мачехи, которые помнит каждый из нас, отражают еще одну грань этого символа: в западной иконографии зеркало являлось атрибутом персонифицированных Высокомерия, Тщеславия, Сластолюбия. Однако оно же было ритуальным предметом во всех древних культурах – бронзовые зеркала Китая и Японии, Этрурии, обсидиановые зеркала Древней Америки известны во всем мире.

Квадратное зеркало означало землю, круглое – небеса, могло иметь лунную символику. В Китае зеркало считалось символом супружеского счастья. Зеркала развешивали по стенам комнат, чтобы отгонять злых существ, пугающихся своего отражения. Зеркало, висящее на потолке храма или гробницы, образовывало путь для восхождения души на небо. Это также символ самопознания: согласно японскому мифу, бог Изанги дал своим детям зеркало и велел, став на колени, смотреть в него каждое утро и вечер, пока они не избавятся от злобных мыслей и чувств.

В Японии зеркало вместе с мечом и сияющей яшмой является одним из трех священных сокровищ – атрибутов императорской власти. Синтоистская традиция связывает это зеркало с богиней Солнца Аматэрасу: покинуть пещеру, куда она удалилась в гневе, лишив мир света, богиню заставило зеркало – выглянув из своего убежища, Аматэрасу увидела прекрасный яркий свет, подобный ее собственному, и вышла посмотреть на чудо. Это было ее собственное отражение в зеркале – и с тех пор священное зеркало хранится в святилище Исе. Оно изготовлено из бронзы, имеет форму восьмилепесткового лотоса, надпись на нем гласит: «Я есть тот, кто Я есть».

Во время церемонии восшествия на престол его передают в руки новому императору. Этот обычай связан с пониманием мира как разных реальностей, гармонично связанных и совмещенных друг с другом. Мир видимый – это отражение Высшей реальности, архетипального, божественного мира. Поверхность зеркала воспроизводит образы, удерживая и

сохраняя их, но лишь на короткий миг, они являются частью зеркала – и все же не принадлежат ему. Так и Вселенная в целом – это зеркало Божественного, и отражение создает иллюзию чего-то существующего вне Бесконечного Единства. В японской мифологии бог Солнца, прощаясь с внуком, дает ему небесное зеркало и говорит: «Дитя мое, посмотрев в это зеркало, ты увидишь в нем мое отражение, и будет так, словно я с тобой».

В средневековом символизме зеркало – *speculum sine macula*, «чистое зеркало», – атрибут Девы Марии, так как она благодаря своей чистоте отразила в себе Бога через Иисуса Христа, не исказив изображения.

А восточные и западные мудрецы говорят о человеке как о зеркале Бога. Сердце человека – это зеркало. Если оно загрязнено, оно покрывается чем-то вроде ржавчины. Когда оно чисто, оно привлекает божественный свет, и даже богиня Амаэрасу выглядывает из своей пещеры.

В каждом из нас, писал философ Хорхе Анхель Ливрага, есть внутреннее зеркало, способное менять свое положение. Если зеркало направлено вниз, в нем отражаются грязь и камни. Если его чуть приподнять – в него попадают светлеющие горизонты и множество интересных существ и предметов. А если поднять внутреннее зеркало вверх, то «мудрость покажет истинные чудеса и двигатели всех вещей».

Кадуцей Татьяна Роменская

Это символ столь древний, что почти невозможно установить, когда он появился. Посох, обвитый двумя змеями с крыльями или без, был атрибутом божеств в Индии и Древнем Египте, в Финикии и Шумере, в Греции, Риме и во всем Средиземноморье, в Иране и даже в доколумбовой Америке. И какое бы божество ни держало его в руках: Серапис, Асклепий или Гермес, Меркурий или Эскулап, – кадуцей всегда отражал одно и то же: принцип универсального движения.

Как пишет Елена Петровна Блаватская, этот символ греки заимствовали у египтян, которым он был известен еще до Осириса, а у греков кадуцей, в свою очередь, переняли римляне. И латинское слово *caduceum* произошло от греческого «вестник, предвестник». Любопытно, что в греческом языке оно имеет общий корень со словом *петух*. А петух, как известно, великий предвестник утра и Солнца.

Стержень кадуцея символически связан с деревом жизни, осью мира, а змеи – с циклическим возрождением Природы, с восстановлением универсального Порядка, когда он нарушается. Змеи указывают на скрытую динамику в том, что внешне стабильно,

символизируют два разнонаправленных потока (вверх и вниз), на связь неба и земли, Бога и человека (крылья на кадуцее также указывают на соединение неба и земли, духовного и материального) – все, что рождается на земле, приходит с неба и, после того как пройдет путь испытаний и страданий, обретет жизненный опыт, должно подняться к небу.

О Меркурии говорится, что он своим посохом – который с тех пор считается символом мира, согласия, – разделил двух дерущихся змей. Дерущиеся змеи – это беспорядок, хаос, их необходимо разделить, то есть различить, увидеть противоположности и объединить, преодолеть их. Тогда, объединившись, они уравновесят Ось мира, и вокруг нее из Хаоса будет создан Космос, гармония. То же символическое значение имеет зодиакальный знак Близнецы, которым управляет планета Меркурий: видимая двойственность должна быть превращена в Единство. Истина едина, и, чтобы прийти к ней, нужно следовать по прямой дороге, которую символизирует ось кадуцея.

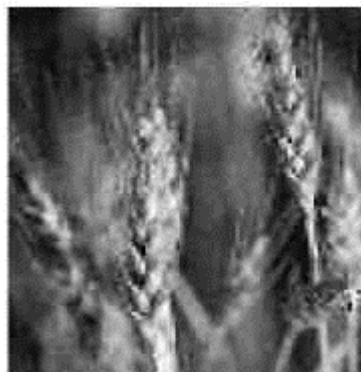
Эпиктет говорит: «Есть такая палка Гермеса, потрогай ею что хочешь. Все, что ни потрогаешь, будь это кожа, дерево или что-то еще, – все превратится в золото. Да это и верно. Приведите ко мне больного или умирающего, бедствия или трудности – все это я могу преобразить палкой Гермеса. Велик Бог, давший нам этот инструмент».

Кадуцей также символ Змеиного Огня, или Кундалини. Обвиваясь вокруг центральной оси, змеи соединяются в семи точках, их связывают с чакрами. Кундалини, Змеиный Огонь, спит в базисной чакре, а когда в результате эволюции просыпается, восходит по позвоночнику по трем путям: центральному, Шушумне, и двум боковым, которые образуют две пересекающиеся спирали, – Пингале (это правая, мужская и активная, спираль) и Иде (левая, женская и пассивная).

Кадуцей говорит о власти божества, которое распространяет свою силу на того, кто обращается к нему с молитвой. Это символ Ведущего и Посвященного, Вестника, потому что недостаточно познавать и знать, столь же важно уметь передавать. В древности такими вестниками, прямыми представителями и посланниками богов были врачи, исцелявшие душу и тело человека, – они были связаны с Созидающей Силой, им были открыты все законы, которые правят Природой. Духовная прозорливость позволяла им распознавать природу болезни и подбирать наилучшее лекарство. В те времена короли и цари были одновременно жрецами и врачами.

Колос

Ольга Сизова, кандидат психологических наук

В самый важный момент Элевсинских мистерий тому, кто посвящался в них, торжественно показывали колос пшеницы. Другой колос человек обязательно приносил с

собой. Какое же сокровенное знание открывал ему в ночь приобщения к таинствам Деметры и Персефоны колос, «срезанный в тишине»?

Посев и сбор зерновых культур: пшеницы, ячменя, кукурузы – с древних времен сопровождался ритуалами. Так, в землях Европы люди верили, что дух, обитающий в хлебном поле, уходит в еще не сжатое зерно. Поэтому никто не хотел срезать последнюю несжатую полоску. Жнецы по очереди метали в нее серпами, до тех пор пока не срезали все колосья. У шотландцев, наоборот, срезание последних колосьев было почетной обязанностью. Они считали, что в этот миг на жнеца или жницу переходила благотворная, творящая сила духа зерна. Последний сноп связывали так, чтобы он напоминал женскую фигуру, и нарекали Матерью хлеба. Это был особый, строго соблюдавшийся обряд.

В Европе почитали «Двух богинь» – Мать хлеба и Деву хлеба. В Древней Греции это Деметра и ее дочь Персефона; у римлян – Церера и Прозерпина.

На звездном небе богиня Деметра – это созвездие Девы. На старинных звездных картах и в атласах оно изображалось в виде крылатой девушки, держащей в руке зрелый пшеничный колос. А самую яркую звезду созвездия, альфу Девы, называли Спика, «колос». Согласно мифу, Деметра вручила людям первый колос пшеницы, научила земледелию Триптолема, сына элевсинского царя Келея и царицы Метаниры. Сохранились изображения, на которых царевич едет на золотой колеснице, запряженной крылатыми драконами, и разбрасывает по всей земле зерна пшеницы, которые дала ему богиня. Триптолем не только засеял землю, но и научил этому людей. То есть миф о Деметре рассказывает о зарождении культуры: слово «культура» происходит от латинского *cultura* – «возделывание». А имя Триптолема переводится как «три по ля» – по мифу, перед тем как посадить зерна пшеницы, он трижды вспахал поле. Интересно, что в сборнике пословиц и поговорок Владимира Ивановича Даля есть формула приветствия, с которой обращались к заканчивавшим жатву: «С двумя полями сжатыми, с третьим засеянным!»

В Древнем Египте времена года определяли звезды и Нил. Начало подъема воды было и началом нового года (середина июля). Разлив реки совпадал с появлением на небосклоне Сириуса, который не был видим до этого в течение 70 дней. У египтян было три времени года: «Разлив», «Возрождение», когда с полей сходила вода и их начинали обрабатывать, и «Жаркое время» или «Жатва» – период сбора урожая и самого низкого уровня воды. В это время на небосклоне появлялось созвездие Девы. И самые яркие звезды Девы египтяне называли «Девушками-жницами» или просто «Жницами».

Золотые колосья – дети брака сияющего Солнца и девственной Земли, символ плодородия, возрождения, божественный дар жизни. Колосья или снопы пшеницы и других зерновых – атрибуты богов, воплощающих не только плодородие земли, но силу самой жизни, пробуждающейся, возрождающейся от смерти благодаря силе Солнца. Великая Мать (Кибела, Деметра, Церера, Анат) – это живые, созидательные космические силы, возобновляющие жизнь мира, не позволяющие ему остановиться и перестать существовать.

Те, кто становились «сынами двух богинь» (так называли посвященных в Элевсинские мистерии), жили обычной жизнью, но, как утверждал Аристофан, «вели чистую, спокойную и святую жизнь», потому что обрели мудрость отличать добро от зла, не путать одно с другим. Все в своей жизни они соотносили с прекрасным и справедливым. Прожив опыт смерти во время мистерий, они познавали подлинную цену жизни, учились ценить ее. И они никогда не пытались избежать испытаний судьбы и встречали их без страха. Ученик Платона Аристотель в «Никомаховой этике» писал, что лучше жизнь короткая, но яркая и полная смысла, посвященная высшей цели, чем долгая, но серая, обыденная, истраченная на пустяки.

Мы прекрасно знаем, что не будем жить вечно, но считаем, что не умрем ни сегодня, ни

завтра, – и так изо дня в день... до самой смерти. К сожалению, часто из-за этого мы поверхностно относимся к жизни, слишком цепляемся за ежедневные мелочи, не замечая, что время проходит, что год бежит за годом. Совсем иначе относились к дару бытия на земле те, кто прошел мистерии Деметры и Персефоны, приобщился таинств жизни и смерти. Они познали, что нельзя возродиться, если не отдать все, полностью, если пытаться сохранить что-то «свое» или «себя сегодняшнего», ведь если зерно попытается это сделать, разве появится колос? И то, что происходит сейчас, не только уже когда-то было, но повторится вновь. Это – закон природы, закон Жизни.

Кольцо

Ольга Сизова, кандидат психологических наук

Обычай носить кольца уходит в глубину веков. Их делали из самых разных материалов: дерева, камня, кости, металла, стекла.

И были кольца не столько украшениями, сколько чудодейственными амулетами, оберегавшими человека от бед, болезней и злых чар, – считалось, что кольцо связывало своего владельца с тем, кто наделил его силой: эльфом, или гномом, или каким-то другим духом Природы, или даже божеством.

Мифы, сказки, легенды разных народов рассказывают о магических кольцах, что даруют волшебную силу, а иногда даже помогают героям переноситься за тридевять земель, как, например, в сказке «Аленький цветочек». Такие кольца нельзя украсть, взять силой, а можно только получить в подарок. Если же кто-то завладеет им путем обмана, оно становится проклятым и уже никому не приносит счастья, а только зло и даже становится причиной гибели многих людей. Самые известные из подобных колец – кольцо Нибелунга, сделанное из золота, которое властитель Нибелунгов Альберих похитил у русалок Рейна (этот сюжет из скандинавского эпоса лег в основу оперы Рихарда Вагнера), и Кольцо Всевластья из «Властелина Колец» Джона Толкина, которое темный властитель Саурон выковал, обманом завоевав доверие эльфов. Освободить кольцо от проклятья может только человек с чистым сердцем, не всегда герой, как Зигфрид, но иногда и простой маленький хоббит Фродо.

С древнейших времен и до наших дней кольцо остается символом верности обетам, которые человек давал другому человеку, а сломанное говорит о нарушенных обещаниях. Неслучайно первыми печатями, которыми скрепляли договоры, были перстни – они придавали договорам неразрушимую силу не только перед лицом людей, но и богов.

Есть легенды о том, что кольцо – это единственное из сохранившихся звеньев цепи. Так, Прометей, освобожденный Гераклом, носил железное кольцо, сделанное из звена той цепи, которой он долго был прикован к горе Кавказа за то, что принес людям огонь богов. Прометей и сам – кольцо: он тот, кто связал мир людей и мир богов. И кольцо всегда было символом связи не земной, горизонтальной, а между небесным и земным. В древности у греков и римлян был обычай снимать кольца с рук умирающего, чтобы освободить душу от земного бремени, –

кольцо означало связь души и тела человека.

Кольца носили и как знаки отличия, власти, данной Богом, а это означало, что тот, кто носит кольцо, отвечает перед Высшим Законом. То есть кольцо – знак одновременно и господства, и повиновения. В античности право носить кольца было лишь у граждан. И чем весомее и серьезнее была ответственность человека, тем ценнее был материал, из которого делали кольца: простые граждане носили железные или серебряные, а сенаторы и жрецы – золотые.

В христианстве одним из атрибутов папы римского стало «папское кольцо» («кольцо рыбака»), которое вручается новому понтифику в момент избрания. Это кольцо с изображением святого Павла, тянущего сеть. Когда папа умирает, кольцо уничтожают. Священнослужители также носят кольца как символ власти и духовного служения. Монахини носят кольца как знак их брака с Христом.

А известный обычай обмениваться кольцами при обручении или бракосочетании означал не просто союз между мужчиной и женщиной, а союз их душ, духовный союз, который не властны разрушить никакие силы – ни земные, ни даже небесные. Как кольцо не имеет ни начала, ни конца, символизируя вечность, так и влюбленные, дарящие друг другу кольца, клянутся в вечной любви. Поэтому обручальные и свадебные кольца носят на безымянном пальце: еще древние египтяне считали, что он связан напрямую с сердцем человека. Это союз от сердца к сердцу, обет, данный душами друг другу перед высшими силами.

Кольца никогда не носили только как украшение. Они всегда были символом обета, нерушимой связи. Человек надевал кольцо, чтобы подтвердить, скрепить своими словами и делами, мыслями и чувствами, устремлениями эту связь.

Лабиринт

Делия Стейнберг Гусман, президент международной культурной ассоциации «Новый Акрополь»

Читая мифы и обращаясь к истории, мы не раз замечали, насколько они отличаются друг от друга. Как правило, под историей мы подразумеваем события, происходившие там-то и тогда-то и связанные с известными личностями, – одним словом, достоверные факты, не подлежащие сомнению, поскольку о них пишут всеми признанные и авторитетные историки. А мифами мы, наоборот, называем в основном то, что считаем фантастическими рассказами, в которых время и место действия неопределенны, факты сомнительны, а речь идет уже не о реальных исторических персонажах, а о вымышленных героях, вряд ли существовавших вообще.

Лабиринт – это настоящий Миф, это рассказ о героях и событиях, которые историческая наука не признает реальными, но рассматривает как символы.

Мы считаем, что в основе любого мифа, любого образа, любого символического повествования лежит реальность, пусть не всегда историческая. Миф точно описывает реальность психологическую: человеческие переживания, психические процессы и формы скрываются за символами, которые передавались из поколения в поколение и наконец дошли до нас, чтобы мы разгадали их, сняли с них вуаль и вновь увидели их сокровенный смысл, осознали их глубинную суть.

Миф о лабиринте – один из древнейших, и, осмелюсь сказать, он похож на мифы всех древних цивилизаций, говорящие, что лабиринт – это труднопроходимый и неясный путь, на сложных и извилистых тропах которого немудрено затеряться. Иногда в сюжет этого мифа вплетается рассказ о необыкновенном человеке, о герое или мифическом персонаже, который

преодолевают лабиринт и находят ключ к решению загадки, представшей перед ним в форме пути.

Когда мы говорим о лабиринтах, то сразу же вспоминаем самый известный из них, о котором сохранилось свидетельство в греческой мифологии – в простой и доступной форме, близкой к детской сказке: лабиринт острова Крит. Я не хочу говорить о нем так же упрощенно, как это делается в известных легендах, мы откроем более глубокие его пласты и проанализируем археологические находки, сделанные на Крите, чтобы понять, чему поклонялись критяне и чем в действительности был для них лабиринт. И мы увидим, как этот рассказ приобретет сложную символическую форму, и он уже не будет казаться нам таким детским.

Итак, одним из древних символов Крита, связанных с его верховным божеством, была обоюдоострая секира, которую можно представить в виде двух пар рогов, одна из которых направлена вверх, другая вниз. Эта секира связывалась со священным быком, культ которого был широко распространен на Крите. Она получила название «лабрис» и, согласно более древней традиции, послужила орудием, с помощью которого бог, позже получивший от греков имя Арес-Дионис, прорезал Первый Лабиринт.

Вот его история. Когда Арес-Дионис, бог изначальных времен, очень древний бог, сошел на землю, ничто еще не было сотворено, ничто не обрело еще форму, существовал лишь мрак, темнота. Но, согласно легенде, с небес Аресу-Дионису было дано орудие, Лабрис, и именно этим орудием, этим оружием он сотворил мир.

Арес-Дионис начал ходить посреди мрака, описывая круг за кругом. (Это весьма любопытно, ведь современная наука открыла, что мы, оказавшись в темноте в незнакомом помещении или пытаясь выйти из какого-то просторного, но неосвещенного места, чаще всего начинаем ходить по кругу; так же происходит, когда мы теряемся или блуждаем по лесу. Мы дали такое сравнение, потому что с самого начала хотим подчеркнуть, что символизм лабиринта связан с определенными атавизмами, присущими человеку.)

И вот Арес-Дионис начал ходить по кругу, рассекая темноту и прорезая борозды своей секирой. Дорога, которую он прорезал и которая с каждым шагом становилась светлее, и называется «лабиринт», то есть «путь, про рубленный Лабрисом».

Когда Арес-Дионис, рассекая мрак, дошел до самого центра, до цели своего пути, он увидел вдруг, что у него уже нет той секиры, что была вначале. Его секира превратилась в чистый свет – он держал в своих руках пламя, огонь, факел, который ярко освещал все вокруг, ибо бог совершил двойное чудо: одним острием секиры он рассек тьму вовне, а другим – свою внутреннюю тьму. Таким же способом, как он создал свет снаружи, он создал свет в самом себе; так же как он прорезал внешний путь, он прорезал и путь внутренний. И когда Арес-Дионис дошел до центра лабиринта, он достиг конечной точки своего пути: он достиг света, достиг внутреннего совершенства.

Таков символизм критского мифа о лабиринте, самого древнего из дошедших до нас. Более поздние предания мы знаем намного лучше.

Самое известное из них – миф о загадочном лабиринте, созданном Дедалом, удивительным архитектором и изобретателем с древнего Крита, чье имя теперь уже всегда ассоциируется с лабиринтом, запутанным путем.

Имя Дедал, или Дактиль, как его иногда называют, на древнем языке греков означает «Тот, кто создает», «Тот, кто работает руками, строит». Дедал – символ строителя, но не просто создателя комплекса парков и дворцов, коим являлся лабиринт царя Миноса, а строителя в более глубоком смысле слова, возможно сходном с символикой самого первого божества, построившего во мраке Лабиринт Света.

Лабиринт Дедала не был ни подземным сооружением, ни чем-то темным и извилистым; это был огромный комплекс домов, дворцов и парков, задуманный так, что тот, кто в него входил, не мог найти выход. Дело не в том, что лабиринт Дедала был ужасен, а в том, что из него невозможно было выйти.

Дедал построил этот лабиринт для критского царя Миноса, почти легендарного персонажа, чье имя позволяет нам познакомиться с очень древними преданиями всех народов той эпохи.

Минос жил в сказочном дворце, и у него была жена Пасифая, из-за которой разыгралась вся драма, связанная с лабиринтом.

Желая стать царем, Минос рассчитывал на помощь еще одного могущественного бога, повелителя вод и океанов Посейдона. Для того чтобы Минос чувствовал его поддержку, Посейдон совершил чудо: из вод и морской пены он создал белого быка и подарил его Миносу в знак того, что тот действительно является царем Крита.

Однако, как говорит греческий миф, случилось так, что супруга Миноса безнадежно влюбилась в белого быка, мечтала только о нем и желала лишь его. Не зная, как к нему приблизиться, она попросила Дедала, великого строителя, соорудить огромную бронзовую корову, прекрасную и привлекательную, чтобы бык ощутил влечение, в то время как Пасифая скроется внутри нее.

И вот разыгрывается подлинная трагедия: Дедал создает корову, Пасифая прячется в ней, бык подходит к корове, и от этого странного союза женщины и быка появляется наполовину бык, наполовину человек – Минотавр. Это чудовище, этот монстр поселился в центре лабиринта, который в тот же миг превратился из комплекса парков и дворцов в мрачное место, внушающее страх и печаль, в вечное напоминание о несчастье царя Крита.

Некоторые древние предания, помимо критских, сохранили менее упрощенное толкование трагедии Пасифаи и белого быка.

Например, в легендах доколумбовой Америки и Индии есть упоминания о том, что миллионы лет тому назад на определенном этапе эволюции человека люди сбились с пути и смешались с животными, и из-за этого извращения и нарушения законов Природы на земле появились настоящие чудовища, гибриды, которых сложно даже описать. Они вселяли страх не только потому, что обладали, подобно Минотавру, злым нравом; на них лежала печать позора от союза, который никогда не должен был состояться, от тайны, которая не должна была открыться до тех пор, пока все эти события не сотрутся из памяти человечества.

Итак, связь Пасифаи с быком и рождение Минотавра имеет отношение к древним расам и к тем давним событиям, которые в определенный момент стерлись из памяти людей.

С другой стороны, чудовище Минотавр – это слепая, аморфная материя без разума и цели, которая скрывается в центре лабиринта, ожидая жертв от своего благодетеля.

Проходят годы, продолжает легенда, и Минотавр в своем лабиринте действительно превращается в нечто ужасающее. Царь Крита, победив афинян в войне, облагает их страшной данью: каждые девять лет они должны направлять семь юношей и семь невинных девушек в жертву Минотавру. Когда наступает срок выплаты третьей дани, в Афинах против этого восстает герой, обладающий всеми достоинствами, – Тесей. Он дает себе обещание не принимать правление городом до тех пор, пока не освободит его от напасти, пока не убьет Минотавра.

Тесей сам записывается в число юношей, которые должны стать жертвами чудовища, отправляется на Крит, пленяет сердце Ариадны, дочери Миноса, и добивается, чтобы она дала ему клубок ниток, с помощью которого он сможет пройти через лабиринт и затем, убив Минотавра, найти из него выход. Клубок сыграл в этой истории важнейшую роль. Тесей входит

в лабиринт и, проникая все дальше в его сложные и запутанные коридоры, разматывает нить. Дойдя до центра, он благодаря своей колоссальной силе и воле убивает Минотавра и находит выход.

В простых и наивных историях Тесей убивает Минотавра мечом, иногда – кинжалом. Но в самых древних повествованиях, а также на изображениях на древних аттических вазах Тесей убивает Минотавра секирой с двойным лезвием. И вновь герой, проложивший себе путь в лабиринте, дойдя до центра, совершает чудо с помощью Лабриса, двойной секиры.

Нам предстоит решить еще одну загадку: Ариадна передает Тесею не клубок, а веретено с нитками. И, проникая в глубь лабиринта, Тесей разматывает именно его. Но герой возвращается к выходу, подбирая нить и снова сматывая ее, и из лабиринта выносит уже действительно клубок – идеально круглый шар. Этот символ также нельзя назвать новым. Веретено, с которым Тесей идет в лабиринт, символизирует несовершенство его внутреннего мира, который он должен «развернуть», то есть пройти ряд испытаний. Шар, что он создает, подбирая нить, – это совершенство, которого он достиг, предав смерти Минотавра, а значит, пройдя испытания и выйдя из лабиринта.

Внутренняя поверхность краснофигурного килика с изображением подвигов Тесея. В центре – убийство Минотавра. Вверху слева направо: Тесей сражается с Киркионом; замахивается секирой на лежащего на ложе Прокруста; замахивается тазом на Скирона, тогда как морская черепаха поджидает за скалой добычу; ловит марафонского быка;

сгибает сосну, к которой привязан Синид; нападает на свинью Феи. 440–430 годы до н. э. Британский музей.

Лабиринтов, так же как и Тесеев, было много. Есть они и в Испании. На протяжении всего пути к Сантьяго де Компостелла и во всей Галисии есть бесконечное множество древнейших изображений лабиринтов на камне, которые зовут пилигрима ступить на путь к Сантьяго и пройти эту дорогу, а нам они прямо указывают на то, что в своем символическом и духовном значении этот путь является лабиринтом.

В Англии, в знаменитом замке Тинтагель, где, согласно легенде, родился Король Артур, тоже были свои лабиринты.

Мы встречаем их и в Индии, где они были символом размышления, сосредоточения, обращения к истинному центру.

В Древнем Египте в древнейшем, основанном почти в додинастический период городе Абидосе существовал лабиринт, представлявший собой круглый храм. В его галереях проводились церемонии, посвященные времени, эволюции, а также бесконечным дорогам, которые проходил человек, прежде чем достичь центра, что означало встречу с истинным Человеком.

Согласно истории Египта, лабиринт из Абидоса был, судя по всему, лишь очень малой частью огромного лабиринта, описанного Геродотом, который считал египетский лабиринт столь колоссальным, удивительным и невообразимым, что рядом с ним меркнет даже Великая Пирамида.

Сегодня мы уже не можем увидеть этот лабиринт, у нас есть только свидетельство Геродота. Долгие века за особенности изложения люди называли его отцом истории, Геродотом правдивым и давали еще много похожих имен, но, когда не все его описания подтвердились, мы, естественно, решили, что Геродот не всегда был уверен в своих словах. С другой стороны, современная наука подтвердила истинность стольких его описаний, что, наверное, стоит набраться терпения и подождать – вдруг археологи откроют лабиринт, о котором писал греческий историк.

Немало лабиринтов было и в готических соборах средних веков. Один из самых известных, изображения которого довольно распространены, – лабиринт, выложенный на каменном полу главного собора в Шартре. Он был создан не для того, чтобы кто-то в нем затерялся, но для того, чтобы по нему шли: это был своего рода путь инициации, путь свершения и путь достижений, который должен был преодолеть кандидат, ученик, тот, кто стремился быть принятым в Мистерии.

Действительно, потеряться в лабиринте Шартра крайне сложно: все его дороги исключительно символические, все повороты и перепоутья видны. Самое главное здесь – достичь центра, квадратного камня, на котором гвоздями обозначены различные созвездия. Для человека это аллегорически означает достичь Неба и стать в один ряд с божествами.

Похоже, что все подобные мифы древности и все символические лабиринты готических соборов отражают не столько историческую реальность, сколько психологическую. А психологическая реальность лабиринта жива и поныне. Если в древности говорили об инициатическом лабиринте как о пути, проходя который человек мог реализовать себя, сегодня мы должны говорить о лабиринте материальном и психологическом.

Увидеть материальный лабиринт нетрудно: окружающий нас мир, то, с чем мы сталкиваемся в жизни, то, как мы живем и как себя проявляем, – все это часть одного лабиринта. Сложность в другом: тот, кто попадал в критские парки и дворцы, даже не подозревал, что вошел в лабиринт; так и мы в нашей повседневной жизни не осознаем, что

находимся в лабиринте, который затягивает в себя человека.

С психологической точки зрения смятение Тесея, жаждавшего убить Минотавра, имеет ту же природу, что и смятение человека, который растерян и испуган.

Мы испуганы потому, что чего-то не знаем и не умеем; испуганы потому, что чего-то не понимаем и из-за этого чувствуем себя неуверенными. Наш страх обычно проявляется в том, что мы не можем выбрать, не знаем, куда идти, чему посвятить свою жизнь; он проявляется в вечной обыденности и посредственности, изнурительной и печальной: мы готовы на все, лишь бы не принимать решения и не проявлять хотя бы немного твердости.

Растерянность – еще одна болезнь, которая преследует нас в современном лабиринте на психологическом плане. Эта растерянность возникает оттого, что нам самим очень сложно решить, кто мы, откуда пришли и куда идем. Эти три вопроса – главная причина нашей растерянности, хотя они столь просты и бесхитростны, что кажутся нам детскими. Есть же какой-то смысл в нашей жизни, кроме постоянного пребывания в растерянности? Для чего мы работаем и ради чего учимся? Для чего мы живем и что такое счастье? К чему мы стремимся? Что такое страдание и как его распознать?

С психологической точки зрения мы по-прежнему блуждаем в лабиринте, и, хотя в нем нет чудовищ и узких коридорчиков, нас постоянно подстерегают ловушки.

И, конечно же, именно миф предлагает нам решение. Те сей не входит в лабиринт с пустыми руками, и было бы странно, если бы мы с пустыми руками искали выход из него. Тесей берет с собой два предмета: секиру (или меч – как вам больше нравится), чтобы убить чудовище, и веретено с нитками, свой клубок, чтобы найти путь обратно.

Попробуем расшифровать их символику.

Секира и меч всегда были символами воли. Как много преданий Средневековья говорят о мече в камне, извлечь который может только человек с сильной волей! Что же означает вытащить меч из камня? Это вертикальная воля, которую извлекают из горизонтальной по своей природе материи. А это значит, что один из главных видов оружия, который необходим нам, чтобы прорубить дорогу в лабиринте, – это Воля, сила воли.

Еще одно важнейшее оружие – это нить, гибкая нить, которая протягивается по всем проходам лабиринта, чтобы мы нашли дорогу назад. Нить означает постоянство; более того, она символизирует нашу память. Почему нам нужна нить в лабиринте? Потому что мы не можем запомнить, куда движемся, куда идем, с какими преградами сталкиваемся и где находится выход. И мы используем волшебную силу нити, которая укажет нам обратную дорогу. Это возможность не повторять, находясь в лабиринте, одни и те же ошибки, возможность узнать те места, которые мы прошли, двигаясь по пути нашей эволюции, и понять, какие дороги нам предстоит пройти и как мы должны пройти их.

Ариадна для греков – это душа, которая дает Тесею ответ, ключ, указывает ему выход, подсказывает решение именно в тот миг, когда он теряет всякую надежду. Она переживает за нас, она подсказывает нам решение в самый нужный момент – такова Ариадна, Душа, спасительница, которая всегда появляется вовремя, чтобы помочь нам справиться с задачей.

Минотавр – это буйство материи, которая втягивает в себя и поглощает все, что встречает на пути. Необходимо уничтожить эту буйно растущую материю прежде, чем она уничтожит Тесея, вошедшего в лабиринт.

Сегодня, осознав значение лабиринта и проникнув в него, подобно герою греческой мифологии, мы должны осознать необходимость найти из него выход. Тот, кто сделает это, разрушит лабиринт.

Но важно иметь в виду, что выход из лабиринта находится не вовне – он в самом центре, в самом сердце лабиринта. Не пройдет лабиринт тот, кто, войдя в него и видя темные закоулки и

перепутья, пугается и обращается в бегство; не пройдет его тот, кто убегает от центра, бесцельно блуждает в лабиринте или просто не решается войти. Мы должны действовать подобно Тесею: смело входить, продвигаться вперед, достигать самого центра. Выход из лабиринта именно в центре, а не где-то снаружи.

Мы должны обладать отвагой Тесея, чтобы встречать чудовищ лицом к лицу.

Конечно же, нам пришлось бы несладко, если бы мы встретили это доисторическое существо – полубыка, получеловека. Но у нас свои чудовища, которые нападают на нас и с которыми нам придется сражаться, если мы на это отважимся, – чудовища повседневности. Сомнения, предрассудки, злоба, страх, неуверенность живут в нас, даже не имея физического тела, и обладают таким же могуществом и влиянием, какое имел Минотавр с острова Крит. Мы должны научиться противостоять этим чудовищам, вооружившись Волей, Разумом и Памятью.

Древние говорят, что невозможно просто пройти лабиринт, и лучший способ передвижения по нему – это танец или шаги, которые описывают определенные фигуры: фигуры на поверхности, фигуры в пространстве, фигуры ритуальные и магические. В каком-то смысле по дороге жизни мы тоже должны продвигаться танцуя, определяя таким образом процесс эволюции.

Если мы добьемся того, что с каждым шагом будем перемещаться не только в горизонтальной плоскости лабиринта, но и подниматься на ступеньку выше, к более высокой цели, это будет означать, что мы уже совершаем загадочный танец Эволюции и что мы научились делать точные и ритмичные шаги – не когда и куда угодно, но действительно шаги по пути.

Всем нам еще предстоит поработать над тем, чтобы разбудить в себе Тесея, дать ему жизнь, вывести на свет. В каждом из нас существует второе начало, которое не рождается на свет физически, но в котором проявляется наш внутренний герой, вооруженный лучшим своим оружием, в лучших доспехах, обладающий силой и прекраснейшими достоинствами.

Конечно же, все мы разные, и не все одинаково смелые и отважные; более того, когда придет время проявить героизм, мы будем действовать по-разному. Кто-то станет героем в одной сфере, а кто-то – в другой. Одни посвятят себя учебе, наукам, искусству, религии, политике; другие все силы направят на размышления. Кто-то отдаст всего себя семье, любимым существам или же просто тому, чтобы сделать жизнь людей вокруг лучше.

Все это станет настоящим подвигом, если будет выражением нашей истинной, внутренней сути. Именно для этого мы выбрали в качестве примера греческого героя, который проник в лабиринт, убил чудовище и встретился со своей душой, которая помогла ему найти выход. Эта старая тема в очередной раз позволяет нам подтвердить одну истину: прошли годы, но цивилизация изменилась лишь внешне.

Задача пройти лабиринт и найти выход из него все еще стоит перед нами. Оружие Тесея может стать и нашим оружием, и герой, украшающий страницы легенд, живет в каждом из нас!

Лабиринт

Наталья Чуличкова, кандидат физико-математических наук

«Я видел его и нашел, что он выше всякого описания... Лабиринт превосходит самые пирамиды», – так говорит о египетском лабиринте Геродот, который во время своих путешествий застал лишь его развалины и имел возможность осмотреть только остатки наземных сооружений. Великий историк древности был поражен тем, что, даже разрушенный, лабиринт имел своих хранителей, которые как святая святых оберегали вход в подземную, сокровенную часть.

С какой бы легкостью мы ни употребляли в повседневности слово «лабиринт», говоря о путанице коридоров, улиц и дорог, думаю, вы согласитесь, что само это понятие и в наше рациональное время сохранило статус чего-то особо значимого, скрытого, важного для судьбы человека и его внутреннего мира.

Этот глубокий смысл уходит своими корнями в века и даже тысячелетия – лабиринт как древнейший универсальный символ охватывает кажущиеся порою далекими планы человека и его души, природы, небесных сил и законов.

* * *

Наиболее известны лабиринты, существовавшие в виде архитектурных сооружений, – египетский и критский.

О египетском лабиринте Геродот писал: «Переходы... и извилистые повороты... исполненные разнообразнейшего великолепия, представляли тысячи чудес...»

О том, каким был критский лабиринт, существует множество гипотез. По преданиям, создан он был легендарным афинским скульптором и архитектором Дедалом. Как свидетельствуют античные авторы Диодор и Плиний, он был построен по образцу египетского, «воспроизводя, однако, только сотую долю» его. По одной из версий, этим лабиринтом был дворец царя Миноса в Кноссе с огромным количеством помещений, ходов, тупиков. В пользу этой гипотезы свидетельствуют археологические находки, сделанные А. Эвансом в начале нашего века. Однако до сих пор не отбрасывается и версия о том, что лабиринт был построен внутри пещерного комплекса (на Крите и сейчас существуют разветвленные пещерные системы).

Итак, мы видим грандиозные сооружения, часто выстроенные из больших монолитных каменных плит. А. Ф. Лосев обращает внимание на то, что, хотя, судя по описаниям, их внешний вид разнообразен, «в любом случае у таких сооружений либо все, либо большая часть находится под землей, погружена в темноту».

* * *

Совершенно другой тип лабиринтов – так называемые каменные, следы которых обнаружены археологами в разных частях Северной Европы: в Скандинавии, на Кольском полуострове и на Британских островах. Хорошо сохранившиеся лабиринты найдены на побережье Белого моря. Кем и когда они были построены – большой вопрос. ореол легенд окружает тайну их возникновения, унося воображение в невероятно далекие времена. Археологи определяют их как мегалитические сооружения III–II тысячелетий до н. э. и предполагают, что время постройки Соловецких лабиринтов совпадает со временем возникновения других загадочных мегалитических сооружений, например Стоунхенджа.

Эти лабиринты не имеют подземной части, крыши и даже стен. Они представляют собой выкладки крупных камней-валунов, на первый взгляд напоминающие спираль или петли, уложенные замысловатым узором. К этому же типу лабиринтов относятся фигуры, выложенные из дерна либо составленные из земляных валов.

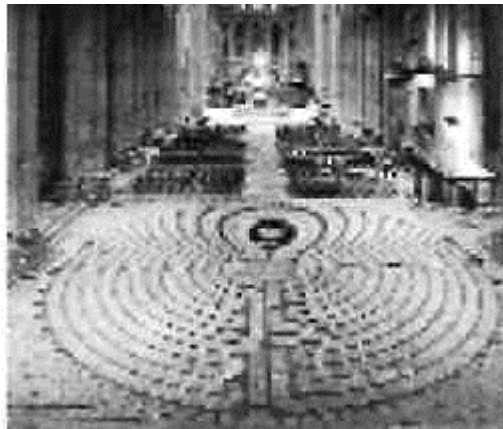
* * *

И еще – об изображениях лабиринтов. Они встречаются на территории Европы, Ближнего Востока, Индии, Китая, Центральной Америки и относятся к различным эпохам. На кносских и

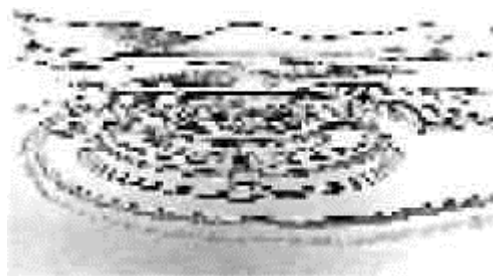
других монетах лабиринты имеют форму то квадрата, то круга, то спирали. Подобные орнаменты на древних керамических сосудах и даже античные меандры, украшающие храмы, дворцы и чернофигурные вазы, относят к лабиринтам-изображениям. В более поздние времена изображения лабиринтов встречаются в средневековых готических соборах (например, знаменитая мозаика на полу собора в Шартре).

Войти в лабиринт

Греческий миф рассказывает о невиданном чудовище, рожденном царицей Пасифаей от быка, посланного Посейдоном царю Крита Миносу, – Минотавре. Он никогда не показывается людям и живет под землей внутри лабиринта. Каждые девять лет Афины платят дань Миносу, отправляя в лабиринт самых прекрасных юношей и девушек. Они входят в него, пересекают страшный рубеж и уже никогда не возвращаются. Так повторяется вновь и вновь... пока не наступает момент, когда этот опаснейший путь навстречу чудовищу должен проделать Тесей. За плечами у сына царской дочери Эфры уже не один подвиг, он прославился как достойный наследник царской власти. Впереди его ждут самые дерзкие поступки. Сейчас же он должен войти в лабиринт...

Собор в Шартре.

Лабиринт в Аркаиме.

План города.

Каменные лабиринты в разных частях Северной Европы.

Минойская культура. Греция.

Фестский диск.

Вход в лабиринт был не просто дверью, он имел свое символическое значение. В каменных лабиринтах Европы, составленных из непрерывных круговых линий, вход всегда был четко обозначен и представлял собой хоть и небольшой по длине, но обязательно прямой, ориентированный точно на центр, коридор.

В традиции Египта момент входа в лабиринт означал, по сути, поворот в судьбе человека. Дело в том, что кроме знаменитого лабиринта, описанного Геродотом, существовали и многие другие, более скромные по размерам, но имеющие свое священное предназначение. Они принадлежали храмам, тщательно оберегались и, возможно, были разрушены жрецами в темные периоды истории Египта. Эти лабиринты играли роль особого испытания, которое необходимо было пройти человеку, и являлись одним из таинств египетских жрецов, связанных с посвящением в ученики. Это были испытания зрелости, стабильности, уравновешенности и внутренней устойчивости характера человека. Лабиринт являлся жизненно важным порогом, рубежом. У его входа человек слышал грозное предупреждение: «Подумай еще раз. Ты войдешь, и назад пути не будет», – а когда он пересекал эту условную границу, момент входа в лабиринт приобретал смысл символического первого шага, первого усилия и выбора.

Путь к центру

Каждый лабиринт, каким бы запутанным он ни представлялся, имеет еще одну важную часть, правильнее сказать – основную. Это сердце лабиринта, которое чаще всего располагалось в середине сооружения. И даже если это место смещалось, к примеру, в самую удаленную область, все равно оно имело статус центральной части.

Пройти лабиринт означало найти путь к центру. Что находилось в этом месте? В круговых лабиринтах здесь стоял большой камень, который считался священным. По преданиям лапландцев, в более поздние времена (по сравнению с тем загадочным периодом, когда создавались лабиринты, о котором мы практически ничего не знаем) у этого камня шаман совершал ритуальные действия, гадания, приношения духам. Центр лабиринта играл роль алтаря.

...Но давайте попробуем продолжить путь по лабиринту вместе с Тесеем. Он идет к центру, к Минотавру, навстречу опасности. На первый взгляд кажется, что мы говорим о совершенно несопоставимых принципах: в одной традиции центр лабиринта является алтарем, в другой – местом обитания страшного чудовища. Но здесь нет большого противоречия, и вот

почему. Лабиринт выступает как модель нашей собственной души, которая имеет внешнее и внутреннее пространство. Минотавр тоже является частью нашей души. Это внутренняя, скрытая от нас сила, которая таится в глубине, невидимая для окружающих, но представляющая разрушительное начало. В то же время в нас существуют и самые прекрасные, самые чистые состояния, но они словно находятся в плену. Чтобы освободить их, раскрыть, сделать способными к проявлению, необходимо сражение с Минотавром. Дойти до центра лабиринта означает встретиться со стихийными принципами самого себя.

Победа над Минотавром – особое действие, действие-церемония; к нему, как к священному центру, и лежит путь того, кто проходит лабиринт.

Нить в руках

Лабиринт – это испытание на подтверждение еще одного внутреннего качества человека – интуиции. Способность находить истинные ориентиры, точки опоры и делать правильный выбор – это особая грань души. Она как тончайшая, неуловимая нить, которую трудно почувствовать или увидеть. Но без нее все шаги превращаются в случайное, беспорядочное блуждание. Интуиция восходит к величайшим принципам любви, той высокой любви, которой в Древней Греции покровительствовала прекрасная Афродита Урания. Если несмотря на темноту, несмотря на то, что жизненный путь запутан и полон ловушек, мы почувствовали, что связующая нить существует, – мы способны видеть, слышать и действовать. Образ Тесея с нитью Ариадны в руках напоминает о том, что в кульминационные, поворотные моменты жизни нельзя рассчитывать только на собственную смелость, собственные «мышцы» и упорство, необходимы еще и тончайшие узы, дарующие память о высшем, ведущие к свету.

Солнечная символика лабиринта

Каждый вечер солнце опускается за линию горизонта. В это время, ночью, мы спокойно спим, отдыхаем. Однако почему-то ни одна древняя традиция не оставляла без внимания такое «будничное» явление, как уход светила с небосклона. Путешествие Солнца в подземный мир никогда не представлялось просто прогулкой, соответствующей нашему ночному отдыху. Оно рассматривалось как прохождение через царство темноты, в котором Солнце вступало в битву с силами тьмы, чтобы, победив, вернуться на небо и вновь нести свет и радость. К примеру, шумерский герой Гильгамеш, отправляясь в подземный мир, проделывает путь бога Солнца Шамаша и проходит через 12 поприщ.

Такому же опусканию в темный мир соответствуют этапы другого всеобщего ритма – сезонные изменения в движении солнца, благодаря которым наступает момент самой длинной и самой темной в году ночи. Традиции говорят, что Солнце опускается под землю, проходит через лабиринт, через испытания, борьбу с силами тьмы, через смерть и, вновь рожденное, непобедимое (*Sol Invictus*), появляется на небе.

Преодоление лабиринта – это не только испытания, сражения и поиск пути. Прохождение через лабиринт – это обновление, преображение, новое рождение.

Лабиринт и духи природы

И кельтская, и скандинавская, и финно-угорская мифологии, при всей несхожести и яркости каждой из этих традиций, населяют окружающую природу параллельными мирами. Здесь живут и маленький народец со своими феями, гномами, карликами, и огромные

великаны. По некоторым легендам, каменные лабиринты, как, впрочем, и многие другие мегалитические сооружения, были созданы их руками. И сегодня лабиринты здесь иногда называют «дорогами великанов».

Лапландские предания рассказывают, что когда-то давным-давно маленький народ, живший на территории Финляндии и Кольского полуострова, вынужден был уйти под землю. Лабиринты же представляют собой не что иное, как волшебный проход, через который можно попасть в их мир, полный драгоценных камней и сокровищ.

Другие северные легенды говорят о прекрасных танцах, в которых кружатся в лабиринтах феи... На севере до сих пор сохранилось еще одно название лабиринтов – «девичьи пляски». Сохранились и поверья, рассказывающие, что тот, кто проходил лабиринт во время такого праздника, получал особое покровительство и защиту этих сказочных существ.

Танец

На весеннем пригорке девушки, взявшись за руки, под звуки ритмичного напева плетут замысловатое кружево хоровода. Они расцепляют круги и медленно закручивают их в спирали... Такие образы откликаются в душе ощущением исконности и глубокого смысла, хотя за давностью лет первоначальный смысл этих обрядовых танцев уже утерян.

О том, что танец впитал в себя символику лабиринта, говорят многие современные исследователи. По предположениям археолога А. Кука, лабиринт в Кносском дворце на Крите служил также площадкой для танцев. Кук ссылается на описания лабиринтного танца под названием «Журавль» у Плутарха и упоминание Вергилия об обрядовых играх, называемых «Троя», обязательным элементом которых были запутанные танцевальные движения.

Возможно, такого рода действие нельзя назвать танцем в нашем понимании этого слова. В нем сливались воедино и отточенные временем движения, и музыка, и, может быть, даже голос. И в то же время такой древний танец, независимо от того, являлся ли он элементом торжественного обряда или был частью театрального представления, не просто выражал красоту движения, жеста, ритма. Он отражал модели – модели творения, модели всеобщих законов. Участник танца повторял те же движения, которые совершает и человек, идущий через лабиринт. Поэтому танец передавал весь комплекс символики лабиринта: и испытания, и преодоление препятствий, и движение к центру и т. д.

Город

Некоторые черты лабиринта присутствуют и в строении древних поселений. Сравнительно недавно открытая археологами на Южном Урале «страна городов» несет в себе следы далекой культуры, возможно, относящиеся к периоду больших переселений индоевропейцев. Один из оставшихся от нее городов – Аркаим.

Реконструкция Аркаима, осуществленная Г. Здановичем, предполагает, что город состоял из двух частей, вложенных одна в другую. Внутренняя, центральная, часть являлась изолированной цитаделью, и пройти в нее можно было только по специальному коридору или галерее, похожей на лабиринт.

Переход в другой мир

Почему изображение лабиринта, состоящее из многих витков, часто напоминает спираль? Рассматривая узор на вазе, не ловим ли мы себя иногда на ощущении, что, мысленно повторяя

это ритмичное и все ускоряющееся движение, мы соприкасаемся с самой необъяснимой тайной лабиринта? Пространство и время – две важнейшие характеристики нашей жизни, это своего рода система координат, которая определяет тот мир, в котором мы живем, и одновременно фиксирует его ограничения. Границы, за которые мы не можем проникнуть, – это и естественные пределы привычного образа жизни, и ограничения нашего эгоцентризма (парадоксально, но именно эти «эфимерные» границы перейти труднее всего), и границы совсем другого масштаба – порог жизни и смерти, прошлого, настоящего и будущего.

Язык мифов говорит нам, что древние понимали землю, природу и космос гораздо шире, чем мы способны увидеть это в рамках привычного пространства-времени. Лабиринт был символом движения, преодолевающего границы «нашего» мира, которое обязательно подразумевало своего рода победу над временем, победу над обычным материальным и победу над смертью.

...Белое море. Один из островов Соловецкого архипелага, Большой Заяцкий, несмотря на свое название, очень невелик, и, когда поднимаешься на невысокий холм, появляется ощущение, что ты, окруженный только водами и небом, как будто становишься ближе к небу. А под ногами – те самые камни, оплетенные вереском, покрытые вековыми лишайниками, камни из далеких, неизвестных нам тысячелетий.

Гигантский каменный комплекс. Несколько лабиринтов, расположенные на пологих склонах удлинённого холма, будто специально построены так, что их очень хорошо видно с моря. А на вершине холма – какие-то фантастические фигуры из каменных россыпей и множества пирамидок, сложенных из таких же валунов. Не удивительно, что первоначальные попытки объяснить предназначение лабиринтов были связаны с гипотезой о некрополе. Одним из первых русских исследователей лабиринтов был археолог Н. Н. Виноградов. В 20-е годы нашего века, будучи заключенным в Соловецких лагерях, он сделал обмеры и зарисовки всех найденных им сооружений и выдвинул предположение, что лабиринты оставлены древнейшим народом и связаны с потусторонним загробным миром, миром мертвых. По спирали, приближаясь к центру и делая все новые и новые повороты, должны были проходить души умерших...

Эти предположения находили сторонников, однако появлялись и новые гипотезы. Если лабиринты и имели отношение к миру «иному», то это понимание другого мира включало в себя все многообразие жизни, природы, прошлого и будущего, и прохождение лабиринта было подтверждением способности преодолевать ограничения любого рода, и пространства, и времени.

Лабиринты не спешат открывать нам свой исконный смысл. Однако, прислушиваясь к неуловимым голосам тысячелетних камней, ощущаешь, что та не осознанная до конца суть лабиринтов была для человека сильным зовом, который вдохновлял отправляться в опасную дорогу через холодные воды беспокойного северного моря к далеким островам.

Покидая лабиринт

Теперь, когда мы уже совершили путешествие по разным континентам, когда можем представить себе, что означало пройти через лабиринт, обратимся к значению этого слова.

«Лабиринт» (*Labris*) дословно означает «местопребывание Лабриса». Лабрис – древнейший символ, означавший верховное божество. Впервые это предположение высказал М. Майер в 1892 г. Лабрис имел форму двойного топора, или секиры. А. Ф. Лосев считает несомненным, что именно лабиринт был главным жилищем Зевса-Лабриса: «Самый Минотавр, получеловек, полу-бык, единственный обитатель лабиринта, и есть Зевс или какая-то его

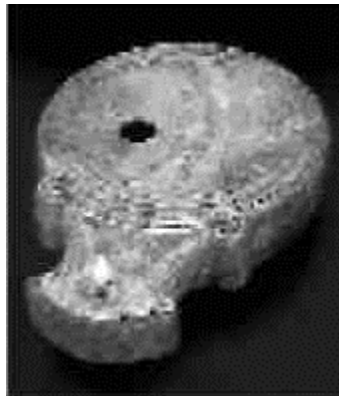
ипостась».

Символ двойного топора существовал несколько тысячелетий и был распространен столь же широко, как крест в более поздние времена. Он был известен по всей Малой Азии и берегам Эгейского моря. Он обозначает универсальную силу, охватывающую мир в целом, одновременно объединяющую и разделяющую. Два его лезвия обращены в противоположные стороны – он и орудие борьбы, и орудие созидания.

Лабрис в руках героя – это, по сути, главный символ лабиринта. Герой направляет его на преобразование внешнего мира, и с такой же силой – на преобразование собственной души. Тот, кто выходит из лабиринта, выходит обновленным.

Лабиринт – это хаос для тех, кто теряет путь, и космос для тех, кто способен его найти.

Лампадка Анна Кривошеина

В Египте, в одной из древних гробниц, были найдены стран ные лампадки – из белого алебаstra, дымчатые, непрозрачные, гармоничные, но довольно обыкновенные, с вырезанными на внутренней стороне иероглифами, которые не были видны снаружи. Но когда в них зажгли огонь – лампадки преобразились. Они стали прозрачными и хрустально чистыми, символы и знаки проявились на них. Лишь с огнем лампадки открылись во всей своей красоте...

Каменные, железные, но чаще глиняные лампадки сопровождают нас тысячи лет. Такие же разные, как мы, с едва заметной асимметрией форм, с чуть видимым нарушением равновесия, создающими ощущение внутреннего движения, они напоминают живых существ. Лампадки удивляются, вглядываются в тебя, хмурятся, улыбаются, чего-то ждут. Маленький глиняный сосуд, сделанный руками и похожий на ладонь-чашу, – он служит нуждам человека и в то же время хранит великое таинство жизни, помогает открыть человеку – Человека.

Египетские, аккадские, китайские, индоевропейские мифы рассказывают, что боги-демиурги создали людей из глины, из земли. (Отсюда связь между латинским *homo* – «человек» и *humus* – «земля»; с землей связано и имя Адама: еврейское «*Адамах*» – «краснозем».) Но природа человека двойственна, ведь боги соединили с землей божественное начало – дали свою кровь, часть своего сердца или дыхание. Созданный из глины, «праха земного» человек несет в себе божество – бессмертную душу, всевидящую и все знающую. Лампадка, сочетание земли и огня, – символ Человека, его сущности, назначения, цели.

Слепая глина, без огня, подобно Голему, способна приносить лишь разрушение. Великое

таинство – в одной точке, в светящемся фокусе, который находится в сердце человека и освещает и направляет его жизнь.

Суфийские, китайские, индийские притчи говорят, что эта светящаяся точка – знание закона Неба, божественного закона, руководящего жизнью Вселенной и жизнью людей. И если жизнь кажется бессмысленной и сложной, это происходит не потому, что она такая сама по себе, а потому, что человек живет вслепую: он мечется, действует, выбирает, не зная, что по-настоящему важно и зачем он родился. Однако человек может снова зажечь в своем сердце некогда подаренный ему огонь – огонь, который дает возможность увидеть все в истинном свете, и, подобно египетской лампадке, засиять необыкновенной внутренней красотой. Лепить лампадку означает побеждать стихийность материи, преобразуя бесформенный ком глины в сосуд, несущий огонь.

В истории человечества сохранились воспоминания о неугасимых светильниках. В относящихся к разным эпохам гробницах и храмах Греции, Египта, Англии, Италии находили светильники, горевшие тысячи лет. Как такое возможно, никто не знает до сих пор. Однако вечно горящие светильники стали символом мудрости, хранящейся из века в век. Согласно легендам, огонь знания был некогда подарен человеку из любви и сострадания, и с тех пор существуют те, кто оберегают и передают его дальше. Выражая свое особое почтение и уважение к хранителям огня мудрости, в определенные праздники люди зажигают лампы. Так, в середине декабря в Тибете, Монголии, Бурятии, Калмыкии зажигают множество светильников в знак благодарности учителю Цзонкапе и всем Далай-ламам; с Праздника огней начинается Новый год и в Индии. В темноте ночи один за другим загораются тысячи огоньков, вселяя в каждого человека уверенность, что он не одинок и не потеряется в темноте.

Лебеди Светлана Обухова

С давних времен среди северных народов, особенно исландцев и норвежцев, живет такое поверье. Если в морозную звездную ночь выйти на морской берег и там долго вслушиваться в тишину, то можно расслышать приятный звон множества серебряных колокольчиков. Или высокий голос скрипки. Это поют лебеди: поет всегда один, потом другой, как если бы они отвечали друг другу...

О лебедином пении сохранились предания у многих народов.

Древние греки, которым оно напоминало звучание флейты и арфы, почитали лебедей как священных птиц бога Аполлона, покровителя поэзии и песнопений, поэтического вдохновения

и мусического творчества. И если чей-то пленительный голос трогал сердце греков, если их воодушевлял и облагораживал новый гимн – они сравнивали поэта или певца с лебедем. А сами поэты просили у своего божественного покровителя и учителя владыки Аполлона лебединых крыльев, чтобы подниматься в небо за новыми песнями, «особенными, вихревыми, снежными» (Аристофан).

Как чудный голос лебедя, звучала для греков и красивая речь – даром слова человека тоже наделял Аполлон, «отец речей».

К мусическим искусствам относилась и философия, любовь к мудрости – «прекраснейшей и величайшей согласованности», и потому с аполлоновыми лебедями чувствовали свою связь философы. Лебеди часто появляются в преданиях о мудрецах. Под серебристые голоса этих прекрасных птиц, хлопанье их белоснежных крыльев появился на свет философ-пифагореец Аполлоний Тиан-ский: незадолго до родов его мать задремала на лугу, неожиданно к ней слетелись лебеди, окружили хороводом и все вместе согласно запели.

Если «в воздухе лебедь залился напевом» (Каллимах), значит, «бог недалече», значит, близок миг появления лучезарного Аполлона... В Гиперборее, его любимой стране, в час священных церемоний с Рипейских гор слетаются тучи лебедей, облетают храм Аполлона, словно очищая его своим полетом, а потом, когда певцы начинают славить бога, сладкозвучные лебединые голоса сливаются с голосами людей. Люди и птицы вместе воспевают владыку Феба. И нет действия прекраснее и величественнее.

Но почему же никто не слышал поющего лебедя? Как не слышал никто и дивного голоса другой священной птицы Аполлона – феникса, с чьим пением не сравнится ни соловьиная трель, ни флейта, ни лира, ни даже лебединая песня?..

Наверное, другие слишком громкие голоса заглушают их...

Уши у большинства людей, говорит Плутарх, заполнены земными звуками, «залеплены и замкнуты – не воском, а плотскими преградами и переживаниями» и потому не могут уловить звуков божественного мира. Ведь те слышны только в тишине, когда душа, очистившись, сосредоточившись на том, что вечно, обретает способность слышать молчание, «которое есть род речи»... Наверное, античные мудрецы, среди них Сократ и Платон, слышали лебедей внутренним слухом, так же как другой сын Аполлона – Пифагор слышал музыку сфер... Не о том ли говорит и древний афоризм: «Тогда лебеди запоют, когда галки умолкнут»? И кто знает, может быть, если мы утихомирим своих «галок» – свои слишком уж приземленные ощущения и чувства, может, зазвучат тогда в нашей душе серебристые лебединые голоса, наполнят ее красотой и гармонией. И старинная легенда станет нашим настоящим...

Литература

Л. Селиванова. Аполлоновы лебеди // es-dejavu.ru.

Мельница Анна Кривошеина

*Из пушинки лебединой,
Из кусочка веретенца,
И из молока коровы,
И из ячменя крупинки...*
Эпос «Калевала»

Из этих предметов выковал божественный кузнец Ильмаринен чудесную мельницу Сампо в Стране Севера, таинственной Похьеле (корова, лебедь, зерно и веретено – важные символы, встречающиеся во многих мифах о сотворении). Мельница Сампо выросла своими корнями в гору, подобную мировым горам всех культур, и являлась источником неизмеримого богатства – именно поэтому герои похитили ее для мира людей. По дороге она разбилась, и благодаря ей появились пашни и посевы, а ее пестрая крыша превратилась в небосвод со звездами.

Образ космической мельницы подобен образу мирового дерева, соединяющего все мироздание в единое целое. Как кружение крыльев большой мельницы воспринималось кружение звезд вокруг Небесного северного полюса, связанного с центром Земли хрустальной прозрачной пуповиной – Осью мира (мировым деревом). В средневековых трудах встречается важное понятие «скрытого полюса», вокруг которого вращается решительно все (это сближает символ мельницы и мандалу).

Мельница – соединение вечного (круг) и временного, земного (четыреугольное «тело» мельницы), и только в их совместной работе рождается хлеб, необходимый для жизни. Скандинавский эпос «Старшая Эдда» говорит о *vox molae* – «звуке жерновов», который издает небесная зернотерка сестер-великанш Феньи и Меньи, а Млечный путь становился для многих народов зримым свидетельством неутомимой деятельности небесной мельницы.

Жернова великой мельницы никогда не останавливаются, и это вечное вращение символизирует бессмертие. Взлетающие и опускающиеся крылья ветряной мельницы, согласно средневековым толкованиям, говорят о нисхождении Бога к человеку и о взлете человека к Богу, о падении и возрождении, о циклической смене времен, мировых эпох.

*Она обмолачивает вас, чтобы обнажить,
Она просеивает вас, чтобы освободить от шелухи,
Она размалывает вас до белизны...*

Халиль Джебран «Пророк. О любви»

Символ мельницы связан с представлением о справедливой судьбе, которая проводит человека через все испытания, чтобы он вернулся к своему истинному «Я», чистому и возвышенному. В средневековой алхимии использовалось понятие круговращения: «...через круговращение оно возвращается обратно к высочайшей и чистейшей простоте, Монаде». В христианской символике Иисус – святой, чистый хлеб.

Мельница перемалывает миллионы отдельных зерен, освобождая их от шелухи, в муку будущего хлеба – этот образ тоже использовался для передачи важного метафизического закона: из «огромного и нечистого Единого грядет сверхчистое и утонченное

Единое» – суть вечного движения мира (немецкий алхимик, последователь Парацельса Генрих Кунрат). Это отразилось в обычае преломлять хлеб на праздниках – то есть осознавать и принимать общую судьбу, общую долю.

«Посмотри, друг Санчо: вон там виднеются тридцать чудовищных великанов, я намерен вступить с ними в бой и перебить их всех до единого... Это война справедливая: стереть дурное семя с лица земли значит верой и правдой послужить Богу».

Мигель Сервантес «Дон Кихот»

Сражение с мельницами – символ сражения с собственными страхами, которые искажают действительность и мешают жить настоящей жизнью. Сальвадор Дали, изображая на одной из своих картин мельницу, говорил, что это великаны – недостатки, отрицательные качества, – которые живут в нем и которые необходимо победить. Философ Хорхе Анхель Ливрага писал, что Сервантес в своем «Дон Кихоте» в символической форме дал замечательный совет, каким образом можно сделать это: «Великаны, когда ты осмелишься напасть на них, всегда превращаются в простые ветряные мельницы».

Символика мельницы проста и сложна, она касается бытия в целом – и отдельных событий жизни человека. Появление мельницы на картинах или в книгах часто остается незамеченным, однако всегда дает сюжету особый смысл. Так, на картине Брейгеля «Несение креста» на первом плане изображен Христос, поднимающийся на Голгофу и падающий под тяжестью креста; его окружают палачи и толпа зевак – и где-то далеко виднеется скала с ветряной мельницей: в вечном круговороте бытия перемелется все суетное и мелкое, а важное, значительное будет повторяться до конца веков. И на долгий-долгий путь «просеивания от шелухи до чистого хлеба божьего» обрекает себя своими действиями обезумевшая толпа, скованная страхами-великанами...

Быть может, нам стоит еще раз взглянуться в картины Босха и Брейгеля, вчитаться в книги Данте и Унамуно, Сервантеса, ирландские и скандинавские сказания и многие-многие другие, в которых, казалось бы, незначительной деталью появляется мельница, – чтобы не пройти ми мо чего-то главного...

Меч

Анна Кривошеина

Это один из универсальных и очень древних символов человечества. И легендарные, и реальные мечи глубоко почитались во все времена.

В буддизме меч, *Adi*, является эмблемой мудрости и пронизательности. Находящийся в руках божества, он отсекает все сомнения и страхи, расчищая путь к познанию истины. В даосизме символизирует победу над злом; согласно легенде, один из Восьми Бессмертных пересек всю землю и с помощью волшебного меча покорил силы тьмы.

В Японии меч, выкованный, по преданию, из хвоста восьмиголового дракона, считается одним из Трех Великих Сокровищ императора. У китайцев это символ озарения, проникающего в глубинную суть явлений. Обоюдоострый меч – напоминание о двойственности мира: творение и разрушение, свет и тьма, жизнь и смерть – все эти силы, казалось бы, противодействуют одна другой, но на самом деле дополняют друг друга и являются одним целым. В рыцарских кодексах Запада и Востока меч – знак силы, королевского достоинства, защиты, мужества, бдительности. Важный символ власти, правосудия, высшей справедливости, всепроникающего разума, света и неприкосновенности святынь.

При изготовлении этого грозного оружия мастера применяли хранившиеся в строгом секрете знания, благодаря чему мечи приобретали сверхъестественные свойства, становились одушевленными существами. Кузнец, причастный тайнам земли и «хозяин Огня», своим искусством ускорял совершенствование металлов, медленно созревающих в ее чреве; и на огне свершалось таинство превращения железа в закаленный клинок. Воин же своими действиями зажигал магический огонь в своем теле, и эта тесная связь с огнем сближала воина и меч.

Встреча воина и меча не была случайной. Никогда священное оружие не отдавало себя в недостойные, нечистые руки. Дюрандаль Роланда, Жуаз Карла Великого, Экскалибур легендарного короля Артура, Хрутинг, Атвейг – ни разу не подвели они воинов, шедших навстречу опасности. На таком оружии клялись. Таким оружием вершили суд божий. Западноевропейские рыцари накануне сражения втыкали в землю свои мечи с крестообразными рукоятками и в молитве преклоняли перед ними колена. В средние века в рукоять меча часто вкладывали священные реликвии. Воин, присягнувший на подобной святыне и нарушивший данное слово, был уже не просто клятвопреступником – он совершал святотатство.

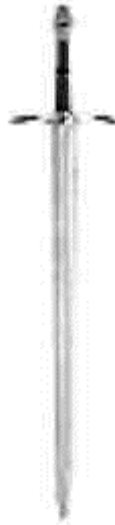
Меч – это символ незамедлительного воплощения слов и мыслей в действие. Получая право носить меч, рыцарь брал на себя обязанность всегда следовать своему долгу. Меч – это душа воина. Умение прежде отдавать, чем брать, оказывать помощь прежде, чем просить ее, умение не отступать перед трудностями, а первому преодолеть их.

Мечи всегда служили великим и справедливым делам. Если же воин нарушал законы чести, его магический огонь гас, связь между ним и мечом разрывалась, и оружие покидало рыцаря, обрекая на чуждую его предназначению жизнь или «смерть без всякой славы». Однако обычно эта связь была крепка, и меч никогда, ни днем, ни ночью, с юности до конца жизни, не покидал воина, о котором тогда с почтением говорили: «Не напрасно он носит свой меч».

Меч Илья Молоствов

*Она за все, что есть святого,
Велит сражаться до конца,
Велит сжимать в руке суровый
Меч рыцаря, к боям готовый,
И арфу звучную певца.*

В. Гюго

Нет мальчишки, который в детстве не играл бы с мечом, не представлял бы себя рыцарем, отважным героем, защищающим Прекрасную Даму, не боролся бы с драконом, не побеждал бы в битвах. Мальчишки вырастают, превращаются во взрослых мужчин, которые гораздо чаще думают о том, как заработать больше денег, чем о драконах и рыцарях. Но все равно где-то в глубине души живут мечты о подвигах и победах, а при виде средневекового меча сжимается сердце. Почему?.. Что-то есть в этом предмете, что делает его больше чем просто оружием.

...Когда-то, в незапамятные времена, когда жили на земле рыцари и дамы, принцы и принцессы, короли и добрые волшебники, в далекой Британии правил великий король Артур. И так случилось, что в одной из битв сломался его меч. Рыцарь не может без меча. И вот друг и наставник короля маг Мерлин повел Артура в лес, чтобы найти меч, дающий силу и неуязвимость. Они долго блуждали по лесу, пока, наконец, не подошли к чудесному озеру. В озере этом хранился волшебный меч Экскалибур, и по просьбе Мерлина Владычица озера передала его королю Артуру. Но чтобы владеть этим мечом, требовалось два условия. Первое: меч пред назначался только для борьбы со злом во имя добра. Он не мог использоваться для насилия и разрушения. Второе условие: король никому не мог передать этот меч, а перед смертью должен был вернуть обратно Владычице озера.

Король Артур прожил долгую жизнь, полную битв и великих подвигов, и меч помогал ему во всем. Король действительно был неуязвим в битвах. Но в последнем сражении стал сомневаться король в чудесном действии меча и был смертельно ранен. Перед смертью он попросил своего верного рыцаря бросить меч в озеро. Так и исчез Экскалибур, и никогда больше не появлялся он в мире. Но предания говорят, что этот меч вернется тогда же, когда вернуться на землю рыцари.

Что означает эта легенда? Возможно, это просто красивая сказка, но может быть, в ней, как и в каждой легенде, есть тайный, сокровенный смысл. Прежде всего, меч – это продолжение воли его владельца. Меч предназначен для действия и символизирует единство между помыслом и поступком. Воину в битве некогда думать и рассуждать, он должен сражаться, иначе сам будет убит. Мысль мгновенно становится действием, и эту неразрывную связь символизирует меч. У древних кельтов тот, кто готовился стать друидом, мог носить меч только начиная со второй ступени обучения. Это означало, что ему разрешено действовать.

Но почему в легенде меч приходит и уходит будто бы сам, выбирая свою судьбу и своего

владельца? Можно предположить, что меч символизирует определенные силы, которые даются человеку для выполнения его миссии, как великая помощь Судьбы. Королю не следует впасть в тщеславие и считать эти силы своими. Меч приходит для выполнения определенной задачи и уходит, когда миссия завершена. Меч является проводником воли короля, но в то же время король является проводником Воли Божьей.

В восточных традициях меч, стоящий вертикально, символизировал ось мира, указывая на связь человека с Небом и звездами, напоминая о его истинном небесном происхождении. В русской традиции меч-кладенец, самосек – чудесное оружие, обеспечивающее победу над врагами. Герою дополнительно к его возможностям дается волшебная сила как благословение на совершение подвига. В сказании о Вавилоне-граде меч-самосек носит название «Аспид-змея» и в определенные моменты превращается в змея. Змей в разных традициях, как правило, является символом воли и мудрости.

В сказках распространен мотив поиска меча, скрытого в земле, замурованного в стене. У алхимиков меч означал очищающий огонь, который убивает и воскрешает к жизни. В средневековой Европе меч символизировал силу, защиту, власть, мужество и бдительность. Меч разделяет душу и тело, Небо и землю. В христианской традиции пламенеющий меч отделяет человека от рая. У буддистов меч означает пронизательность, которая под корень срубает невежество...

Как говорят легенды, великие мечи, как и великие короли, вернуться на землю тогда, когда будут более всего необходимы. Потому что во всех традициях меч символизирует еще и борьбу. Борьбу каждого человека за все, что для него свято, за то, во что он верит, и за тех, кого любит.

Молоко **Екатерина Старова**

Молоко – горячее, вкусное, ароматное, знакомое всем нам с детства – во многих культурах является символом изобилия. Откройте, например, индийские Веды или Ветхий завет: в Земле обетованной, как сказано в нем, «течет молоко и мед» – так она богата.

Молоко означает также семейные, кровные узы и материнство. Являясь пищей для новорожденных, оно было символом инициации и возрождения в древнегреческих орфических обрядах, в митраизме, исламе и раннем христианстве. Образ кормящей Богородицы в иконографии воплощает идею Спасения: ее молоко знаменует священную благодать и будущую крестную жертву Христа.

В древних культурах были распространены молочные подношения богам. В Греции, например, молоко, вода и мед приносились в дар музам.

Как рассказывает античный миф, новорожденный Геракл, которого божественная супруга Зевса Гера кормила своим молоком, так сильно сосал ее грудь, что она не смогла вытерпеть боли и оттолкнула от себя младенца. Молоко богини пролилось, побежало по небесному куполу, и возник Млечный путь.

Молоко считалось священным напитком и в Древнем Египте – его использовали в ритуалах, посвященных Осирису. В более широком смысле оно представляло напиток познания или духовную пищу. Нередко фараон изображался пьющим молоко из вымени небесной коровы или сидящим на коленях у богини Исиды, которая кормит его грудью, – подобные сюжеты символизировали получение правителем божественной власти.

Шумерам молоко говорило о плодородии и достатке. В мифе о сватовстве к богине Инанне сказано, что тело ее жениха, божественного пастуха Думузи, было «белее овечьего

молока, и сливки капали с его рук»; в дар ей он принес свежие сливки и молоко. А в гимнах, воспевающих царей и правителей, все время подчеркивается, что они вскормлены чистым молоком богини-матери Нинхурсаг.

Обыкновенное молоко или пища богов, эликсир жизни, символ возрождения, бессмертия, доброты, заботы, сочувствия, изобилия и плодородия – выбирайте, что вам больше по вкусу!

Мост *Анна Кривошеина*

Некогда Небо и Земля были едины. Но однажды, говорят легенды, между ними, навсегда их разделив, легли пропасти и воды. И все же остался путь, связывающий мир земной и мир небесный, символами которых стали два берега. Путь этот узкий и опасный, но единственно возможный – по мосту. Подобно мировому дереву, лестнице, космической оси, мост соединяет разные состояния бытия. Берег, от которого мост начинается, – это наш мир, другой берег – мир изначальный, мир истинной реальности, область бессмертия.

Мост – символ перехода из мира живых в иной мир. После смерти, рассказывают скандинавские мифы, все души пройдут по этому мосту. Кому-то дорога лежит в обиталище Хель, в подземный мир; кому-то – по радуге в страну богов Асгард, в Вальхаллу. Но по этому мосту могут пройти и живые: многие великие герои древних сказаний проходили по нему в поисках бессмертия.

Герой финского эпоса «Калевала» Вяйнемейнен, чтобы попасть в потусторонний мир, должен был перейти через мост из мечей и ножей. Легендарный китайский царь Му, путешествуя к царице Запада, перебирался с одного берега реки на другой по мосту из рыб и черепах. На пути мифологических героев всегда ждали препятствия, испытания, встречи с хранителями порогов – границ в другой мир. Именно поэтому появился обычай взимать плату за переход по мосту, оформлять вход в это особое пространство арками, рассказывать об испытаниях, используя знаки, эмблемы, скульптуру, – такая традиция существовала и в Древнем Риме, и в Китае, в Европе и в Америке. На «калиновом мосту» русские богатыри вступали в единоборство со змеем. Под тонким, как волос, мостом путника, потерявшего равновесие, ждали чудовища. По мосту – лезвию меча шел, испытывая муки и страдания, Ланселот к месту заточения Гвиневеры.

Смысл опасного перехода – в восстановлении связи между Небом и Землей. В испытаниях герои обретают мудрость, осознавая великое единство, стоящее за противоположностями проявленного мира (именно поэтому в легендах и мифах часто появляется символ-парадокс, предполагающий преодоление ограниченности рационального ума: игольное ушко, тропа-волос, проход между жерновами и т. д.). Вернувшись из своего путешествия, герои

восстанавливают на земле истинные и справедливые законы, возвращая миру утраченную целостность, а людям – надежду и смысл жизни. Верховные правители и жрецы Рима носили титул «понтифик», то есть «строитель мостов».

Проход по мосту подобен проходу сквозь Время. Река дней, река времени течет не останавливаясь, унося с собой все и вся. И только стоящий на мосту оказывается в вечном настоящем, глядя на отражения в потоке.

Река времени уносит любимых, и все же влюбленные встречаются на мостах или проходят под радугой, взявшись за руки, зная, что встречи на земле лишь продолжение встреч на звездных мостах.

Сегодня осталось мало древних мостов. Иногда их разрушало время, иногда – стихии, чаще всего – сами люди, не ремонтируя и не обновляя их вовремя. Теперь больше говорят о стенах, которые разделяют, а не о мостах. И все же, наверное, каждый из нас когда-нибудь замирал, глядя на мост, освещенный огоньками фонарей. Может быть, это воспоминание поможет душе жить в мире, где появляется все больше стен.

Папоротник **Анна Кривошеина**

Раз в год, на Ивана Купалу, в самую короткую ночь, в глухом лесу, под березой с тремя стволами от одного корня, зацветает папоротник. Горит его цветок, как огонь. Найдешь его – в любом деле удача будет.

Но ведь папоротники, реликтовые растения, живущие на Земле со времен динозавров, никогда не цветут – это всем хорошо известно! О каком же таинстве жизни говорит эта легенда, что существует не одну тысячу лет?

Июнь – время расцвета, кульминации жизни: никогда больше не увидишь такой яркости красок, такой неги и такого радостного буйства. Все готовится к одному из важнейших моментов в жизни природы и человека – летнему солнцевороту.

Чередование дня и ночи, света и тьмы имело очень большое значение для всех древних народов: в нем проявлялась основополагающая двойственность мира, у которой было множество выражений. Само время состоит из постоянного чередования противоположностей: жизни и смерти, тепла и холода. Как сутки делятся на две половины, так и год делится на лето и зиму. И на границе двух периодов всегда проявляется таинственная сила, одновременно несущая и добро, и зло. А потому точки поворота года традиционно считались и опасными, и дающими новые надежды.

С днем летнего солнцестояния связан важнейший славянский праздник Ивана Купалы. Это водораздел года, с которого начинается его вторая половина, идущая к зиме.

В ночь на 24 июня люди не спали – уходили на ритуальные холмы или на поляны у рек, жгли костры, пели, водили хороводы и ручейки. И только те, «кто чист душой», могли после полуночи идти искать папороть-цвет (жар-цвет).

Как говорит легенда, бог Солнца Ярило, благодетель людей, каждый год в купальскую ночь посылает на землю огонь, который разгорается в цветке папоротника, что стережет жар-птица. Человек, нашедший и сорвавший ярко-красный, распускающийся лишь на мгновение «царь-огонь», обретает магические знания и умения: все незримое открывается ему отныне, он получает способность видеть тайные клады, понимать язык всякого дерева и травы, речь зверей и домашних животных и сам может становиться невидимым. Папоротник на Руси часто называли разрыв-травой и верили, что одного прикосновения его цветка достаточно, чтобы открыть любой замок, разорвать любые путы, снять железные кандалы.

Много красивых легенд и историй связано с папоротником, но все они рассказывают об одном прекрасном таинстве летнего солнцестояния: в этот период, на границе двух времен, когда открываются двери между небом и землей, человек способен почувствовать и увидеть то, что обычно скрыто от его глаз. Он получает шанс дать душе освободиться из своей повседневной тюрьмы, открыть новые горизонты, почувствовать себя бессмертной, дать ей отдохнуть.

Искать папоротник – значит искать волшебные состояния души и сердца, пусть короткие, но истинные, подлинные, которые помогают дотянуться до неба и посмотреть на весь мир другими глазами.

Раз в год, на Ивана Купалу, дается возможность увидеть двери в небеса. И лишь от упорства, настойчивости и жажды высокого зависит, сможет ли человек достучаться до них – сможет ли найти огненный цветок. И в этом – магия солнцестояния, которую мы создаем собственными руками.

Пояс Ольга Климова

...А из золота дан сыну своему Ивану пояс большой с жемчугом, с камнями, пояс золотой с капторогами, пояс сердоличен золотом окован.

Духовная грамота Ивана Калиты 1328 г.

Сегодня пояс в любом костюме – украшение. Но в прежние времена он являлся одной из ключевых деталей костюма. И кроме чисто практической задачи – удерживать одежду – имел еще и символическую функцию. Пояс как бы отделял верхнюю часть тела от нижней и, видимо, высшее от низшего в человеке.

Со времен древних цивилизаций эта полоска ткани, кожи или сухой травы несла представление о социальном статусе человека, его благосостоянии, чести, отражала перемены в жизни.

Пояс – обязательная принадлежность костюма египтян, греков и римлян. В античной Греции не подпоясывали своих хитонов только танцовщицы и гетеры. В Риме отсутствие пояса расценивалось как забвение обычаев и варварская неотесанность. Без пояса можно было появиться лишь на погребении и некоторых религиозных церемониях.

К поясу зачастую подвязывалось оружие. Выражение «подпоясаться» в значении «вооружиться», «собраться в поход» можно найти еще в «Илиаде» Гомера. В Западной Европе настоящего рыцаря называли «опоясанным», пояс входил в рыцарские атрибуты наравне со шпорами. На Руси ременные пояса также являлись знаком мужского и воинского отличия. Женщины их никогда не носили, надевали вязаные или плетеные. Выражение «отрешить пояса» означало «лишить воинского звания». Особой славой пользовались пояса из кожи дикого тура. Интересно, что ремни дружинных воинов были почти одинаковы по всей Восточной Европе.

На поясе в старину держалась часть необходимого имущества. Орудия ремесла носили за поясом цирюльники, писцы, лекари. В пояс нередко зашивали ценности. В Скандинавии связка ключей у пояса была своего рода символом власти хозяйки дома. К поясу привешивали мешочек для разных мелочей, назывался он «карман». Так что идея поясной сумки – отнюдь не современное изобретение. А пришивать карманы к платью начали только в XVI в.

В некоторых арабских странах не надо спрашивать подростка, достиг ли он

совершеннолетия, – достаточно взглянуть, подпоясан ли он. Пояс из верблюжьей шерсти говорит о том, что его владельцу минуло 15 лет и он уже взрослый, отвечающий за свои поступки человек.

Пояс как символ мужественности мы находим в скандинавских мифах. Бог Тор обладает волшебным поясом силы, который делает его непобедимым. Что же это за сила и почему именно пояс связывается с понятиями силы, мужества, зрелости?

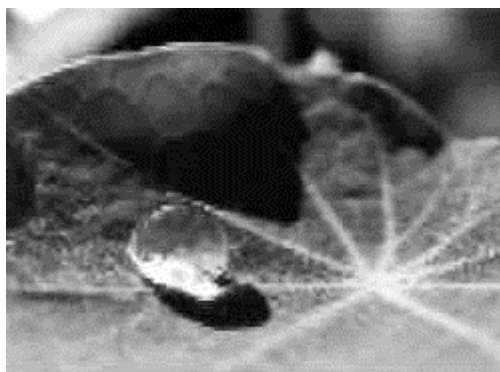
Пояс имеет предназначение соединять, связывать. Пояс – это магический круг, он оберегает, защищает, и он же удерживает человека в определенных рамках, границах проявленного мира. В каком-то смысле пояс связывает в единое целое тело и душу.

На Руси считалось зазорным ходить без пояса. Снять с человека пояс значило обесчестить его. До наших дней дошло слово «распоясаться». Оно рассказывает нам о символическом значении пояса. «Распоясался» отвечает такому состоянию человека, когда его ничто не сдерживает. Сняв пояс, человек как бы выходит за некую грань проявленного мира, перестает быть связанным воедино. По старинному обычаю пояс непременно снимали, когда гадали. На античных памятниках неистовые вакханки держат снятые пояса в руках. Когда хоронили умершего, пояс обычно расстегивали, чтобы не мешать душе покинуть тело и отправиться в загробное путешествие.

Пояс дарили новорожденному. Девочкам надевали пояс сразу после крещения. Особенно ценные пояса передавались в роду из поколения в поколение.

...Вглядываясь в старинные портреты, мы вдыхаем аромат древности и ощущаем легкую грусть по давно ушедшим временам. Но пусть это будет лишь поводом повнимательней отнестись к сегодняшнему дню и поучиться у предков сознательному отношению ко всему окружающему. Тогда завтра, выбирая утром одежду, мы, быть может, совсем по-другому посмотрим в зеркало.

Роса **Анна Кривошеина**

На заре и на закате цветы, деревья, травы покрываются мелкими, кристально чистыми, переливающимися капельками росы. В росе испокон веков люди видели благословение, которое Небо дает земле. Предания сербов говорят, что росу сеют звезды, предания украинцев – что она спадает с богини любви. Другие славянские народы верили, что ее сеют на землю русалки. А античные греки – что она появляется из лунных лучей или из слез богини утренней зари Эос. Ирида, божество радуги, вестница богов, одета в платье из сверкающей росы.

Божественный, небесный дар, роса считалась нектаром бессмертия. В индуистской мифологии амрита, особое питье, эликсир бессмертия, называлась «сладкой росой». Китайское

Дерево сладкой росы, растущее в центре мира, на горе Кунь-Лунь, – тоже символ бессмертия. В Месоамерике те же качества приписывали росе, появлявшейся на священном кактусе. «Воротами сладчайшей росы» образно называют буддийское учение. В Каббале роса – символ воскресения: мертвые возрождаются Росой Света, испаряющейся с Древа Жизни.

Появляясь на границе двух периодов – света и тьмы, роса обладает магической силой. Девушки умывались розовой росой, в которой отражался свет утренней зари, чтобы обрести красоту и здоровье. Считалось, что роса сохраняет силу восходящего, рождающегося солнца, и поэтому в особые дни, например в день святого Георгия (болгарская традиция), на восходе, катались по траве, на которой выпала роса. Русская народная сказка рассказывает, как Добрыню Никитича с детства заставляли кататься по утренней росе: от этого он стал таким крепким, что с шести лет мог вырывать с корнем дубы.

Особенно чудесную целебную и магическую силу роса обретает на русальной неделе, на праздник Ивана Купалы, на Праздник росы, отмечающийся в северных странах. В эти дни русалка Росяница насыщает травы животворной силой, которая передается животным и людям.

Кельтские девушки на Бельтайн (1 мая) ходили умывать лицо росой и перед рассветом загадывали желание.

Роса связана с зарей и небом и всегда была символом кристальной чистоты, чистейшей субстанции. Поэтому в индуизме она стала символом божественного Слова, в христианстве – Святого Духа. Славяне называют росу слезами Богородицы – слезами умиления, сострадания и чистоты. У алхимиков роса – это зародыш философского камня и один из символов первоматерии. В тайных обществах была распространена эмблема с каплей росы, она отражала очень древнее представление о том, что человек – это «микрокосмос», вселенная в миниатюре. В капле росы отражается весь мир, от солнца до самого мельчайшего существа. Но главное – росинка пропускает через себя свет солнца, и он, преломляясь, начинает переливаться множеством цветов. Так и человек – если душа его чиста, он отражает божественный свет.

Мифы некоторых народов говорят о том, что души людей, воспарив в небо птицей после смерти, возвращаются в мир живых – оставляют крылья и выпадают на землю росой. В индийских ведах сказано: «Путь предков ведет на луну, откуда души ниспадают с росой (сомой), возникшей из месяца (Сомы)». У неоплатоников капля – это естественная оболочка души (вода, окружающая что-либо, не просто охраняет, защищает: пространство внутри нее становится чистым и священным). Существует поговорка: «Дети – это Божественная роса». Сочетание на Ивана Купалу обрядов купания в росе и брачных обрядов и игр считается проявлением этой древней идеи реинкарнации.

Русалки

Ольга Сизова, кандидат психологических наук

Во многих культурах есть рассказы о духах природы, обитающих в огне, воздухе, воде, под землей и на земле, в горах, в камнях, растениях. Они очень разные, как различны места, служащие им домом, но у них общая задача – быть хранителями. Существуют легенды о хозяйках гор, о хозяине леса – лешем и его супруге кикиморе, о гномах, оберегающих сокровища, спрятанные под землей, и т. д. Но, наверное, самые загадочные и притягательные существа – это русалки, девы с рыбьими хвостами (их название произошло от слова «русый», имевшего когда-то значение «светлый», «чистый»).

Упоминания о русалках можно найти у самых разных народов. В Греции это сирены и ундины, в Сербии – вилы, у германских и прибалтийских народов – ундине и наре, в Ирландии – мерроу.

В сакральном календаре Руси существовала особая русальная неделя, праздновавшаяся перед или после Троицы, на Ивана Купалу. Она была связана с *русалиями* и *проводами русалок* – распространенными у южных и восточных славян языческими обрядами. В них отразилось противоречивое отношение наших предков к духам природы. Люди, с одной стороны, стремились защититься от русалок, ведь они могли лишиться ума, парализовать, утащить на дно реки или сделать что-то подобное. С другой – эти обряды связывались с магией плодородия. И не удивительно, ведь русалки живут в воде, а вода всегда считалась источником жизни: согласно мифам, из первозданного океана некогда появился мир.

Русалки обитают в своих хрустальных дворцах на дне рек и озер, но не они хранители этих водоемов. На то есть водяной и водяницы, женские духи воды. А что же охраняют русалки и только ли водная стихия близка им? Русичи верили, что после Троицы эти прекрасные девы оставляют воду, находят в поле или роще иву либо плакучую березу и живут на ее ветвях до осени. Помните пушкинское: «...русалка на ветвях сидит»? Значит, русалки связаны и с воздухом, да и земля им не чужда, об этом говорят посвященные им весенне-летние обряды плодородия. А еще с давних времен водоемы, реки, озера считались проходом в подземный мир. У многих народов переплыть реку означало попасть в иное пространство. Выходит, русалки являются хранительницами порога: они живут и на границе разных стихий, и на границе миров – нашего, земного мира и мира иного. Неслучайно они так привлекали и простых людей, посвящавших им сказки, байки, былички, и писателей, поэтов, художников, которые создали их чарующий образ.

У **южных славян** есть предания о **вилах** – прекрасных хозяйках чистых родников и озер, а также гор. По одним поверьям, они дети туч, по другим – рождаются из утренней росы. У этих существ прозрачные тела, рыбы хвосты вместо ног и крылья. Весной и летом они любят водить хороводы перед рассветом или ночью, особенно под полной или новой луной, и очаровывать юношей. Там, где они танцуют, трава становится гуще и вырастают круги грибов.

К людям вилы благосклонны, помогают обиженным, лечат, одаривают серебром и золотом, предсказывают будущее. Но в гневе могут убить одним взглядом.

Греческая мифология рассказывает о морских обитательницах **сиренах** – прекрасных девах с рыбьим хвостом и птичьими крыльями. От своей матери, музы Мельпомены, они унаследовали божественный голос и своим пением очаровывают и соблазняют моряков.

Западноевропейские мифы полны историй о духах вод – **ундинах**. Они обитают в водопадах, у моря и в заливах, в уединенных пещерах и гротах. Бывают совсем маленькие ундины – они живут под листьями лилий или в домах изо мха, растущего вблизи водопадов. Эти прекрасные девы очаровывают и превращают в своих рабов путешествующих рыцарей, давая им отведать волшебного напитка; лишь благородные и чистые сердцем могут освободиться от опасного союза с ундиной. Как и **нимфы**, охраняющие родники и источники, они стремятся обрести человеческую душу. Для этого они должны полюбить юношу и родить от него ребенка.

В **Средней Азии**, в большом озере Ойнаргель, живут красавицы **сукызлары** – наполовину девы, наполовину рыбы. В солнечный день они выходят из воды и, сидя на берегу, расчесывают золотые косы. Глаза у них голубые, брови изогнутые, подбородки круглые, кожа белая-белая. Бывает, юноши целыми днями стерегут красавиц у озера, но, увидев человека, сукызлары бросаются в воду и больше не появляются.

Германские и кельтские народы (шотландцы, ирландцы, валлийцы) природных духов называют **фейри**. Их родина – Авалон, остров Блаженных. Туда ведут тайные пути, проходы в которые находятся на дне моря и глубоких горных озер, а иногда на холмах.

В Ирландии появление водяной фейри **мерроу** – морской красавицы с рыбьим хвостом и перепонками между пальцев рук – предвещает шторм и предупреждает об опасности. Жить под водой им позволяет красная шапочка с перьями. Если ее украсть, мерроу уже не сможет вернуться в море. Эти существа очень благосклонно относятся к людям и часто влюбляются в смертных.

На Руси была очень распространена вера в **берегинь**. Этих древних существ можно назвать «предшественницами» русалок. Берегини жили по берегам рек и всегда помогали людям – защищали от злых духов, показывали брод путникам, спасали упавших в воду детей и могли предсказать будущее.

Рыбы **Ирина Хаустова**

В детстве мы как зачарованные слушаем сказку о золотой рыбке, которая исполняет три любых желания, но и воздаст по заслугам. В награду за добро Емеля получает в помощники щуку, благодаря которой женится на царской дочке. Сказка знает чудо-рыбу: у женщины, отведавшей ее, рождаются богатыри. Героя может проглотить огромная рыба, но он обязательно возвращается преображенным: начинает понимать птичий язык, находит богатства или открывает сокровенные тайны; а может в чреве рыбы перенестись в мир иной.

В юношеские годы, зачитываясь мифами Древней Греции и Рима, мы узнаем, что рыбы, символизируя силу вод, являются атрибутами не только морских божеств Посейдона и Нептуна, но и богинь красоты и любви Афродиты и Венеры, рожденных из пены морской. Как элемент воды рыбы связаны с Богиней-Матерью, прародительницей всего живого. Рыбные блюда в качестве жертвоприношения подносились всем богам подземного мира и лунным богиням вод, а также любви и плодородия. Этим связаны сирийская богиня Атаргатис – ее сын Ихтис был священной рыбой, – ассиро-вавилонская Иштар, египетская Исида, римская Венера,

скандинавская Фрейя. В их честь по пятницам ели рыбные блюда.

Древнеиндийские мифы рассказывают, что бог Вишну во время великого потопа обратился в рыбу и спас праотца людей Ману. В Древнем Китае рыба считалась символом счастья и изобилия. В Японии разные виды рыб соотносятся с разными значениями. Например, карп, способный преодолевать встречные течения и водопады, – это воплощение мужества, выносливости и выдержки. И ко Дню мальчиков, который приходится на 5 мая, перед домами, где есть мальчики, вывешивают стяги, на которых шелковыми нитями вышиты карпы.

Вступая в пору зрелости, задумываясь о смысле жизни, пытаюсь найти свое предназначение, мы порой обращаемся к астрологии, алхимии, религии. И здесь нас ждут новые открытия.

Как 12-й знак Зодиака Рыбы знаменуют окончание одного цикла и начало следующего. Родившимся под знаком Рыб свойственны, например, стремление к братству и миру, совершенству, предупредительность, «кропотливое корпение», а также «неукротимая плодовитость». Под знаком Рыб часто рождаются рыбаки и мореплаватели.

В алхимии две рыбы в одной реке символизируют первичную материю и два элемента – серу и ртуть в растворенном виде.

Прошедшие 2000 лет человечество жило в эпоху Рыб, которая началась с рождения Христа. Было замечено, что если сложить первые буквы слов «Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель» (написанных по-гречески), то образуется греческое слово *ICTYS*, «рыба». Изображение рыбы, которая стала символом Христа, находят на печатях и светильниках в римских катакомбах и на саркофагах. Оно считалось тайным знаком первых христиан, находившихся во враждебном окружении язычников. Существует также аналогия между ловлей рыбы и обращением людей в новую веру (отсюда и «кольцо рыбака», которое носит папа римский). Христос называл апостолов «ловцами человеков», а обращенных – «рыбками». Как и во многих мировых и более ранних религиях, рыба с хлебом и вином в христианстве является священной пищей. Недаром мы часто видим рыбу на изображениях Тайной вечери.

В христианском символе рыб соединились не только астрологические, но и языческие значения. Еще в древности человек связывал рыбу, обитательницу водной стихии, с зарождением жизни на земле. Рыба могла приносить ил со дна первозданного океана, и из этого ила создавалась земля. А могла служить опорой земле, которая в этом случае держалась на одной, трех или семи рыбах, плававших в мировом океане. Стоило рыбе махнуть хвостом, и начинались землетрясения.

Рыба была связана и с миром предков. Многие народы считали, что, умирая, душа человека переселяется в рыбу и, чтобы душа вновь могла воплотиться в ребенке, надо просто съесть рыбу. Рыба также участвовала в обрядах, связанных с посвящением во взрослую жизнь. Входя в чрево «рыбы» (входы в специальные хижины, где проводились инициатические обряды, часто делались в виде пасти рыбы, кита или крокодила), неофит символически умирал, попадал в царство мертвых, а затем, выходя обратно, символически рождался к новой жизни. Теперь, обогащенный новыми священными знаниями (ведь мертвые знают больше живых), он мог вступить во взрослую жизнь.

Петроглифы, наскальные рисунки, многочисленные каменные и металлические украшения в виде рыб из археологических раскопов – весточки нам из тех далеких времен.

Да и сегодня мы, не зная всех этих подробностей, как древние люди, окружаем себя изображениями или стилизованными фигурками рыб. А как утверждают психологи, наши сновидения довольно «густо» населены рыбами, которые выступают как символ бессознательного и созидательных внутренних миров нашей души.

А значит, этот древний символ еще живет, и с его помощью мы можем разобраться в

самих себе – надо только включиться в диалог с рыбами.

Свеча Анна Кривошеина

Странствия и паломничества, входы в лабиринты и храмы, обряды, праздники и гадания были немыслимы без свечи. Свеча – вечный спутник человека на дороге жизни. Она свет во тьме. Озарение. Живительная сила. Надежда. Символ человеческой души, ее внутренней силы: одной маленькой свечи достаточно, чтобы разомкнулась тьма, – и ее стойкости и вертикальности: пламя свечи, как бы ее ни поворачивали, всегда устремлено к небу.

Она освещала любой путь, любой переход – и физический, и нефизический. Тропинка, выложенная горящими свечами, была символом пути, на котором человек не одинок: идущие впереди оставляли зажженные огоньки тем, кто идет следом, – вел ли этот путь через лес, через историю или через жизнь. В погребальных традициях свечи были символом света «мира предстоящего», возрождения на ином плане бытия.

В христианской традиции свеча – божественный свет, сияющий в мире, свидетельство причастности человека к Божественному. Чистота воска означала чистоту человека, мягкость – его способность слушать волю Бога. Три совмещенные свечи – Святая Троица, триединство мира.

В еврейской традиции семирожковый подсвечник – менора – имеет очень многогранную символику. Например, ствол свечи мог означать Дерево или Ось мира. Семь веточек подсвечника – это Солнце, Луна и планеты, семь дней недели, семь звезд Большой Медведицы, семь кругов или сил мира. В Каббале три свечи означают Мудрость, Силу и Красоту.

Средневековые тайные общества использовали изображение свечи как символ великого Знания: человек может быть счастлив, только когда с его глаз спадет пелена, мешающая видеть истинный свет, а сердце освободится от пут рабства. Так, символом итальянских вальденсианцев (катаров) была горящая свеча на подсвечнике, увенчанном семью звездами, под изображением которой помещалась фраза *Lux lucet in tenebris* – «И свет во тьме светит». Символом света, незримо сияющего во тьме, являлась геральдическая лилия *Fleur de Lys* – «Цветок Света», расцветающий и разрастающийся во все стороны. Свеча также и человек, несущий свет. В этом случае рядом с ее изображением можно было увидеть девизы, например: «Я трачу себя, служа другим».

Символ бескорыстного служения, справедливости, милосердия, свеча также, например, в

рыцарских легендах была знаком верно выбранного пути Поиска истины, поскольку всегда существовала опасность ложного. Вспомним слова Короля Артура:

*Плохой я был пророк, когда сказал
Тем, кто уходил в поход священный,
Что большинство из них за блуждающими огнями
Последуют и затеряются в болоте?*

Умение отличать свет от блеска было даром скромности – еще одного символического значения свечи.

Без свечей невозможно представить праздник Рождества и Нового года. Ноябрь и декабрь – это время, когда тьма набирает максимальную силу, а Солнце готовится к великой битве за свет. Не случайно на смену осенним, женским, праздникам приходят праздники мужские, рыцарские, воинские: на Руси – Дмитриев день, Михайлов день, день Георгия Победоносца, Николы зимнего, в Европе – день святого Мартина, святого Томаса, святого Сильвестра... Зажигая свои свечи на эти праздники, люди присоединялись к небесному воинству.

В Германии в течение Адвента (четырёхнедельного периода до Рождества) в полдень хозяин дома зажигал свечи – каждый день на одну больше, чем в предыдущий. А по улицам ходили дети с фонариками в руках и пели о том, что свет их огней разгоняет тьму на земле, так же как свет звезд разгоняет тьму на небе:

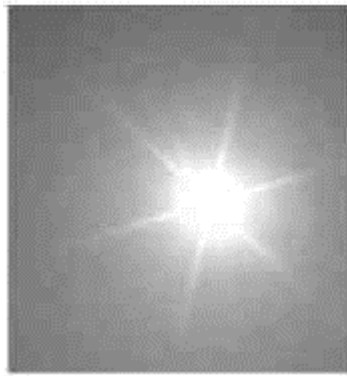
*Там, наверху, светят звезды,
А внизу, на земле, светим мы.*

В предрождественские дни вспоминали легенду о трех святых королях-волхвах, и люди оставляли ночью на окошках горящие свечи, чтобы не сбились с пути в темноте все идущие за своей звездой в те мгновения, когда ее закрывают тучи.

А на сам Новый год тушили старые огни – и от нового, чистого, сильного пламени зажигали все очаги, свечи и факелы. С тех пор зажжение свечи – символ возрождения, возобновления, новой жизни. В Новый год люди пристально вглядывались в небо и верили, что смогут жить в менее загрязненном мире, быть сильнее и красивее, чем были до сих пор. Не случайно елочку всегда венчала рождественская звезда или комета – вестница Неба, залог того, что узы, связывающие человека и звезды, никогда не порвутся. И в конце праздника обязательно зажигались свечи на елке – земной огонь подхватывал звездный свет, возрождая утраченное единство.

Солнце

Ольга Сизова, кандидат психологических наук

Таинства природы и красота жизни отзываются в человеческом сердце, и только оно одно может за видимыми образами различить то, чего не видят физические глаза, – Послание, открывающееся *глазам сердца* .

Одно из них мы можем видеть каждый день, когда глядим на небо в ясную погоду. Его пытались разгадать на протяжении многих тысячелетий – послание нашего светила.

Солнце над горизонтом – этот образ природы связывает два мира, видимый и невидимый.

В Древнем Египте солнечный диск над горизонтом был символом вечности, *шен* . А если к нему добавить солнечный луч, дорогу к небу, по которой, как считалось, спускались боги и могли подниматься люди, то получался другой символ, *анк* – ключ жизни, ключ к таинствам жизни и смерти, или к вечной жизни.

Солнце – даритель жизни, света, оно определяет время и законы циклов жизни нашего мира. Культ Солнца-Творца существовал во всех традиционных обществах. В Индии поклонялись Индре, в Греции Аполлону, шумеры почитали Шамаша, хетты Эстана, в Египте было даже несколько солнечных божеств: бог утреннего Солнца Хепри, дневного – Ра, вечернего – Атум.

С древнейших времен люди строили мегалитические сооружения, храмы, ориентированные на точки восхода Солнца в особые дни года – равноденствий и солнцестояний. Все важные события священных писаний разных народов выпадают на эти периоды. Люди всегда чувствовали таинственную связь со светилом. Древние майя, ацтеки в Америке даже считали себя «детьми Солнца». Фараоны Египта имели титул «сын Солнца». В Малой Азии в III–II тысячелетии до н. э. был народ, который называл себя *хурриты* , «народ востока, рассвета». А японцы и по сей день живут в Стране восходящего Солнца.

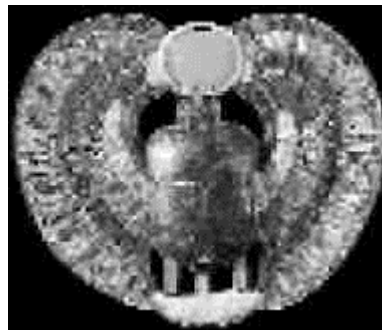
В индийской священной книге «Айтарея-брахмана» о солнечном восходе и заходе говорится так: «Солнце никогда не заходит и не восходит. Когда люди думают, что Солнце заходит, то это не так – они ошибаются. Ибо Солнце, после того как день кончился, производит двойное следствие, создавая день для тех, кто находится под ним, и ночь для тех, кто находится по другую сторону. Фактически Солнце никогда не заходит; также оно не заходит для того, кто обладает таким знанием» (книга III, гл. 5).

Если бы за физическим светилом не было тайны, которую люди интуитивно чувствуют, то все народы, от первобытных до современных, не поворачивались бы к Солнцу во время своих молитв. На протяжении всей истории люди были солнцепоклонниками. Но поклонялись они не видимому солнечному диску, а скрытому, духовному Солнцу. В некоторых религиях есть представления о сокровенном центральном Солнце. Последний жрец Солнца в Европе, правитель Рима Юлиан, говорил, что «существуют три в одном»: первое, центральное Солнце есть всеобщая причина всего, Верховное Благо и совершенство; Второй Силой является верховный Разум, обладающий властью над всеми разумными существами; третье – это видимое Солнце.

Солнце над горизонтом... Не знаю, что трогает, очаровывает больше – восходы или закаты. Нежные золотистые лучи восходящего Солнца обещают новый день, новые надежды, осуществление всего, к чему стремится душа... Завораживает, манит, влечет ярко-алое Солнце, которое вот-вот скроется за горизонт, чтобы взойти на другой стороне Земли, другой, невидимой стороне жизни. Ежедневно умирающее и возрождающееся Солнце не только символ вечной жизни, воскрешения, света, но и неизбежной смерти, завершения, тьмы, тайны жизни за границей видимого мира. Веды говорят, что Солнце было первым смертным, которое указало людям путь. Нельзя воскреснуть, не умерев перед этим. Но и наоборот! Невозможно умереть и потом не воскреснуть. Весь вопрос только, в чем умереть. И в чем воскреснуть.

Скарабей

Елена Сикирич, президент культурной ассоциации «Новый Акрополь» в России

Скарабей – один из самых знаменитых символов Древнего Египта. Египтяне всегда искали вдохновение в природе, которая была для них Учителем, великой книгой жизни. Все в природе, от самых маленьких ее обитателей до далеких звезд и галактик, скрывало в себе глубокие истины, все становилось ключом к разгадке бесконечного числа тайн человека и Вселенной.

Чем мог привлечь египтян маленький жук из семейства *Lamellicornus*, черный, иногда с металлическим оттенком? Наблюдая за его поведением, они заметили, что этот великий труженик обрабатывает бесформенную, мягкую массу навоза, настойчиво и упорно перекачивая ее перед собой, так, что она превращается в совершенную сферу, шарик, в который он потом откладывает свои яйца. Сделав навозный шарик, скарабей катит его с востока на запад и, вырыв норку, прячет его в ней на 28 дней. Все это время личинки питаются навозом, из которого сделаны шарики. На 29-й день жук отрывает шарик, бросает его в воду, и из него появляются маленькие скарабеи.

Эта особенность скарабея, а также тот факт, что он летает в самое жаркое время дня, привели египтян к отождествлению его с Солнцем. Считалось, что маленький жук повторяет путь Солнца, которое воскресает, возвращаясь из мира теней. Он рождается и воскресает из навоза, своего собственного мира теней и разрушения. Шарик скарабея, содержащий в себе семена новой жизни, отождествляли с Солнцем – огненной сферой, несущей в себе зародыш всего живого. Подобно тому как Солнце совершает путешествие по небу, излучая свет и тепло, создавая условия для возрождения жизни во всем сущем, скарабей катит шар с яйцами с востока на запад до тех пор, пока зародыши не созреют и не родятся на свет.

Испокон веков скарабей был олицетворением и символом Хепри (или Хепера), одного из древнейших египетских богов, связанных с сокровенными таинствами Солнца. Если бог Ра

символизирует дневное Солнце, а Атум – ночное, сокровенное, то Хепри – божество с головой скарабея – олицетворяет утреннее, восходящее Солнце. Атум, Ра и Хепри представляют собой три образа, три лица одного вечного бога Солнца. Как и остальные солнечные божества, Хепри имел функцию Демиурга, Творца мира, человека и Вселенной.

Имя *Хепри* переводится как «Возникший из себя самого», «Возникший из своего имени». Египтяне считали, что сотворение мира произошло, когда бог Хепри произнес свое сокровенное имя. Чаще всего в египетской религии мы встречаем двойное божество Атум-Хепри: Атум, «Самосотворенный», ночное, сокровенное Солнце Мистерий, проявляет свою силу через Хепри – восходящее Солнце, несущее воскресение жизни. В «Текстах пирамид» Атума-Хепри называют еще и Амоном – сокровенной душой Солнца, создателем Ра, видимого дневного солнечного диска, и великого бога Осириса.

«Он могущественный Единый образ Хепри, родившийся через Хепри, повелитель образа Хепри; когда он появился, ничего не существовало, кроме него. Он сиял над землей с незапамятных времен; он владыка света и сияния...

Когда этот священный бог создал себя, небеса и земля были сотворены его сердцем» (из «Папируса принцессы Неси-Хенсу»). Хепри всегда символизировал невидимую силу созидания, которая дает толчок для движения по небу не только дневному солнечному диску, но и всему сущему.

По легенде, скарабей выходит из ноздрей головы Осириса, погребенной в Абидосе, возвещая его воскресение из мертвых в мире небесном. Фигурка маленького жука, упорно и настойчиво перекатывающего свой шарик из навоза, чтобы в нем не погибли семена новой жизни, становится символом импульса возрождения, возникающего внутри инертной, но живой материи, готовой начать новый цикл существования.

Хепри-скарабей как великий символ и сильнейший талисман сопровождал египтянина не только на всех этапах его жизни, но также и после смерти. Египтяне считали, что даже разлагающееся тело умершего содержит в себе зародыш новой жизни – бессмертную светящуюся душу, которая после смерти тела, освобождаясь, воскресает в мире ином, продолжая свое путешествие по тропам небесным. Скарабей всегда был символом импульса, который получает душа для небесного полета, для возрождения в мире духовном, после того как в ней начинает умирать и разлагаться все материальное. Он олицетворял сокровенную силу *Сердца*, которую человек должен был пробудить в себе, для того чтобы возродиться, умереть и воскреснуть, победить любую инерцию и любое «болото», преодолеть любые испытания, ожидающие его в жизни и после смерти.

Неслучайно в Египте в процессе мумификации вместо настоящего сердца вставляли сердце из керамики, камня или другого освященного материала с амулетом скарабея наверху или фигурку скарабея, чтобы в теле умершего находился центральный символ нетленной сущности, бессмертия и воскресения. Во многих египетских текстах Скарабей Сердца описывался тонко и красиво: «Бог, обитающий в моем сердце, мой Создатель, мой Владыка, охраняющий свет во мне...» Для египтян Сердце человека являлось средоточием его сознания, глубоких знаний, мудрости и воспоминаний о Вечном. Это была особая сокровенная сущность, обитающая в теле и после смерти уходящая из него в мир иной вместе с душой, руководящая всем существованием человека... Недаром говорили в Египте, что Сердце человека – это его собственный Бог.

Сердце играло важнейшую роль в знаменитой сцене психостазии – взвешивания души после смерти. Перед судом Осириса на одну чашу весов кладется сердце умершего, несущее отпечаток всего хорошего, благородного, но также и всего плохого и разрушительного, что было совершено человеком на земле. На другой чаше весов лежит перо Маат, великой богини

универсальной справедливости и мудрости. Для того чтобы душа умершего могла продолжать путешествие в Вечности, его сердце должно быть легче пера Маат. А легким оно может стать, лишь только если оно чисто, если оно заполнено светом, порожденным благими деяниями на земле, если оно освобождено от тяжкого груза пороков и бесчестия... Таким образом, Скарабей Сердца превращается после смерти в свидетеля души умершего, всех его деяний, в судью его собственной совести, от которого зависит его спасение или осуждение.

В Египте изображения и фигурки скарабея встречались практически везде. Они могли быть сделаны из зеленого базальта, зеленого гранита, известняка, зеленого мрамора, голубой глины, голубой смальты, фаянса, покрытого пурпурной, голубой, зеленой глазурью... На основании фигурки обычно наносили священные символы и изречения, связанные с таинством возрождения. В некоторых случаях скарабей имел человеческое лицо или голову. Иногда на его спине изображались ладья бога Ра, птица Бенну (Феникс – душа Ра) и Око Гора. В более поздние времена погребальные скарабеи помещались в фаянсовые нагрудные украшения, выполненные в форме пилонов, на которые наносился рисунок красками или рельефное изображение ладьи Солнца. Скарабей размещался так, чтобы казалось, что он находится в ладье; слева от него изображалась Исида, а справа – Нефтида, сестры-богини, символизирующие Таинства неба и земли и ключи к ним.

Символ скарабея имел в Древнем Египте еще одно прочтение. Этот маленький жук стал символом ученика и его пути к мудрости. Подобно тому как скарабей упорно и настойчиво превращает бесформенную, вязкую массу навоза в шарик, чтобы заложить в него семена жизни, ученик, идущий по пути мудрости, должен трансформировать бесформенную и вязкую массу своих недостатков и ограничений в идеальную, совершенную, огненную и прозрачную сферу, отражающую свет Духа. Даже из самой глубокой тьмы, из самого топкого болота можно вырваться, можно воскреснуть, родиться заново при условии, если пробуждается сокровенная сила и мудрость сердца, дающая душе возможность устремиться к новым далям, в новую жизнь, новый этап существования.

Скарабей, имеющий крылья и держащий в лапках огненный шар, становится символом нового, молодого, восходящего Солнца весны, победившего тьму и воскресшего, чтобы принести новый импульс жизни и возобновления. Его два крыла символизируют два глаза – ночной, видящий в темноте, связанный с Луной, и дневной, дающий жизнь всему существу, связанный с Солнцем. На его спине – знаменитый символ *тау*, в центре которого находится точка, где встречаются Небо и Земля. Выполнив свою миссию на земле, скарабей-Солнце расправляет крылья и улетает в бесконечные дали, возвращается на небо, к истокам, породившим его.

Таким образом, в Египте скарабей стал символом, близким и дорогим душе каждого ученика, сопровождающим его на пути, помогающим преодолеть самые страшные испытания. Он напоминал человеку о том, что в нем есть сокровенное Сердце, что его душа может возродиться, воскреснуть, стать подобной восходящему Солнцу, победившему тьму и приносящему жизнь, тепло, свет. Он напоминал о небе, о Бессмертном, о Вечном, о Прекрасном, о силе полета, о бескрайних даях, манящих душу... Он пробуждал глубокие воспоминания и являлся символом весны, вечной молодости души, живущей за пределами пространства и времени, жизни и смерти.

Символизм традиций

Весна: возрождение света

Антон Мусулин, президент ассоциации «Новый Акрополь» на Украине

Календарные обычаи и праздники появились в далекие времена. До наших дней они дошли лишь как элементы современных религий, но смысл и содержание их остались неизменными. Обычаи всех культур и цивилизаций отражали связь человека с космосом, с процессом сотворения мира и воплощения Божественного в пространстве-времени. Участвуя в обрядах, человек приобщался к истокам, к началам и причинам всего сущего. Таким образом каждый раз заново создавался мир и обновлялось время, и благодаря этому становилось возможным соединение и совпадение космического, земного и человеческого ритмов.

Годовой цикл. Год – это модель космического времени, микроцикл, повторяющий схему больших космических циклов. Год – это кольцо, соединяющее вечное и преходящее. Ход мирского времени, его однообразие и монотонность нарушаются периодами праздничного религиозного времени, позволяющими человеку возобновить воспоминания о духовных истоках мира и своих собственных.

В древности не существовало разрыва между мифологией и историей: как знаменитые исторические персонажи, так и общество в целом пытались подражать примеру своих мифических героев и богов, благодаря чему сами становились образцом моральных и гражданских добродетелей для последующих поколений.

Современный человек забыл, как можно выйти за пределы обычного исторического времени. Он воспринимает год как некое подобие линейки, позволяющее узнать, насколько далеко отстоит от сегодняшнего дня момент основания Рима, дата смерти Джордано Бруно, начало Первой мировой войны, и планировать что-то на будущее. Мы утратили способность ощущать несубстанциональное, мифическое, священное – то, что дает возможность осмыслить жизнь с точки зрения метафизических ценностей.

Год является моделью циклического движения жизни и символически, и практически. В течение года природа рождается, развивается и умирает, чтобы снова воскреснуть. То же самое происходит с коллективной жизнью общества, особенно в сфере земледелия. В течение года *антропос* и *физис* – человек и природа – повторяют путь Света, Солнца во времени. На Небе происходят сражения Света и Тьмы, и эти битвы отражаются на земле как времена года.

Человек традиционных обществ жил в постоянном контакте с природой и не отделял себя от нее. Природа была для него доброй матерью, матерью рождающей и матерью кормящей; Солнце было отцом, дающим тепло и огонь. Благодаря священному браку этих двух начал жизнь не прекращается. Когда Небо и Земля отдаляются друг от друга, жизнь покидает формы, уходит в глубину, а с их новыми поцелуями она снова возвращается: в начале весны первыми подснежниками, а в конце лета – гроздьями спелого винограда.

Священное и мирское. Небо и земля символизируют два аспекта нашей жизни: священное и мирское. Мирское включает в себя все обыденное, однообразное, дни и годы, исполненные забот о земном. Мирское время не имеет ни «разрывов», ни таинств, оно течет линейно и ведет от рождения к смерти. Оно не дает возможности выйти за рамки человеческого опыта, приобщиться к метафизическому, вневременному; к реальности, которая вечно остается юной. Мирская реальность подобна лесу или лабиринту, в котором легко заблудиться, где отсутствуют ориентиры и дороги, ведущие к определенной цели.

Но кроме будней в нашей жизни есть и праздники, прерывающие обычное течение истории, позволяющие выйти за ее пределы и прожить мифическое, внеисторическое время. Праздник и сопровождающие его церемонии возвращают то время, когда Бог или боги

создавали мир, когда они рождались, страдали и умирали на этой земле и своей жизнью подтверждали возможность спасения.

Во время праздников священная история воплощается здесь и сейчас – конечно, не через застолья, а благодаря определенному возвышенному состоянию души. В эти *священные дни* мы сопереживаем тому, что испытывали боги (солнечные герои) в течение своего земного существования. Радуюсь и страдаю вместе с ними, мы становимся подобными им, на какое-то время позволяем солнечному герою воплотиться в нашей душе, открываемся Небу, становимся способными воспринимать великое, священное, тайное. Во время праздников мы вспоминаем о той длинной дороге, которую предстоит пройти нашей душе, чтобы получить право на бессмертную жизнь. Поднимаясь на цыпочки, мы заглядываем в свое будущее.

Все подлинное произошло в доисторические времена благодаря действиям божественных сил. Все реально существующее задумано и создано Богом (Логосом); с точки зрения метафизики реальным является лишь то, что подобно божественному, изначальному, вневременному. Вот почему так важны праздники в жизни людей. Они повторяют важные события священной истории.

Повторение космогонии. О том, как начал свое существование мир, нам рассказывают мифы. Так, в христианской традиции важнейшие события жизни Иисуса Христа относятся к священной истории и *доисторическим временам*, так как, с точки зрения верующего, мир начал существовать после свершений, о которых повествуют Евангелия. До этого мир не существовал.

Отмечая Рождество, Пасху, рождение и смерть Иоанна Предтечи, христианин приобщается к началу времени, возвращается к истокам. С другой стороны, эти праздники совпадают с началом времен года. Таким образом, в вертикальной плоскости праздники связывают человека с Абсолютом, а в горизонтальной – с природой и ее циклами. Исполняя обряды, человек участвует в процессе развития и воссоздания порядка на земле и на Небе. Праздники делают для него близкими страдания и подвиги Матери-Земли, которую греки называли Деметрой, и солнечных героев, проходивших в своих странствиях через двенадцать областей неба. Христос, Дионис, Осирис, Кетцалькоатль, Гильгамеш – все они и многие другие живут в душах людей, совершая там, «внутри», свое путешествие, целью которого является возвращение до мой, воскресение из мертвых, обретение своего места на небе. У каждого человека есть своя звезда, и каждый мечтает о ней. Подобно Маленькому Принцу Экзюпери, мы знаем, что мы лишь странники на этой земле; в нас живут воспоминания о Небе.

Самые важные события священного времени соответствуют весеннему и осеннему равноденствиям и летнему и зимнему солнцестояниям. Зимнее солнцестояние у римлян отмечалось как день рождения Митры, Непобедимого Солнца. В Египте этот день был днем рождения Гора, а у древних славян – Сварога.

Первый день лета знаменует рождение Иоанна Предтечи, старого Солнца, света, который с каждым последующим днем становится все слабее, чтобы с наступлением осени покинуть этот мир. Осенью отмечается день усопших, а с весной традиционно связывается идея возобновления и духовного воскресения.

И в западной, и в восточной традициях зимнее и летнее солнцестояния считались временем, когда открываются двери между двумя мирами. На Востоке нисходящая часть года (лето-осень) называется Питрияна – Дорога Предков, а восходящая (зима-весна) – Деваяна, Дорога Богов.

Дороге Предков соответствует символика воды, так как речь идет о процессе погружения в физическую форму. Наша мирская жизнь подобна воде, которая стекает по старым руслам, не

сопротивляясь земному притяжению, приспосабливается к окружающему миру. Крещение водой очищает лишь форму, но изнутри ничего не меняется.

Дорога Богов связана с идеей восхождения, личных усилий, сжигания всего тленного; это внутренняя трансмутация, благодаря которой душа становится подобной огню – несубстанциональной, но способной давать свет и тепло всему, что ее окружает.

Весна. Весна, как мы уже сказали, представляет собой рождение года, момент, когда огонь побеждает холод, а Свет – Тьму. Символически первый день весны – это точка, соединяющая небо, землю и подземный мир. Это момент воскресения света, а значит, и мифического солнечного героя, который в этот день после долгих испытаний и нисхождения в Аид приобретает право на вечную небесную жизнь.

У многих народов началом года считалась весна. Так, в Риме январь стал первым месяцем лишь со времен Юлия Цезаря – до того первым был март. Это подтверждают названия некоторых месяцев нашего календаря; так, «декабрь» происходит от корня «дека» («десять») – в древние времена он был десятым в году.

Весенние обряды и обычаи тесно связаны с началом земледельческих работ, с магией плодородия. Желание пробудить жизненные силы природы, дать им на целый год возможность проявиться отражено в обряде хождения по свежей траве, получившем название «хождение по весне».

Весна – это время окончания борьбы животворного и мертвящего начал в природе, прежде всего в растительном мире. Вечнозеленый Осирис, Персефона-колос, Василиса Прекрасная в конце концов побеждают смерть и обретают свободу. После пребывания в рабстве, в подземном мире они выходят на свет дня, а с ними и вся жизнь, которая до тех пор была заключена в холодном каменном дворце бога смерти и неподвижности.

Возвращение в Хаос. Чтобы стало возможным рождение чего-то нового, необходима смерть всего старого, отжившего свой срок. В конце года мир становится «дряхлым, изношенным». У якутов слова «мир» и «год» имеют од но и тоже значение, они говорят: «Мир прошел». В течение года мир рождается и умирает, конец года означает и конец мира, который с первым днем весны должен начать жить заново.

Смерть года и «изнашивание» мира сопровождаются праздниками, символизирующими возвращение к изначальному состоянию, к временам, когда все существовало лишь как возможность и все было возможным.

В Риме «концом времени» являлись Сатурналии, которые дошли до наших дней как Масленица или карнавал. Карнавал – это время шуток, веселья, пиршеств, маскарадов; время хаоса, где нет ни правил, ни порядка.

Карнавал – это период земной комедии, предшествующей космической драме и возрождению.

В течение карнавала мирское набирает силу, властвует во всей своей полноте, доходит до кульминации. Можно предположить, что песни, танцы, шутки, пиры и гулянья в масках первоначально имели ритуальный характер и что их роль состояла в том, чтобы, ускорив, изжить все то, что не имело возможности проявиться в течение упорядоченной части года.

Во многих странах карнавал был одновременно и временем осуждения всех грехов общества. В последние дни Масленицы происходил суд над Карнавалом – большой куклой, набитой соломой, с головой из тыквы или глиняного горшка, – которого «прокурор» обвинял во всех возможных грехах, совершенных конкретными людьми или жителями этой местности в истекшем году. И «прокурор», и «адвокат» посредством сатиры и иронии осуждали все то, что

приводило к изнашиванию времени и нарушению порядка.

Особую роль в шуточном публичном оглашении грехов играли ряженые, шествия которых были широко распространены еще в прошлом веке. Ряженых охотно принимали, так как считалось, что они приносят благополучие. Им дарили подарки, немного денег, но чаще вино и съестное.

Во время карнавала все менялось. Мужчины переодевались женщинами, юные – стариками, представляющими предков и ушедший год; люди наряжались животными и даже нечистой силой – чертями и домовыми. Благодаря маскам участники карнавала становились неузнаваемыми, и это давало каждому возможность на несколько дней выйти за рамки социальных приличий, правил поведения, соблюдение которых позволяет человеку занимать определенное место в обществе.

Очищение. Непосредственно за карнавалом следовал период очищения, возвращения к священному. Это путь внутреннего уединения и самоотречения, благодаря которым становится возможно воссоздание мира. В большинстве космогоний Бог создает мир, принося себя в жертву. Началу года, а значит, и началу мира предшествует Хаос, Ночь времени и пробуждение Творца, который этот Хаос трансформирует в Космос. Так, на Востоке первый день года – это день сотворения мира Брахмой, а также день возвращения эпического героя Рамы в свою столицу после четырнадцати лет изгнания. В иудейской традиции возвращению на родину предшествуют сорок лет странствий, а в христианстве возобновлению завета между Богом и человечеством – сорок дней пребывания Спасителя в пустыне и его смерть.

Странствия, пустыня, уединение, нисхождение в подземный мир и страдания солнечного героя – все это соответствует периоду очищения. Чтобы подняться на новый виток спирали на пути восхождения к Небу, требуется освободиться от всего старого, материального и мирского. В последовательности «карнавал – очищение» можно узнать противопоставление преходящего и вечного, материи и духа. Соответствующие им церемонии и обычаи позволяют сопоставить эти два аспекта существования человека в мире. Участвуя в карнавале, человек становится полностью мирским, шутком и комедиантом, чтобы затем обновиться духовно посредством обрядов самоочищения. Для того чтобы очиститься, надо сначала пройти через грязь. Невозможно познать добро, не зная, что такое зло.

Если март обозначал начало года, возрождение жизни, то последний месяц года, февраль, был концом времени. У римлян это было время искупления грехов. Название этого месяца происходит от *dies februiatus* – «день очищения». В течение февраля происходило очищение и возобновление не только на индивидуальном, но и на коллективном уровне. Очистительный характер имели Луперкалии и Амбуралии, которые позднее были заменены праздником Очищения Марии и праздником свечей – Сретением.

Луперкалии отмечались в середине февраля на Палатинском холме, в волчьей пещере, символизирующей лоно земли. Земля порождает жизнь, и жизнь пребывает в ней до тех пор, пока не станет достаточно сильной, чтобы выйти на свет дня и начать свое существование. В волчьей пещере в мифические времена были воспитаны Ромул и Рем, основатели Вечного города, сыновья бога Марса и Реи Сильвии. Символом Марса, бога растительности и правителя марта, которому он и дал название, является волк. Вспомним также, что в Древней Греции Аполлона, открывающего дороги жизни и свету, называли солнечным волком. Церемонии и обряды, сопровождавшие этот праздник, играли очистительную роль на уровне государства в целом. Пройдя через Луперкалии, Рим рождался заново и вновь становился юным и сильным, как в те времена, когда под покровительством богов на земле появились его очертания.

Очищение, предшествующее началу весны, должно было быть полным. Для того, чтобы

очистить и душу, и дом, и город, и поля, проводились совместное сжигание мусора, ритуальное умывание, освящение полей и домов, «омолаживание» цветами, возобновление хлеба и воды в доме, а также церемонии, призванные помочь земле «забеременеть» и дать богатый урожай. Довести процесс до логического конца – так как всегда остается то, что укрывается даже от самого внимательного взора, – был призван существовавший у многих народов обычай сжигания всех проявленных и непроявленных грехов, болезней и несчастий, перенесенных жрецом на соломенную куклу, олицетворяющую прошедший год. В Древнем Риме это была Анна Перенна, потом она превратилась или в Карнавал, или в Масленицу, или в Морену.

Масленица, персонифицированный праздник проводов зимы и встречи весны, – это персонаж, воплощающий и смерть, и плодородие, год ушедший и год наступающий. Подобно Янусу, он символизирует точку перехода, пропасть и мост над пропастью, пройти по которому могут лишь чистые, возродившиеся, так как в новом мире все должно соответствовать первым, безгрешным временам. Масленицу представляло соломенное чучело, одетое в тряпье, со сковородой в руках как знаменем нового Солнца и нового хлеба. После гуляний, главным персонажем которых был Масленица, чучело хоронили, топили или сжигали, разбрасывая золу по полям (считалось, что она благотворна для будущего урожая).

После праздника убитой зимы закликали весну. Народ пел веснянки – гимны Ладе, матери Солнца, – водил хороводы, обращаясь к звездам и Луне. Благодать не приходит сама на землю. Жизнь необходимо призвать, закликать. И как Лада – новое Солнце – спускается на землю в образе кукушки, чтобы возвестить наступление весны, новое рождение, так и люди должны пойти навстречу солнечному ребенку. С этой целью по улицам селения водили козла с «песнями», посвященными Ладе и Лелю. В России этот обычай назывался «пролетье». Обряды и песни, как правило, сопровождали зажиганием священных огней, хороводами вокруг них, прыжками через костер. Огнями нагревалась земля, они помогали Солнцу исполнить его задачу. Тот же смысл – заклинания, призывания великого Пахаря Солнца, того, кто превратил первое болото в плодоносную почву, – имели обрядовая пахота и сеяние проса.

*Едет весна, едет
На золотом коне
В зеленом сиянии.*

*На сохе седучи,
Сыру землю оручи,
Правое рукой сеючи...*

Приветствуя Солнце поднятыми к небу руками, древний человек молил о возвращении жизни как внешней, так и внутренней.

Время очищения – это время восстановления мира и согласия. Во многих христианских странах шестое воскресенье поста называется «Вербное воскресенье» или «День олив». Освящение ветвей вечного дерева символизирует, с одной стороны, возрождение природы, а с другой – возрождение дружбы и мира. Эти ветви бережно хранят – считается, что они обладают свойством охранять и защищать от всего дурного.

Вербное воскресенье связано с растительным миром. Во многих странах в этот день люди дарят друг другу цветы; существует ритуал умывания водой, настоянной на цветах и травах, которая символизирует живую воду, омолаживающую и очищающую. Необходимо, чтобы душа, подобно природе весной, расцвела и открылась лучам духовного Солнца.

Многие существующие сегодня обычаи имеют языческое происхождение и относятся к

уже исчезнувшим культам и традициям. Ритуальное умывание и обрызгивание пучками травы или ветвями, смоченными в свежей воде или росе, являются, наверное, столь же древними, как и само человечество.

Великий пост – время не только очищения, но и поминовения предков. В Японии первый день весны называют срединным днем, другим берегом реки, разделяющей мир живых и мир усопших.

Конец времени знаменует и открытие дверей между мирами, что дает возможность душам покойных подняться в мир живых. В дни поста умершим приносили в дар сухие зерна, растительное масло, вино и мед, а главным угощением была каша из всех злаковых, сваренных вместе.

Этот период «времени без времени» дает также возможность предугадать будущее. Связь с миром иным проявлялась не только в поминальных обрядах, но часто включала в себя и гадания о будущем и выполнение определенных условий, которые давали возможность создать его. Кульминация ритуального очищения приходится на дни Страстной недели. Как правило, ее характеризуют строгий пост, часто ритуальное хлестание ветками, обновление хлебной закваски, которой затем пользовались весь год, прекращение всех полевых работ и большая уборка.

Возрождение. В течение последнего месяца года общество очищается от всех грехов, накопившихся за год, оно воскресает, становится способным обновить свою связь с созидательными силами природы. В результате этого восстанавливается изначальный порядок.

Обряды и символы этого периода говорят о начале, о становлении мира, о сотворении, которое нуждается в божественном вмешательстве, ибо лишь боги могут создать нечто подлинное. Поэтому с началом весны связаны идеи заключения священного брака, воскресения умершего героя (божества), нисхождения божества на землю и другие теофании и иерофании.

В Вавилоне в первый день весны отмечали праздник обручения Мардука, покровителя города, с богиней плодородия. В этот же день из храма в город возвращалась Иштар на корабле-колеснице (*carrus navalis*), от названия которого, как предполагают, произошло слово «карнавал».

В Греции в апреле, в разгар весны, отмечалось рождение Афродиты и Артемиды. У славян богиней весны была Лада – славянская Венера, символ любви, гармонии, красоты и согласия. Подобно Кибеле и Латоне, ее называли Матерью и изображали с младенцем на руках.

Первые дни весны связаны не только с рождением, но так же и с зачатием. В марте отмечается праздник Благовещения. В этом же месяце были зачаты солнечные герои спасители (например, Митра, Гор), рожденные в дни зимнего солнцестояния. Подобно Солнцу, которое в течение года совершает свои двенадцать подвигов, все они после смерти и нисхождения в подземный мир побеждают Тьму и воскресают весной. Христианская Пасха отмечается в первое воскресенье полной луны после весеннего равноденствия. Именно тогда Иисус становится Христом, «полночным Солнцем»; его душа, символом которой является Луна, своими страданиями очищается так, что становится совершенным проводником духа – Солнца.

Не углубляясь в детали солярных культов и инициатического символизма, можно сказать, что все они говорят о способности духа подняться над материальными аспектами существования. Душа способна выйти из пещеры и созерцать чистый свет Единого не только по милости Божьей, а в первую очередь благодаря своим собственным усилиям.

Важным символом возрождения является яйцо. Обычай раскрашивать яйца и поныне широко распространен во всех христианских странах. Кельты, греки, египтяне, финикийцы, тибетцы, китайцы и многие другие народы считали, что мир произошел из космического яйца.

Оно является символом изначальной реальности, первичного порядка, а также циклического возобновления, воскресения. В некоторых гробницах археологи находили статуи Диониса с яйцом в руке – символом и обещанием возвращения в жизнь. В Греции и поныне пасхальная неделя называется неделей возобновления.

* * *

Все, что происходит в мире форм, в мире видимом, горизонтальном, каким-то таинственным образом осуществляется и во внутреннем, нематериальном мире человека. Во всех древних традициях, у всех народов есть миф о солнечном герое, о божестве, которое нисходит на землю, во тьму, где умирает и воскресает. Солнечный годовой цикл напоминает нам о существовании внутреннего света, внутреннего солнца, огня, которому нужно намного больше времени, чтобы из темноты выйти наружу, стать видимым, ощутимым, благотворным.

Внутри каждого из нас есть свое небо и ясная солнечная дорога, путь внутренней трансформации. В каждом из нас спит философ, ожидающий свою весну, делающий первые шаги к Небу и Богу, первые шаги навстречу всему прекрасному и доброму. В каждом из нас спит божественный ребенок, любящий мудрость чистой и искренней любовью; ребенок, способный удивляться неисчерпаемым чудесам жизни и задавать вопросы, которых взрослые уже не задают. В каждом из нас спит герой, способный преодолевать препятствия, падать и подниматься, умирать и воскресать, герой, бросивший вызов смерти. В каждом из нас спит мистик, который интуитивно чувствует присутствие тайны во всем, что его окружает: и в мерцании звезд, и в раскатах грома, и в узорах камня, и в шорохе листвы. Этот мистик узнает Бога и в улыбках, и в страданиях людей, ибо именно Божественное улыбается и плачет внутри нас...

«Приходит время – с юга птицы прилетают...»

О символике весенних птиц

Сергей Хромов

Весна – прекрасное утро года, она подобна заре, выводящей ясное Солнце из темных затворов ночи. Это время очищения и возрождения, восстановления мира и согласия, воскресения умерших героев. Воздух наполняется неповторимым ароматом, светлые и радостные чувства вновь просыпаются в нас, оживает природа – это значит, что пришла весна. Есть у весны и особые вестники – птицы.

Согласно славянским поверьям, на зиму улетают они в «вырей» – далекий теплый край у моря, – а весной возвращаются. В народе говорят: «Ласточка весну начинает, а соловей заканчивает». Золотые ключи, которые отмыкают лето, приносит ласточка, а ключи от вырея хранит кукушка. Осенью она улетаёт туда первой и по след ней возвращается весной.

По другим представлениям, птицы на зиму прячутся под землю или под воду, где, подобно Солнцу, уходящему в подземный мир, спят до весны. Считалось даже, что жаворонок на зиму превращается в мышь, а ласточка – в лягушку. Существует в традиции и такой вариант: зимой жаворонок улетаёт высоко-высоко в небо и находится там до тех пор, пока не блеснет первая молния и не раскроются небеса, в которые ему в это время будет позволено заглянуть.

Весна не приходит сама, ее надо призывать. Для этого в давние времена жгли священные костры, водили хороводы и пели веснянки – гимны новому Солнцу, которое спускалось на землю в образе кукушки. Пекли птичек из теста – их называли «жаворонками» (реже «куликами» и «ласточками») – и подбрасывали их вверх со словами: «Жаворонки, жаворонки,

прилетите, с собою весну принесите!» Считалось, что на Сретенье жаворонок непременно должен пискнуть, даже если рискует замерзнуть, прилетев в эту пору. Своим пением птицы помогают Солнцу в его битве с тьмой, возвещают его победу.

С незапамятных времен люди видели в крылатых созданиях не только прекрасный поэтический образ, но и священный символ. Птицы – это особые существа. Благодаря своей способности летать они менее других привязаны к земному, материальному миру. Оторвавшись от земли, они легко устремляются вверх – туда, куда вечно стремимся и мы, люди, туда, куда обращены и наши взоры и самые сокровенные мечты, – к Небу, к обители богов и героев. Человек всегда мечтал о крыльях, стремился освободиться от земной тяжести, от повседневного, преходящего, прикоснуться к вечности и обрести подлинную свободу. Мечтал попасть туда, где живет его душа, которая тоже представлялась крылатой.

В птицах человека вдохновляет многое: красота полета, легкость, быстрота, завораживающее пение, необычайная зоркость, возможность находиться во всех четырех стихиях – земли, воды, воздуха и огня.

Поднимаясь высоко над землей, птица способна видеть истинную цель, благодаря быстрому полету она успевает за мыслями богов, а значит, ей дана способность связать мир Небесный и Земной, стать проводником божественных принципов.

В символике птицы есть своеобразная двойственность. В легендах мы встречаем птицу Радости и птицу Печали, белого и черного ворона, золотого (красного) и черного петуха, птицу Дня и Ночи. Этот дуализм отражает связь Земного мира не только с Небесным, но еще и с загробным планом, который в некоторых традициях представлялся как третий мир – Подземный.

Взаимодействие между этими мирами осуществляется через превращения: боги воплощаются в птиц, чтобы опуститься на землю, а люди – чтобы вознестись на небо или сойти под землю. Иногда и богов, и людей перевозят птицы, например, мифический Гаруда, огромные орлы или грифы.

Все способности птиц и их атрибуты – перо, крылья, яйцо, гнездо и т. д. – нашли символическое отражение в мифах, сказках, поверьях, приметах и загадках всех народов. Они рассказывают как о мифических, так и о реальных птицах.

Мифические птицы часто имеют огромные размеры и несут в себе элементы других животных и человека. Так, шумерский Анзуд имеет голову льва, у славянских Гамаюна, Алконоста и Сирина верхние части туловища и голова – женские. Мифические птицы отображают древнейшие пласты предистории. Птица олицетворяет здесь природные и космические силы, выступает в роли демиурга наряду с богами или даже до их рождения (Стратим, Феникс), хранит тайны мироздания, знает прошлое, настоящее и будущее Земли и Вселенной (Гамаюн).

Самая таинственная и загадочная птица славянской мифологии – Стратим – даже не имела изображения. Она, как и индийский Гаруда, была прародительницей и владыкой всех птиц. Жила Стратим-птица посреди моря-океана – первого, изначального, как и персидский Рух, управляла ветрами и бурями, на ночь прятала под крыло Солнце, спасая его от вселенских бед, могла спрятать и Землю.

Многие космогонические мифы о сотворении Вселенной, Земли и человека утверждают, что мир произошел из яйца. Часто яйцо откладывает водоплавающая птица (гусь или лебедь). В карело-финском эпосе «Калевала» есть упоминание, что яйцо это сносит утка. По Геродоту, яйцо положено мифическим Фениксом в святилище Гелиоса. У некоторых славянских племен золотое яйцо-солнце снес огненный петух (божественный кочет), у индейцев – великий ворон.

Многие народы отождествляли Солнце с птицей. В древнем Китае считалось, что внутри

него находится золотой ворон. Легенды рассказывают, что, когда на небе появилось десять солнц, легендарный Хоу И, чтобы спасти людей, выстрелил в них волшебными белыми стрелами, и все небо и вся земля наполнились золотыми перьями. Существует миф, где говорится о птице-солнце, которая сидит на старом дубе и приносит белые и черные яйца – дни и ночи. Птицей с золотыми крыльями представляла и утренняя заря, а день представлялся хищной птицей, вонзающей когти во мрак ночи. В древних мифах Солнце ночью странствует в водах всемирного океана либо опускается в подземный мир или сражается с каким-либо хтоническим животным. Утром петух, своим пением приветствующий Солнце, провозглашает его победу над тьмой, подобно тому как весенний гром – небесный колокол – возвещает победу над зимой; утренняя роса – живая вода – дает силы новому дню.

Символику солнечного годового цикла выражает также принцип огня. «Огненные» птицы связаны с новым импульсом солнечного света. Среди них есть и фантастические: Феникс, Гаруда, Анзуд, Жар-птица, Фэнхуан, – и реальные: орел, сокол, ворон, дятел, аист, петух.

В противоборстве богов-созидателей с тьмой в самом начале борьбы им часто помогают орлы. Считалось, что орел способен долетать до Солнца, смотреть на него не мигая и соединиться с ним. Прибегая к помощи орлов или обращаясь в них, боги похищают напиток вдохновения (амриту). Так, сокол добывает сому для Индры, орел приносит Зевсу божественный нектар, верховное божество скандинавских народов Один, обратившись в орла, похищает мед. Испив этого напитка, боги обретают силу и своей огненной палицей разбивают тьму-тучу, выпускают Солнце, дают миру жизнь, запускают механизм времени.

С огненными птицами связан ряд мифов, объясняющих мироустройство, движение Солнца, небесные явления и т. п. В архаических мифах и эпосе эти птицы сочетают в себе качества демиурга и культурного героя, принося на землю огонь, помогая определенному народу, иногда являясь его первопредком. В волшебных сказках они встречаются на пути героя, выполняющего трудную задачу.

Созданный, полностью проявленный мир символизирует Мировое древо, на вершине которого сидит птица – орел или сокол, у шумеров – Анзуд. Далее располагаются животные, например олени, а ниже – змеи, олицетворяющие подземный мир тьмы, зимы и ночи. Огненная птица вступает в борьбу со змеями.

Этой борьбой, постоянным возобновлением, сменой тьмы и света задается ритм жизни, ее цикличность. В нулевые моменты цикла оживает связь с мифическим временем, с вечностью. Один из таких моментов – день весеннего равноденствия, который во многих древних культурах: в Греции и Риме, в Вавилонии и Шумере – был праздником Нового года. Новогодние обряды этих культур несут в себе элемент борьбы света и тьмы, смерти и воскресения. Весна в годичном цикле соответствует прохождению через стихию огня, что символизирует трансформацию и очищение, обновление жизни, уничтожение старого и рождение нового. Всякое творение как восстановление изначального единства, воссоединение с божественным, получение духовного импульса для созидательной активности подразумевает жертву.

Универсальным символом бессмертия, смерти и возрождения является Феникс. Эта мифическая птица, сгорая и оставаясь мертвой три дня, затем восстает из пепла.

С весенним возрождением природы связан также орел. Зимой в природе все замирает, Солнце закрывает черная туча, орел стареет и слепнет, его очи уже не мечут молнии. С приходом весны он поднимается высоко в небо, загорается грозovým пламенем и, омывшись в живой воде весеннего грозового ливня, обретает зрение и молодость. Другие сказания говорят о вороне, гнездящемся в грозовой туче и купающемся в весеннем дожде. Именно он приносит герою мертвую и живую воду.

Существует много поверий и о петухе – птице, тесно связанной с календарными циклами. В них повествуется, что когда-то земля была пуста и тверда, как камень (зима). Бог послал своего петуха, чтобы тот дал земле жизнь. Кочет снес чудесное яйцо – Солнце – и потекли реки, все зазеленело (наступила весна). Высоко на небе сидел божий кочет, вещал смертным, как и что им делать, и строго следил за соблюдением ритма жизни. Людям же надоело жить размеренно, и они попросили Бога убрать петуха. И вот кочет исчез с неба, нарушился порядок жизни, и вновь, скованная зимой, опустела земля. Поняв свою ошибку, люди стали молить о возвращении петуха, о том, чтобы с его первым криком вновь взошло Солнце.

Омывшись живой весенней водой, природа возрождается, прозревает небо, молнии разбивают тучу, и выходит Солнце. Ясное и светлое, оно часто уподобляется бело снежному лебедю, купающемуся в водах облачного моря. В русских сказках с весенним утренним Солнцем связан образ Царевны-лебедь, владеющей тайнами превращения, творения, обновления и любви. Весенние грозные облака изображались девами, льющими дожди и мечущими молниеносные стрелы, либо птицами. Лебединые девы прилетали на реку или озеро и, скинув сорочки из перьев, превращались в дивных красавиц.

Летят по весеннему небу птицы. Отрывая свой взгляд от земли, мы провожаем глазами их полет, и душа наша вновь расправляет крылья, сбрасывая сковавший ее лед и устремляясь навстречу Солнцу. Весна пришла!

Новогодняя елка **Анна Кривошеина**

«Наконец раздался высокий серебряный звон колокола, и дверь распахнулась, впуская детей в Рождество. Они остановились на пороге, застыв от удивления. Комната купалась в золотом свете сотен свечей. У стены, горделиво поднимаясь до потолка, стояла рождественская елка. Тонкие свечи мерцали на ней, будто зеленые ветви заманили все звезды зимы, чтобы осветить плоды лета, висевшие среди хвои: серебряные и золотые яблоки, бутоны засахаренного миндаля, марципановые цветы, позолоченные орехи и ягоды...» (Гофман «Щелкунчик»). Не правда ли, когда в доме появляется елка и запах хвои наполняет комнату, все вокруг меняется: в душе вновь рождается детское ощущение тайны и ожидания чего-то необыкновенного и чудесного?

Во все времена дни зимнего солнцестояния были великим праздником открытия дверей между Небом и Землей – в это время Сокровенное могло прийти в гости к человеку. Сохранившиеся предания говорят, что в полночь накануне Рождества открываются небесные врата и пресветлый рай становится зримым: «в райских садах на деревьях распускаются цветы и наливаются золотые яблоки; из райских пределов Солнце рассылет на одетую пеленой землю свои щедрые дары, и хрустальный звон небес слышен на всей земле».

В эти дни как бы сеялись семена мечтаний и идей, которые предстояло осуществить в следующем году. И фрукты, ягоды, орехи, которыми украшали новогоднюю елку, становились символическим выражением мечты о будущих плодах. Плодами этими были не только конкретные вещи: люди мечтали о любви, дружбе, умении творить и всех тех качествах, которые хотели приобрести.

В старину был такой обычай: на листках бумаги писали достоинства, которые считали особенно ценными, и выбирали из них наугад те двенадцать, что должны были помочь мечтам воплотиться. Для каждого достоинства придумывали символическое изображение, которое рисовали или вылепливали, – именно так и создавались украшения на елку.

Наряжали ее несколько дней. Сначала пытались проявить каждое достоинство, хоть

немного приблизиться к нему. Если это удавалось, на елку вешали соответствующее украшение.

Например, если человек мечтал получить дар любви, он пытался до Нового года преодолеть хотя бы одно препятствие, которое мешало ему обладать этим даром. В новогодние дни не забывали сказать близким слова нежности, доброты, а влюбленные делали друг другу подарки и делили их на две части, чтобы носить с собой весь год свою половинку. И на елку вешали изображения белых лебедей, ракушек – атрибутов богини любви. Символом дара милосердия и доброты служили колосья пшеницы – «золотые плоды» умения отдать самое дорогое. Мужество, отвага и искусство побеждать заслуживалось символической победой в каком-то одном маленьком деле, победой над самим собой. И на елку вешали изображения меча или богини победы.

Такие украшения называли «упавшими звездами». Считалось, что они падают из бесконечного звездного мира и поселяются в душах людей.

Елка была целым миром, целой вселенной, она представляла все то, что должно было вдохновлять людей в следующем году. Наряжали ее снизу вверх, а на вершине всегда горела звезда – символ вестника Неба.

В эти дни зажигали свечи и обязательно ставили их на елку. Ведь без огня, зажженного внизу, в темноте, звезды не будут знать, куда им приходиться. Земной огонь на елке подхватывал свет звезд и сам становился звездным. В Новый год, в двенадцать часов ночи, когда время замирало, все пожелания, все то, что рисовали и вешали на елку, на одно мгновение становилось уже не надеждой, а реальностью. И если человек жил этим мгновением, звезды переселялись в его душу и в его глаза. Рассказывают, что после зимнего солнцестояния можно встретить людей со звездами в глазах, несущих в себе благословение Неба.

Все это – следы очень древних обрядов. Но мы до сих пор верим, что если что-нибудь сильно-сильно пожелать, пока бьют новогодние куранты, то желание обязательно исполнится. А легенды говорят: мы сами создаем свою судьбу.

Цвет глазами души **Символический язык древнеегипетской росписи** **Ольга Гребенникова**

Наш мир похож на крутящийся цветной калейдоскоп. Рекламные щиты переливаются ультра-яркими красками, огнями всех оттенков горят витрины, разноцветные автомобили, пестрая одежда... Но почему же свою повседневную жизнь мы нередко называем серыми буднями?

В палитре древнеегипетского художника на протяжении трех тысяч лет было всего семь цветов, а похоже, что мир его был по-настоящему цветным.

В древнеегипетском языке для слов «цвет» и «сущность, характер» был один иероглиф – *iwen*. Цвет понимался как отражение истинной природы вещей, их души, а не внешнего облика. Такое восприятие цвета мы встречаем во всех областях жизни египтян. Нередко в текстах упоминается цвет как выражение сути явления, предмета. Например, «делать зеленое» буквально означает «творить добро»; «сделать красным», напротив, означает разрушение. Среди титулов фараона есть такой, как «Золотая гора». Интересно, что египтянин называл центр глаза (зрачок) «белым», хотя очевидно, что это не так. Быть может, он имел в виду чистоту и ясность взгляда?

Цветовая гамма Древнего Египта целостна. В ней нет явного предпочтения одному или нескольким цветам – каждый имеет свою функцию, свое предназначение. Символика каждого

цвета многогранна и раскрывает его значение с разных сторон.

Удивительную силу притяжения имеют древнеегипетские фрески. И она не ослабевает, а, наоборот, усиливается, когда пытаешься приоткрыть их тайну.

В **белом** цвете египтяне видели символ чистоты и святости. Именно в белых одеждах изображается Душа умершего на Суде Осириса, произносящая знаменитую Исповедь отрицания: «Я не делал худого людям. Я не был жесток с близкими. Я не подменял Правду Неправдою. Водам текущим я путь не пытался закрыть. Не потушил я огня, что гореть был назначен. Проявлению Божьему я не мешал. Я чист! Я чист! Я чист!..»

Белый цвет символизировал Душу, прошедшую через двери испытаний в этой и в той жизни и готовую к встрече с Божественным. Это образ человека чистого настолько, чтобы пропускать через себя Духовный Свет. На стенах гробниц мы видим изображение не физического облика людей, а их Ка – светящихся двойников в белом облачении. Белый не только обозначает чистоту, но и дарует очищение всему, с чем соприкасается. Особый ритуальный смысл имел белый цвет для жречества: для церемоний предназначались белые одежды и сандалии, из белого алебаstra делались многие ритуальные предметы (чаши и сосуды, каноны и столы для бальзамирования). Благодаря своему цвету в церемониях очищения и жертвоприношения использовалось молоко. Белый цвет стал обозначением освященных вещей и особого, сакрального пространства.

Город Мемфис, священный город бога Птаха, древнейшую столицу Египта, египтяне называли «Белые стены». В настенных росписях гробниц и храмов (например, в гробнице Нефертари) можно встретить фрески на белом фоне – это тоже подчеркивает ритуальную чистоту и ставит изображаемое над земной реальностью, над временем.

Белый – это цвет одежд бога Осириса, владыки мира иного, а также бога Птаха, «Ваятеля земли». В этом аспекте белый – изначальный цвет, рождающий все остальные цвета спектра, – говорит о полноте неземной власти.

Черный цвет в Египте не был противоположностью белому, как это привыкли воспринимать мы (свет и тьма – белое и черное). Строго говоря, черный не является цветом, скорее это отрицание всех цветов. Черный цвет – символ таинств мироздания, Сокровенного, которое находится за пределами нашего восприятия, а потому не может быть выражено земными средствами. Осирис, Повелитель Аменти – священной страны, царства мертвых, изображается с черным цветом лица. Он тот, кто владеет тайной смерти и нового рождения: «Именем своим, Господин Порядка всей Вселенной, ты ведешь с собою то, что есть, и то, чего еще нет; ты пребываешь во веки веков» (Книга Мертвых. Гимн Осирису).

Таинства необходимо охранять от всего, что может оказаться недостаточно чистым. Бог Анубис, страж «Священной Страны Запада», всегда изображался в виде черной собаки. Он хранитель таинств и мистерий, доступных лишь прошедшим испытания. Анубис, покровитель и защитник мертвых, встречает души умерших у дверей загробного царства и помогает им не сбиться с пути, ведет их на суд Осириса. Анубис взвешивает сердце усопшего, чтобы выяснить, будет ли оно таким же легким, как перо богини Справедливости – Маат.

Та Кемет, «Черная земля», называли свою страну египтяне. «Загадка, тайна» («айгюптос», Египет), назовут ее позже греки. Черной землей называли также плодородные почвы нильской долины после разлива. Изображения Мина, бога плодородия земель, согласно древнему ритуалу, окрашивали в черный цвет. Черный символизировал скрытое, непроявленное, содержащее семена новой жизни, как земля весной до положенного срока прячет молодые ростки: «Взгляни в Сокровенное. Каждый день Бог заботится о том, чтобы Земля узнала тайны Его сотворения» (Анхшешонк).

Проявление творческой силы Бога в мире земном отражал **зеленый** цвет. Цветок зеленого

папируса (гербовое растение Нижнего Египта – заболоченной Дельты) был символом мира, возникающего из Первичных Вод. Колонны в виде папируса поддерживали своды храмов, где каждый день ритуально повторялся акт созидания. Все сотворенное Богом несет миру благо, поэтому зеленый цвет стал синонимом понятия добра. С зеленым цветом лица изображались боги-творцы – Птах, созидающий с каждым ударом своего сердца, Хнум, ваятель людей и богов, Тот, творящий силой слова. Осирис, возродившийся после смерти и дарующий Душе человека вечную жизнь, тоже имеет зеленый цвет кожи. Есть изображения Осириса, прорастающего зелеными всходами.

Зеленый цвет – символ жизни и победы над смертью, это сама природа, возрождающаяся весной.

Символика **красного** цвета на первый взгляд кажется полной противоречий. С одной стороны – жизненная энергия, сила и радость, с другой – разрушение, опасность. Красный – цвет крови, наполняющей жизнью все существа; он символизирует жизненную силу, постоянно возобновляющуюся, неиссякаемую. Красным всегда изображался солнечный диск – зримое воплощение бога Ра: «Ты плывешь по небу, и каждое лицо видит тебя и путь твой изо дня в день. Лучи твои на всех лицах. Красные лучи твои не могут быть познаны, сияющие лучи твои не могут быть описаны словами» (Папирус Ани). Ра дарует свою животворную силу и благословение всему на земле, мир существует благодаря его любви, проявленной в солнечных лучах.

С символикой красного цвета связана также богиня Исида. Ее одежды рисовались темно-бордовым цветом. Исиду египтяне называли «оком Ра». Она олицетворяет Божественную Мать, Мать Мира. Исиду почитали во многих странах Средиземноморья, а в христианстве ее образ воплотился в Деве Марии, Богородице, укрывающей своим покровом весь мир. Исида – богиня-защитница, оберегающая живущих на земле и умерших. Она часто изображалась на саркофагах.

Красный цвет – это огонь. Огонь может согреть и давать жизнь, а может быть беспощадным, уничтожающим все на своем пути. Красный – символ борьбы, трансформации, разрушающей старые формы, чтобы дать место для развития новых. Он ассоциировался с «Красным богом пустыни» Сетом, богом необузданных сил природы – бури, грозы. Красной краской писались имена змея Апопа, опасных духов и опасных дней в календаре. Начиная со времен Древнего царства тела мужчин расписывались красно-коричневой краской. Цвет не копирует оттенки кожи, символически он говорит о жизненной силе, о необходимости борьбы добра со злом внутри самого себя и в мире.

Красный цвет может представляться противоположностью зеленому: это созидание и разрушение, добро и зло. Но на самом деле эти два цвета дополняют друг друга, как день и ночь, жизнь и смерть являются двумя сторонами единой Жизни. Их гармоничное звучание вместе говорило о всеобщем порядке, справедливом и благом.

Другая пара дополняющих друг друга цветов – желтый и синий – уносит нас совсем в иные сферы.

Желтый (золотой) цвет ассоциируется со светом, сиянием звезд. Золото благодаря своей неизменности стало символом вечного, всего того, что не подвержено земному времени, что имеет высшую ценность. Из золота изготавливались маски для мумий, чтобы душа могла получить новую, нетленную плоть и существовать вечно. Желтыми всегда изображались тела богов.

«Золотой богиней» называли египтяне Хатхор – богиню любви и гармонии. Не ее ли позже греки назовут Золотой Афродитой?

Хатхор – любовь божественная, любовь, связывающая воедино вселенную, благодаря ей

движутся звезды и растут цветы на земле. В образе священной коровы шествует она по зарослям тростника, указывая путь заблудшим душам. На своих рогах она поднимает на небо Солнечного младенца. Она дает душам умерших испить воды, тем самым даруя им новую жизнь. Хатхор – «женского сердца Владычица», душа каждой женщины принадлежит ей. Не потому ли еще со времен Древнего царства тела жриц и знатных дам расписывались светло-золотистой краской?

Синий – цвет небес, космического пространства, предвечного океана Нуна. Лазурит – синий с золотыми крапинками драгоценный камень – ассоциировался с небом, наполненным звездами. Небесный свод египтяне представляли в образе богини Нут. Нут – владычица небесных светил, путешествующих по ее телу. Каждое утро она рождает молодое Солнце и проглатывает звезды, на закате же она проглатывает Солнце, и вновь являются миру звезды. Нут изображалась в виде темно-синей женской фигуры, покрытой золотыми звездами. Она склоняется над землей, ее руки касаются западного горизонта, как будто зовут души вернуться на свою небесную родину: «Даю тебе силу, чтобы ты мог улететь, чтобы мог подняться к небу и стать сияющей звездой на Востоке» (Тексты пирамид).

Очень часто потолки храмов и гробниц синего цвета и расписаны звездами – как напоминание душе о ее небесном происхождении, о Бесконечной Вселенной, с которой она должна слиться: «Я войду в светящееся пространство, и полечу мимо Духа-хранителя Земли, и буду подниматься по пути света, ведущему вверх, и доберусь до своей Звезды» (Тексты саркофагов).

Синий – символ глубоких воспоминаний, символ Вечности, символ традиции. Синими всегда изображались парики богов. Синие парики надевались на фараона и царицу во время церемоний как указание на их божественное происхождение.

Синий цвет посвящен также богу Амону – «Скрытому», неведомому. Амон вдыхает жизнь во все существующее, он «душа всех вещей», он подобен свежему дуновению воздуха, глотку прохладной воды. Амон всегда с теми, кто «помещает его в свое сердце». Синий небесно-голубого оттенка – цвет божественного начала, пронизывающего весь мир.

С **голубым** цветом ассоциируются воздух и вода. В египетской мифологии это два первичных элемента, благодаря которым рождается жизнь. В росписях гробниц часто можно встретить изображение человека, пьющего из источника, или струи воды, ниспадающие с небес. Вода освобождает душу от оцепенения, очищает ее и дает ей новое рождение. Вода и воздух могли символически изображаться как Анк – ключ жизни. В церемонии отверзания уст Хор держит голубой Анк у носа фараона, открывая ему дыхание жизни. Струи воды могли быть представлены «льющими» Анками. Голубой цвет – символ небесного благословения, причастия.

Один из любимейших цветов древних египтян – **бирюзовый**, удивительный цвет, сочетающий в себе качества небесно-голубого и зеленого. Пер-Рамсес, столицу Египта эпохи Рамессидов, называли «городом бирюзы», поскольку бирюзовой эмалированной плиткой были отделаны стены зданий. Из бирюзы и фаянса изготавливали амулеты и украшения, ритуальные предметы и сосуды для благовоний. Каждая принцесса перед замужеством совершала паломничество на Синай, к священным месторождениям бирюзы и малахита. Нередко бирюзовыми делали скарабеев. Египтяне считали, что скарабей самовозрождается, катя перед собой навозный шарик, заново создает сам себя. Скарабей становится символом возрождения, очистившейся молодой души. Его ассоциируют с молодым утренним Солнцем – Хепри. Скарабея бирюзового цвета часто клали в саркофаг, заменяя им сердце умершего. Оперение бирюзового цвета имеет священная цапля Бену, сотворившая себя сама на заре мира. Ба, душа человека, изображалась в виде ласточки с бирюзовыми крыльями, что указывало на

способность души вновь и вновь становиться молодой и сильной, поднимаясь к небу. Бирюза и ее символический заменитель – голубой египетский фаянс говорили о вечной молодости, о причастности к небесному источнику вдохновения, о силе любви, которая, наполняя душу, дает ей крылья, возрождает.

Древний Египет как никакая другая цивилизация древности создает впечатление вечности и целостности. Природа Египта – просторы неба и земли, огненный диск Солнца, огромная медленно текущая река, горы с плоскими вершинами, пальмовые рощи, заросли папируса и цветы лотоса – дарила искусству мотивы и формы, служила источником вдохновения. Но за красотой внешних форм древнеегипетский художник видел гораздо больше. Для него весь мир был огромной книгой, которую можно читать бесконечно, книгой о Боге, о пути человека к Богу. Можно считать глупым или наивным, что небо художник представляет в виде золотой коровы или что жука почитают как символ бога Солнца, однако жителям страны священного Нила не была свойственна наша логика.

Современный человек пытается понять мир путем измерений и расчетов; он разбирает его на части, анализирует. И все же Вселенная хранит для нас не меньше загадок, чем для людей древности. Египетский художник жил, мыслил и чувствовал символами, образами и полными поэзии метафорами. «Драгоценный камень и цветок лотоса, лягушка и цапля, лодка и пирамида волновали душу египтянина, поскольку через них он ощущал встречу с бесконечностью. Все низшее указывает символически на нечто высшее, каждый фрагмент – на целое, и все преходящее, в конечном счете, является только рассказом о Вечном» (М. Луркер «Египетский символизм»).

Именно религия определила особенности древнеегипетского искусства; таинственное, сокровенное, оно было обращено не столько к миру земному, сколько к миру богов, к иной, высшей реальности. Росписи египетских мастеров – яркий пример того, как архетипальные идеи, универсальные принципы природы могут быть изображены в зримых образах через метафоры, поэтические сравнения и непосредственно символический язык, пришедший в Египет из неведомых далей истории человечества.

Ушел ли в небытие символический язык цвета вместе с загадочной страной Кем, или он продолжает жить? А может быть, язык символов – это язык самой природы, и куда существует этот мир, язык символов не станет мертвым языком. Четыре тысячи лет – не такой уж большой срок. Все так же Солнце восходит на востоке и заходит на западе, те же звезды мерцают нам с вышины, люди рождаются и умирают, любят и мечтают, ищут свой путь. Искусство Древнего Египта – послание, говорящее с нами языком символов, универсальнейшим из языков, потому что его всегда готово понять наше сердце, если мы будем достаточно чисты и открыты. Для того чтобы начать понимать искусство Древнего Египта, не обязательно знать название и ритуальное назначение каждой детали. Важно лишь одно – постараться увидеть. И может быть, нам чаще станут сниться цветные сны.

Живые орнаменты кельтов

Татьяна Чернышева

...Тонкие линии причудливо переплетаются, одна фигура переходит в другую, и нет им конца, и нет им начала. Только примешься вглядываться в замысловатый узор, как невольно попадаешь в таинственный, загадочный мир, где царят совершенно другие законы: фантастические птицы встречаются с драконами, сказочные деревья соседствуют с веселыми дельфинами. И очень хочется разгадать эту загадку и трепетно нести в себе как залог связи между прошлым и настоящим, между реальным и нереальным...

Кельтские орнаменты. В них много поэтического, много на первый взгляд детского и наивного, но если приглядеться – как все тонко и изящно, рассчитано до мельчайших деталей, как точны и как мудро выстроены образы!

Историки и искусствоведы давно пытаются найти корни кельтского искусства. Существует множество гипотез о его происхождении, но нельзя не заметить очевидную связь кельтских орнаментов с орнаментами восточных стран (Индии, Тибета) и славянскими узорами. Что это – случайность или закономерность? Следы ли это одного народа, пронесшего свою культуру через огромные расстояния, или простое совпадение? Хочется верить, что не совпадение. Хочется верить, что древние люди, назовем ли мы их ариями или как-то по-другому, в разных формах пытались донести простые, универсальные знания, мудрость, истинную для всех.

Древние кельты верили, что человеческий дух – это частица мирового Духа. Что через множество жизней, смертей и возрождений человек проходит путь к божественному совершенству. Каждый путь – особенный, каждый путь – неповторимое переплетение событий, судеб, испытаний и преодолений. Кельтские орнаменты – это символические карты Пути. Законы кельтов строго запрещали совершенствовать или менять ключевые детали орнаментов: считалось, что их дали боги. Но, с другой стороны, это не мешало мастерам проявлять врожденный дар творчества.

Каждый орнамент составлен из отдельных узлов. Каждый узел создается из отдельной нити – нити жизни. Нить жизни, нить орнамента нигде не прерывается, она переходит из одного элемента в другой, а потом, образовав множество переплетений, возвращается обратно. Это символ непрерывности и связи всех вещей во вселенной.

И неслучайно один из самых древних кельтских символов – лабиринт. Кельтские лабиринты – это отображение человеческого пути, они ведут к центру – духовному началу, которое присутствует во всем. Много позже английские и ирландские монахи использовали подобные орнаменты в ранних христианских рукописях, указывая таким наглядным способом дорогу тем, кто идет по духовному пути.

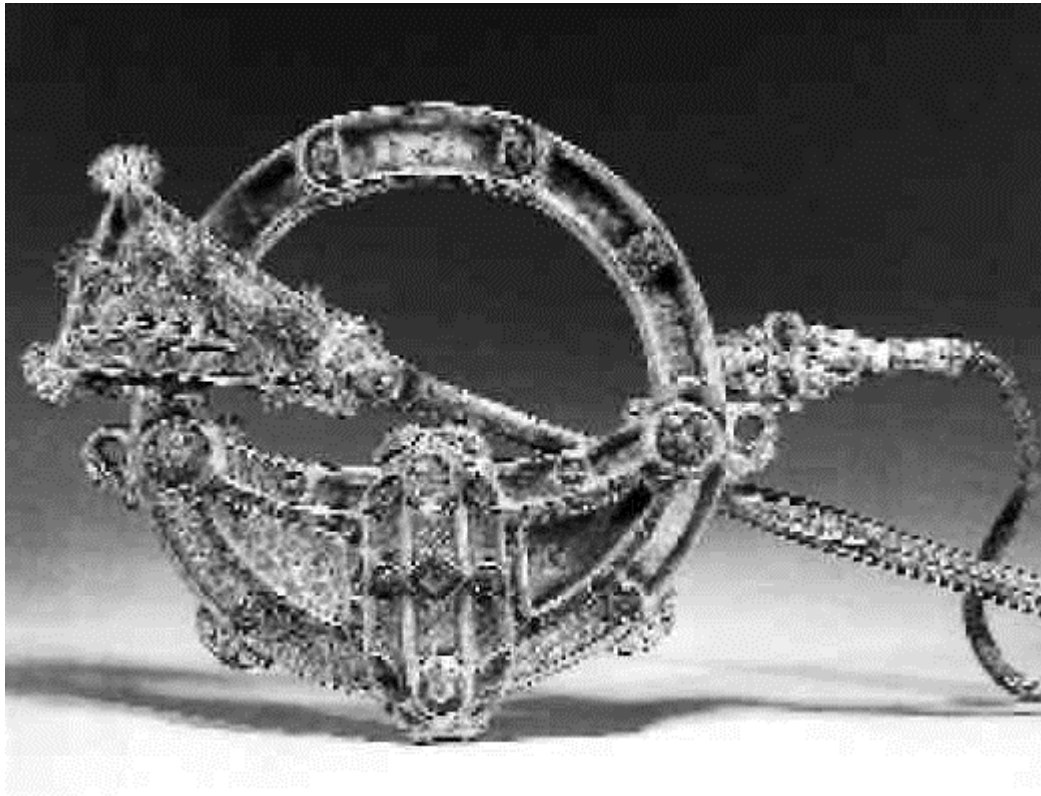
Кельтский крест имеет во многом похожее значение. Крест – символ универсальный, он встречается во всех культурах. Отличие кельтского креста – окружность вокруг центра. Это возможность создания гармонии, вселенского порядка только там, где есть соединение Земного и Небесного, где есть точка встречи. Это вообще отличительная особенность мировосприятия кельтов. Для них не существовало противоположностей, которые исключают друг друга. Нет только черного или белого, нет только добра или зла, но есть и то, и другое одновременно. Человек, в понимании кельтов, не только живет в этом, реальном мире, но и находится в мире Ином, нереальном. И символы Иного мира помогают человеку продвигаться по пути земному. «Для греков спираль – это спираль, а лицо – это лицо, и всегда ясно, где кончается одно и начинается другое, в то время как кельты „видят“ лицо в спиральных или завитках... Это похоже на сны, когда контуры предметов размываются, и одни вещи плавно перетекают в другие», – читаем в книге М. Диллона и Н. Чедвика «Кельтские королевства». И еще: круг с точкой в центре – это древний солнечный символ. Всякое соединение, всякое пересечение есть источник духовной силы, огненный центр, обладающий способностью рождения и возрождения.

Трискел.

Иллюстрация из Келлской книги, одной из кельтских рукописей.

Серебряная позолоченная «брошь из Тары», украшенная золотой филигранью, янтарем и разноцветным стеклом. Найдена в Бетти-стоуне (Ирландия). VIII в.

До сих пор в полях Ирландии, Шотландии или Уэльса, лучше всего, как считается, сохранивших свои кельтские корни, можно встретить одинокие каменные кресты, полностью покрытые замысловатыми кельтскими узорами.

Еще один древний символ объединения мы находим в Ирландии – знаменитый ирландский трилистник. Это тоже символическое изображение креста, только состоящего из трех лучей. Это древний символ троичности, соединения земного, человеческого и небесного. Когда-то давно святой Патрик, прибыв на ирландскую землю, объяснил язычникам с помощью листа клевера великий принцип Троицы.

Удивительно, но лишь в Ирландии христианизация прошла очень тихо. То ли все дело было в миролюбивом характере Патрика, то ли в том, что христианские представления о Троице полностью совпали с пониманием троичности у древних кельтов, ведь еще задолго до трилистника существовал символ, называемый *трискел* или *трискеле* (в переводе с греческого *tri* – «три», а *skelos* – «кость, нога»). Он изображался в виде трех бегущих ног, исходящих из одной точки, и символизировал равновесие и гармонию с природой, а также переплетение трех стихий: Огня, Воздуха и Воды. Позже он стал изображаться не в виде ног, а в виде спиралей, образующих в центре треугольник. В разных вариантах такой символ встречался у крито-микенцев, этрусков, древних японцев и народов Гималаев. Но везде он передавал один и тот же смысл – гармонию всех элементов вселенной и неудержимое движение вперед, движение в бесконечность, которое и есть жизнь, которое и есть настоящая радость. Трискел иногда так и называют – символ Радости.

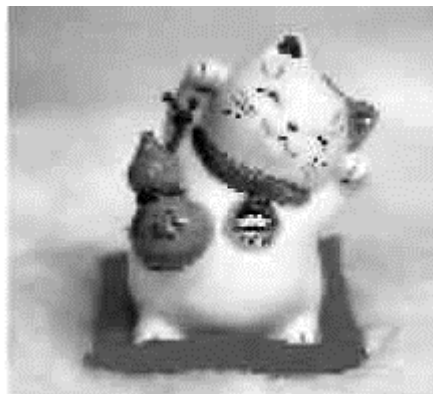
Кельтские орнаменты не только были символическими вехами пути, но и могли отражать реальные события. Это своего рода летопись о жизни отдельного человека или целого народа. Мастер, создавая узор в ознаменование какого-либо подвига, мог заложить в орнамент не только «запись» о том, сколько героев приняли участие в событии, каков был их путь, но и о

том, кто, какие силы помогали или препятствовали героям. Однако, прежде чем создать узор в камне или на бумаге, мастер выкладывал его из простой веревки, словно моделируя свою мысль, а уже потом тщательно переносил на подходящий материал.

Птицы, часто встречающиеся в орнаментах, – это небесные посланники, символ свободы, символ духа, освобожденного от земных связей и общающегося с небесными силами. Возвращаясь на землю, они приносят весть богов – прорицания и указания. Птицы помогают смертным в их духовных и земных путешествиях. В кельтской традиции ворон – птица реальных предзнаменований; голуби – птицы духовной жизни, любви и духовной гармонии; утка – мост, соединяющий живительные силы земных вод с океаном небесных сил; цапля – птица бдительности.

В местах, где жили древние кельты, вдоль берега моря стоят камни со стилизованными изображениями дельфинов, посвященных богине Негаленнии, «Указывающей Путь». Как богиня-покровительница она дает защиту путнику и на земных дорогах, и на дорогах небесных. Ее силы воплощены в дельфинах, воронах и собаках. Дельфины – проводники души через воды Океана к Священному Осту. Вороны говорят о великих таинствах, связанных с опасностями этого перехода. А собаки – символ верности, защиты на Пути. Собаки защищают Путь и Путника...

Кошка, приглашающая счастье **Надежда Нестеренко**

Давным-давно, когда Японией правили могущественные сегуны, к западу от Токио находился небольшой и очень бедный буддийский храм. Настоятелю с трудом удавалось сводить концы с концами на скудные пожертвования, но все шло к тому, что храм придется закрыть.

Как-то вечером, сидя в компании своих кошек, настоятель обратился к ним с вопросом: «Что же нам делать? Как нам спасти храм?» Но кошки ничего ему не ответили, а просто продолжили умываться и заниматься своими кошачьими делами. Ведь кошки отвечают на вопросы совсем не так, как мы.

И вот некоторое время спустя дождливой темной ночью мимо обветшавшего храма проезжал отряд самураев. Застигнутые непогодой, они искали место для ночлега. Могущественный дайме, возглавлявший отряд, вдруг увидел сидящую за воротами храма кошку – ему показалось, что она приглашала воинов войти. Дайме остановил свою лошадь и пригляделся.

А надо сказать, что японцы, чтобы привлечь чье-то внимание или позвать кого-то, не

машут рукой в свою сторону, как это делаем мы. У японцев ладонь поднятой полусогнутой руки направлена вниз, и они делают пальцами волнообразное движение. Движения умывающейся кошки очень похожат на такой жест.

Удивленные воины спешили и направились к храму. Оттуда вышел настоятель и пригласил их войти. Внезапно началась ужасная гроза, и самураи очень обрадовались тому, что так удачно нашли прибежище в храме. Настоятель приготовил для них чай, извиняясь за убогость своего жилища. Воинов потрясли его доброта, просветленность и образованность. И спустя некоторое время правитель провинции Оми Ии Наотакэ из Хиконе – а это он возглавлял отряд самураев – прислал в дар храму щедрые пожертвования...

Эта история стала широко известна, и на ее основе было создано множество народных сказок и легенд. А кошка с поднятой лапкой, а то и с двумя сразу стала маленьким символом счастья, который сейчас можно встретить в Японии повсюду.

Их зовут манэки-нэко. В переводе с японского «нэко» – это «кошка», «манэку» – «манить, приглашать», а в сочетании эти два слова означают «кошка, приглашающая удачу, благосостояние и счастье». Обычно кошек с поднятой правой лапой изображают для привлечения богатства и удачи, а с левой – для привлечения друзей или покупателей (если она стоит в магазине) либо того и другого сразу.

Манэки-нэко раскрашивают в разные цвета, чтобы привлечь разную удачу. Считается, что пятнистые – белые с рыжими и черными пятнами – приносят наибольшую удачу (наши трехцветные кошки тоже пользуются такой славой), белые символизируют чистоту, черные отгоняют злых духов, красные также являются охранными и отгоняют болезни, золотые притягивают благосостояние, а розовые приносят удачу в любви.

В лапе манэки-нэко иногда держат золотую монету кобан, использовавшуюся в эпоху Эдо, а на шее у них висит колокольчик.

А легендарный храм существует по сей день. К Западу от Токио находится железнодорожная станция Готоку, недалеко от которой и располагается храм Готокудзи. После щедрых пожертвований и поддержки влиятельного дайме храм стал процветать. Позже, когда та самая кошка отошла в свой кошачий иной мир, ее похоронили на монастырском кладбище и даже поставили надгробие. С тех давних пор это место стало широко известно как приносящее удачу. И сегодня многие приезжают сюда, чтобы оставить маленькую фигурку кошки в надежде, что манэки-нэко поможет и им.

Врата Небесного Спокойствия

Ольга Сизова, кандидат психологических наук

Перемены то и дело входят в нашу жизнь, нарушая ее привычный порядок, и мы не всегда

им рады. Но нет ничего постоянного непостоянства, говорили древние китайцы, ведь жизнь есть вечное движение, постоянные изменения. Причем происходят они не случайно, а по определенному закону. Согласно легенде, пять тысяч лет назад император Фу Си описал этот закон в «Книге Перемен» И-Цзин. В ней в виде гексаграмм (фигур, состоящих из шести черт, непрерывных либо один раз прерванных) представлены все последовательные изменения, которые вместе образуют полный цикл развития любого процесса, явления, государства, человека. Поскольку внешние изменения неразрывно связаны с внутренними причинами, вызвавшими их, – сами гексаграммы образованы двумя триграммами (фигурами из трех черт): одна относится к внешней жизни, другая – к внутренней. Верхняя линия каждой триграммы символизирует Небо, нижняя – Землю. Что же символизирует средняя?

Небо _____

? _____

Земля _____

Посередине, между Небом и Землей, находится Человек, живущий под Небом. (Поэтому в древности китайцы дали своей стране имя *Поднебесная*.) Человек призван связывать земное и небесное, проводить законы Неба на Земле. Но осуществлять это может не любой человек, а совершенный, или, как говорят в Китае, благородный муж. Самый совершенный из совершенных – император, сын Солнца. Именно он гарантировал, что при всех изменениях воля Неба неизменно будет осуществляться на Земле.

Поэтому все указы императора провозглашали у Врат Принятия Небесного Мандата, *Чэнтяньмэнь*. Их построили в Пекине в 1417 году. Но через 40 лет в них ударила молния. Возможно, так Небо дало понять, что его не очень хорошо «слышат». Сгоревшие ворота восстановили лишь через семь лет, в 1464 году. Во времена смуты, когда пала династия Мин, их сожгли уже люди. В 1651 году при династии Цин врата вновь восстановили, и они обрели новое имя, под которым известны сейчас: Врата Небесного Спокойствия, *Тяньаньмэнь*. Они отделяют Запретный Город, куда не допускался ни один простой смертный, а только высшая знать, от площади, где располагался административный центр и где вершились судьбы людей и всего государства. Это самая большая площадь в мире, даже в те времена на ней могли находиться до одного миллиона человек.

Недалеко от ворот течет речка, которую называют Рекой Золотой Воды или Нефритовой Лентой. Ее берега соединены пятью белыми мраморными мостиками. Число «пять» – священное в Поднебесной: пять сторон света, пять элементов, пять движущих сил Вселенной. Гармония возникает, когда эти пять элементов сбалансированы.

Поэтому неудивительно, что Ворота открывают дорогу к императорскому дворцу – Павильону Высшей Гармонии. Там совершались все важнейшие церемонии: празднование дня рождения императора, коронавание, возведение на престол, празднование Нового года, зимнего солнцестояния.

Каждый год в день зимнего солнцестояния император направлялся для принесения жертв в храм Неба, а в день летнего солнцестояния – в храм Земли. Церемониальный выезд совершался через ворота Тяньаньмэнь. Если император отправлялся в поход, то перед вратами совершали жертвоприношения и устраивали молебствия.

Ритуалы сопровождали почти все дела в Поднебесной и помогали жить в гармонии с Небом. А это было очень важным для всех китайцев, от императора до простого крестьянина. И конечно, оглашение указа императора тоже сопровождала особая церемония. Перед надвратной башней оборудовалась специальная площадка для оглашения указов. Все старшие чиновники

выстраивались лицом к северу возле мостиков через канал Золотой Воды и преклоняли колени. В Китае стороны света символизировали пространство и светила. В соответствии с этим на востоке Пекина стоял храм Солнца, на западе – Луны. За южными воротами города находился храм Неба, а за северными – храм Земли. Таким образом, чиновники становились спиной к Небу и лицом к Земле. Ведь указ должен был выполняться именно на Земле. Мостики, у которых они опускались на колени, символизировали связь Неба и Земли.

Когда все были готовы, министр церемонии выносил указ императора на деревянном подносе, имевшем форму облака, ведь указы попадают на Землю прямо с Небес. Поднос ставили на паланкин, украшенный изображениями дракона. В Китае дракон – дух изменения, а следовательно, и дух самой жизни. Этот паланкин подносили к башне, поднимали наверх, и чиновник вслух зачитывал его. Затем текст указа вкладывали в клюв позолоченного деревянного феникса, символа радостных свершений и доброго предзнаменования, и птицу опускали на площадь.

Другой чиновник принимал феникса и ставил его на паланкин, который уносили в министерство церемоний. С этого момента указ принимал силу, с него снимали множество копий и рассылали по всей стране.

Таким образом, церемония обеспечивала поддержание равновесия Неба и Земли. В Поднебесной перемены встречали торжественно. Китайцы знали, что мир и гармония достигаются именно благодаря переменам. Но толь ко тем, которые совершаются в соответствии с высшим законом. Чтобы удержать равновесие Дао в Поднебесной, они стремились двигаться *вместе* со всей Вселенной. Ведь, как известно, наша Земля, наша Солнечная система и Галактика даже в буквальном смысле постоянно движутся к какой-то неведомой нам цели, а вместе с ними движемся и мы.

Что рассказала Гигиеня Татьяна Роменская

Как сохранить здоровье?

Вопрос этот задавал себе каждый. Но абсолютного ответа на него современная медицина не дает. Неудивительно, что все чаще мы обращаемся к «традиционной» медицине, подразумевая, как правило, медицину народную. А если заглянуть еще дальше, во времена легендарные и мифологические? Что нам подскажут боги?

В древней Греции не существовало больниц в нашем понимании, а были асклепийоны – лечебницы при храмах, названные по имени бога медицины Асклепия. Мифы донесли до нас рассказы о великом врачевателе и его детях. Среди дочерей и сыновей Асклепия мы видим и Телесфору – гения выздоровления, и Панацею, отвечающую за лекарственное лечение, и Иасо, богиню исцеления. Однако старшая дочь Асклепия Гиги́ея была просто... богиней здоровья. Все, что связано с этой богиней, – мифы о ней, ее атрибуты и символы – хранит в себе огромный опыт человечества, бесценные знания о том, что такое жизнь и что такое смерть, что такое здоровье и что такое болезнь.

Самое распространенное изображение Гиги́еи – с чашей, из которой она кормит змею. Обратимся к символике ее атрибутов.

Змея. Почти во всех традициях змея – символ тех богов, которые обладают ясновидением и мудростью. В Греции змея является священным животным богини мудрости Афины. Есть изображения Афины в образе Гиги́еи, и наоборот, на некоторых монетах найдены изображения Гиги́еи с атрибутами Афины. В асклепийоне афинского Акрополя была найдена статуя Афины-Гиги́еи. Она олицетворяет принцип справедливой войны за здоровье как свет и гармонию на всех планах. И если Асклепий начинает действовать, когда порядок нарушен, то Гиги́ея поддерживает порядок-закон, который царит первоначально.

Змея символизирует также и очищение. Подобно змее, которая сбрасывает старую кожу, человеку необходимо отбрасывать старую, закосневшую личность и возрождаться новым и чистым существом.

В ряде эпосов змея изображается с травой или цветком, приносящим бессмертие. Так, например, в вавилонском эпосе «Поэма о Гильгамеше» змея похищает у Гильгамеша цветок бессмертия.

Яд змеи может быть лекарством, а может нести смерть. С этим связан один из основных принципов медицины – мера.

Чаша. Чаша представляет сосуд с исцеляющими средствами природы в широком смысле этого слова.

В античной мифологии боги пили из чаши напитки бессмертия. Чаша с небесным напитком встречается и в других мифах, в которых она иногда принимает форму рога, символа изобилия. В скандинавской мифологии этот же рог служит символом здоровья, передавая людям божественную силу. По-видимому, такое же значение небесного напитка, сообщающего здоровье, имеет чаша и рог Асклепия и Гиги́еи.

Греческая чаша без ножки, фиал, использовалась в различных ритуалах. Именно с ней обычно изображалась Гиги́ея. Она изготавливалась из дорогих металлов и украшалась изнутри изображением лепестков лотоса, символа жизни.

Особый вид чаши для измерения уровня воды в Ниле изображается на голове у бога Сераписа. Это символ гармонии, ведь, чтобы Нил давал жизнь, воды в нем должно быть не много и не мало, а столько, сколько нужно. Так же и на всех планах человека должна быть соблюдена мера: не больше и не меньше.

Богиня Гиги́ея – божество, которое символизирует принцип здоровья как гармонии на всех планах, которой мы учимся у Природы, живущей по божественным законам. Несоблюдение этих законов, разлад между человеком и Природой – главная причина всех болезней. Поэтому основным принципом, свойством Гиги́еи была чистота. Только благодаря чистоте на всех планах: физическом, энергетическом, эмоциональном и мыслительном – человек может оставаться здоровым и выполнять свою жизненную задачу.

Янус Елена Косолюбова

Традиция украшать двери домов венками, оказывается, происходит из древнего Рима.

В древнем Риме за праздник Нового года и за последующий январь (оттуда и название!) отвечал древнейший и самый загадочный из богов – Янус двуликий, страж всех ворот и дверей, в том числе дверей года. Январь и его первый день считались священным временем, когда бог Янус, в давние времена правивший людьми, снова ненадолго возвращается к нам.

Имя Януса производят от *janua* «дверь» и *janus* «проход», но возможно, что, наоборот, эти слова произошли от имени бога.

Когда-то он научил людей строить города и прокладывать дороги, жить в содружестве друг с другом и уважать законы Вселенной. Он снова приходит – единственный день в году, – неся с собой воспоминания ушедших времен и возможность на мгновение заглянуть в будущее. Он приходит, чтобы снова учить людей делать свои дела с совершенством, как это было в далеком золотом веке. Поэтому в первые дни января считалось важным в символической форме делать то, чем будешь заниматься весь год, как бы закладывая модели своей будущей жизни.

Словно бдительный страж порога, Янус следит, чтобы в новый год не прошло ничего недостойного. Он ждет на пороге времени, ждет шага, который сделает человек, чтобы открыть дверь, перешагнуть порог – и оказаться в будущем. Перейти в новый год – еще не значит быть пропущенным Янусом. Можно просто стать на год старше. Но можно пройти двери Януса, которые во все времена означали возможность перемен. И раз в году каждому человеку давалась возможность изменить свою жизнь, начать по-новому.

И как напоминание об этой великой мудрости древних к нам пришли венки, которыми римляне в эти таинственные и волшебные дни украшали двери своих домов, чтобы помнить о дверях Януса. Потому что круг-венки напоминает о том, что в жизни бывают моменты, когда встречаются прошлое и будущее. Достаточно открыть дверь, перешагнуть порог... и произойдет чудо.

Сампо
Ольга Сизова, кандидат психологических наук

Далеко на севере, там, где смыкаются земля и небо, лежит холодная «страна дна» – Похьела, иной мир. Для ее владычицы, старухи-колдуньи Лоухи, кузнец Ильмаринен из Калевалы, «родины героев», выковал волшебную мельницу Сампо. Выковал за то, что Лоухи отдала ему в жены свою дочь и отпустила домой его друга, мудрого Вяйнемейнена. Так рассказывают руны (народные песни) карело-финского эпоса «Калевала». Борьба за Сампо – один из его центральных сюжетов.

Одно Сампо уже было в Похьеле, но оно куда-то подевалось, и Ильмаринену надо было выковать *новое* и обязательно сделать цветистую крышку «из пушинки лебединой, из кусочка веретенца, и из молока коровы, и из ячменя крупинки». Интересно, что эти символы встречаются во многих мифах (не только северных), рассказывающих о сотворении мира.

Задача оказалась непростой. Только на седьмой день, и то с большим трудом, с пятой попытки – после лука, который каждый день просил жертвы; лодки, которая без нужды рвалась в битву; коровы, которая все время спала и пускала молоко в землю; плуга, который пахал чужие поля, – Ильмаринен смог выковать Сампо. И из жерновов чудо-мельницы потекли рекой мука, соль и деньги – и для питания, и для продажи, и для припасов. Настоящий рог изобилия, источник благополучия и богатства!

*Новое уж мелет Сампо,
крутится узорный купол...*

Крылья мельницы крутятся вокруг оси – небесный свод со звездами вращается вокруг своей оси, Северного полюса, Полярной звезды. А значит, «узорный купол» – само звездное небо! Когда-то в стародавние времена Ильмаринену уже приходилось ковать небесный свод. Потому и цветистая крышка Сампо ему удалась так хорошо.

Элиас Леннрот, собравший народные финские песни-руны в одно произведение «Калевалу», полагал, что слово *Сампо* произошло от русского «сам бог». А может быть, *Сампо* происходит от санскритского Скамбха: в древнеиндийских ведах есть гимн Скамбхе, «в которой заключена земля, атмосфера, небо, огонь, луна, солнце и ветер... Скамбха сохраняет небо и землю. В Скамбху входит все сущее».

Древние руны рассказывают, что герои Калевалы, похитив Сампо из Похьелы, смогли довести до своей земли только осколки волшебной мельницы, так как в пылу борьбы на море она раскололась на кусочки. Но и от этих осколков море стало богатым, земля плодородной, растения обрели силу роста, а животные – потомство; солнце, луна и звезды начали давать свой свет земле. А цветистая крышка Сампо досталась хозяйке Похьелы, и та унесла ее в свой мир.

Части Сампо есть в Похьеле, в море и на земле людей. А целиком оно не принадлежит ни одному миру. Наверное, и не должно. Может, поэтому и надо было ехать в далекую Похьелу,

чтобы выковать Сампо: там находятся «ворота», связывающие разные миры. Кстати, финно-угры верили, что где-то на крайнем севере есть дыра, проход в нижний мир, а над дырой, упираясь верхним концом в Полярную звезду, стоит мировой столб или мировое дерево, с которыми Сампо также отождествляют.

Сам верховный бог Укко вмешался в борьбу между людьми и силами мира иного. Он напустил на море ветры, и те перевернули лодку героев Калевалы. Космическая возрождающая сила Природы не может принадлежать никому, но благодаря ей существует и постоянно обновляется мир в своем вечном движении, вращении, возрождении. И потому периодически надо создавать новое Сампо, новый мир. Космический закон жизни связан со сменами циклов, эпох, эр. И то, что Сампо получается только после пятой попытки, неслучайно: миф указывает на определенный этап развития человечества, определенную эпоху.

С появлением Сампо в Калевале началась уже не мифическая, а человеческая история, стала развиваться культура. В рунах говорится, что в Сампо заключены «пахота и посевы», которые символически связаны не только с земледелием, но и с самой идеей творения, зарождения жизни вообще, постоянного возрождения и обновления.

Посеянные в землю семена содержат закон будущей жизни – *как* будет расти и *что* вырастет. Что нужно, чтобы зерно проросло? Нужны солнце, вода и земля, почва, то есть условия, в которых жизнь будет развиваться. Во всем есть «зерно», хранящее в себе смысл, причину и цель, предназначение, заложенные Природой, Небом. А в Сампо заключены не только «пахота и посевы», но и «сила *всяческого* роста». То есть то, что пробуждает, приводит в движение тот закон, который заключен как зародыш будущей жизни в зерне.

Импульс жизни, что он хочет от нас? Ведь сила жизни, роста, развития и возрождения проявляется во внутреннем мире человека, точно так же как в Природе. От чего зависит наше *возделывание* и наш *урожай* ?

Колокольный звон **Анна Сейфулина**

Колокольный звон... Этот звук можно услышать в самых разных местах: и за стенами древнего монастыря, и высоко в горах при входе в буддийский храм, и на площади европейского города у здания ратуши. Даже в суеете современного мегаполиса, наполненного грохотом машин и многоголосицей толпы, этот звук останавливает, словно приподнимает над шумом, над повседневностью.

Есть в колокольном звоне нечто такое, что властно захватывает нас, даже помимо нашей воли, затрагивает не только эмоции, но и более глубокие, сокровенные струны души. Психологи и физики строят самые разные модели, чтобы понять механизмы этого воздействия. Диапазон звучания колокола очень велик, он включает частоты, которые неспособно воспринять человеческое ухо; фактически мы воспринимаем этот звук не только ушами, а всем своим существом. И не только мы: на колокольный звон отзывается вся природа, даже камни – когда в храме звучит колокол, все здание вибрирует в резонанс, словно единый организм...

Литье колоколов всегда было таинством. Дело даже не в «рецептуре», хотя, конечно, у мастеров были свои секреты. О колоколе говорили как о живом существе, при рождении ему давали имя. Когда отливали колокол, при этом обязательно присутствовало духовенство, стояли с обнаженными головами. Новый колокол обычно несли к колокольне на руках...

К чему такая церемониальность? Чему призваны служить литые великаны? Зачем звонит колокол?

Колокольный звон – это всегда зов.

На Руси колокол всегда призывал людей в храм, на встречу с Богом. Величественный звон колоколов, который невозможно не услышать, побуждал человека вырваться из круговерти земных забот, чтобы обратиться к вечному, к Небу.

Особенно торжественен звон на колокольне, когда производится во все колокола, что бывает в большие праздники. А наиболее торжественный из всех – когда звонят в «красные» колокола, самые красивые, благозвучные.

В Москве в ночь под Пасху «красный звон» совершался по особому, старинному обычаю. Все московские церкви ждали, пока ударит громадный Успенский колокол Ивана Великого. Гул его первого удара перекатывался с кремлевского холма за Москву-реку и разливался далеко вокруг. Вдали, подобно эху, отзывался колокол Страстного монастыря, и затем уже разом начинали гудеть колокола всех «сорока сороков» московских церквей. Звуки, дробясь и переливаясь среди торжественной тишины ночи, постепенно наполняли город радостным, величавым звоном. Этот «язык неба» лучше всего было слушать с высоты Воробьевых гор.

Но не всегда колокола звонили радостно. Возвещая о нашествии, о мятежах, о пожарах, голоса их звучали тревожным всполохом или набатом. При эпидемиях, неурожаях и прочих бедствиях в колокола звонили непрерывно. А в последний земной путь человека сопровождал трезвон (когда все колокола перебираются поочередно друг за другом), возвышающий душу своей светлой печалью.

Не только Русь – и Китай, и Япония, и Монголия, и Тибет полны перезвоном колоколов и колокольчиков. Особенно колокольчиков – они здесь повсюду: в доме, в храме, у ворот, в руках шамана, предсказывающего будущее...

На Востоке колокольчики и многоголосье их звонов всегда были символом очищения.

В восточной традиции мир представляется как единое целое, где все связано, все зависимо друг от друга: различные существа и предметы, человек и природа, человек и предметы – и все пронизано энергиями. Чистые энергии взаимодействуют чисто, не нарушая законов природы. А если где-то в системе взаимосвязей возникает конфликт, раздражение, обида, злость – нарушается чистота и гармония целого. В этом тонком кружеве связей и взаимопроникновений колокольчики своим серебряным перезвоном приводят энергии в резонанс, очищают от дисгармоничных влияний и дают возможность чистому голосу природы и Неба пронизывать все без препятствий.

В Китае колокольчики играли важную роль в ритуалах, к которым здесь всегда относились особенно. Из колокольчиков *чжон* создавали наборы, подбирая их по размеру и по форме. Такие колокольчики были безъязыкими, из них извлекали разные звуки, ударяя в центр или по бокам.

Тибетский высокогорный монастырь всегда обнесен оградой из веревок, протянутых между колышками и увешанных колокольчиками. В землю воткнуты высокие шесты, потемневшие от солнца и дождя; легкие разноцветные полотнища с начертанными на них словами молитв выплели, но ветер читает молитвы и несет их к вершинам Гималаев, где обитают боги. А потревоженные им колокольчики звенят, создавая непреодолимую преграду для демонов.

В Японии о приходе Нового года возвещают 108 ударов колокола, доносящиеся в полночь из храмов. Здесь считается, что человека обременяют 108 забот или грехов; с последним ударом колокола все они уходят в прошлое, и новый год начинается «с чистого листа»...

Колокольный звон – это зов. Зов иного мира, поднимающий нас над обыденностью. Это таинственная музыка природы, изливающаяся в голосе металла призывом к чистоте, гармонии, согласию. Это призыв отбросить все лишнее, настроиться в резонанс с величественным звучанием природы и Неба.

Колокол звонит для нас. Давайте прислушаемся...

Из истории геральдики Юлия Кужель

История гербов началась много тысяч лет назад. Каждое племя или род почитало своими заступниками различных животных или птиц: медведей, орлов, волков, оленей и др. Их изображали перед входом в жилище, на стенах, их брали на охоту и на войну. Считалось, что они приносят удачу и защищают от бедствий, поскольку являются проводниками божественной силы. Это и были первые известные нам родовые символы, так называемые тотемы.

В Древнем Египте символы сопровождали всю жизнь человека и имели очень большое значение в жизни государства. Например, имя фараона или знатного человека заключали в особую рамку-картуш, тем самым открывая для него путь к вечности. Физическое уничтожение подобного изображения несло тому, кому оно принадлежало, полное забвение. Так наносили самый страшный вред врагам.

Символические покровители – божества в образе животных – были и у древнеегипетских городов: бык в Мемфисе, корова в Дендере, баран в Элефантине, сокол в Эдфу.

Подобная традиция существовала и в Древней Греции. Символом Афин была сова, Коринфа – Пегас, острова Родос – роза. Их изображения встречаются на монетах и печатях. Многие греческие герои имели также личные символы.

Все древние цивилизации имели в традиции священные изображения, которые сопровождали все важные исторические события.

Вообще говоря, никто до сих пор не знает, когда появились изображения, которые мы сейчас называем гербами. Само слово «герб» (*herb, erb, irb*) имеет славянские корни и переводится как «наследство». В западноевропейских языках мы встречаем другое значение. Французское слово *armes*, английское *arms*, немецкое *Wappen* переводились двояко: «гербы» и «оружие».

Ключевой точкой в истории гербов стали знаменитые крестовые походы XI–XIII веков. 24 ноября 1095 года множество людей дали обет папе Урбану II освободить Гроб Господень в Святой земле от мусульман. Символом того, за что сражались эти люди, стали кресты, нашитые ими на одежду, – поэтому их называли и крестоносцами.

С этого момента использование крестов получило массовый характер – они служили в походе или в бою знаком, по которому узнавали воина. Средневековые воины по примеру воинов древности стали изображать свои гербы на щитах, плоская поверхность которых идеально для этого подходила. Но, как кажется, главная причина подобного расположения герба не в этом. Ведь щит защищает воина в битве физически, а герб символизирует духовную защиту, одновременно указывая на то, за что сражается рыцарь. Самые первые гербы были очень просты и делили поле щита на четыре части с помощью креста – главного символа этой двухсотлетней войны.

Эта традиция – изображать на гербах святыни рода, города или государства – сохранялась довольно долго. Гербы, заслуженные в сражении и пожалованные государем, становились наследственными и передавались из поколения в поколение. Любые нарушения моральных или других законов пятнали святость родовых или государственных символов и считались великим позором. А захват вражеских геральдических знаков считался подвигом и значил даже больше, чем разгром вражеского войска.

В эпоху расцвета рыцарских турниров (XIII–XIV вв.) пропуском на турнир служил именно герб. Его разбирала комиссия герольдов, и на основании ее решения рыцарь либо

допускался на турнир, либо нет.

Со временем гербы очень распространились и усложнились. Появилась необходимость в том, чтобы упорядочить и узаконить правила их построения. Так появилась наука о гербах – геральдика (от ср. – век. лат. *heraldus* – «глашатай») – и ее особые представители – герольды.

Символика в русской традиции

Огонь в печи

Татьяна Чамова

Из всех новогодних открыток я больше люблю те, на которых изображена утопающая в снегу избушка с вьющимся из трубы дымком. Я всматриваюсь в нарисованное, горящее ярким светом окошко... и попадаю в бабушкин дом, наполненный самым уютным на свете уютом, самым теплым на свете теплом, самой нежной на свете любовью, какие бывают только в детстве.

Зимнее утро. За белыми занавесками постепенно светлеют окна. Еще витая в утренних снах, я слышу: скрипнула дверь. Дохнуло свежестью. Тихие бабушкины шаги, стук дров, сваленных у печки. И тишина, та особенная тишина, в которой происходит что-то очень важное. Я жду... Вот наконец-то послышался такой знакомый звук наступающего дня – веселый треск разгорающихся поленьев! Дом наполняется теплом, запахом горячей смолы и дымка. Мерцающие блики от первых язычков огня уже бегают наперегонки по стенам и потолку – это проснулась печка.

Русская печь... Никакие музеи и никакие рассказы не могут передать того родного и глубокого чувства дома, которое пробуждается в душе, когда разгорается огонь в печи. Ведь для русских людей она всегда была символом очага, семьи, любимым персонажем сказок. Без печи нет избы. Да и в самом древнем слове *изба* заложено то священнодействие, которое совершается у очага: оно образовалось от санскритского *tap*, «жар», «тепло», «топиться», через старинные формы *истба*, *истопка*, *истопник*, *истопить*.

Сложить хорошую печь для дома было делом ответственным. Хорошие печники, как и плотники, были народом непростым. Если хозяева не нравились, они могли сложить печь так, что, как бы жарко ее ни натапливали, хлеба в ней не выпекались, либо была она угарная или жаркая да жадная, требующая много дров. Кирпич для печи делали особенный, из специальной глины, как сказали бы сейчас, экологически чистый; соединяли кирпичи тоже глиняным раствором. Настоящая русская печь должна быть большой, красивой и миловидной, с карнизами и печурками, чтоб гляделась в избе как невеста, – так говорили печники.

Печь в бабушкином доме казалась мне живым существом, доброй, теплой и веселой хозяйкой, похожей на бабушку и маму. У нее были глаза – небольшие углубления, где сушили рукавицы, и большой улыбающийся рот – устье, которое закрывали железной заслонкой, когда печь топили. А за устьем находилась таинственная обитель Огня – большой «зал», который имел под (кирпичный пол) и высокий свод. Печь была настолько велика, что внутри нее мог поместиться человек. В середине «зала» складывали крест-накрест поленья, как для костра, и, открыв заслонку трубы, зажигали огонь, приговаривая: «Святой огонушек, дайся нам!» Была примета: если, зажигая огонь, суетишься, оглядываешься, то за нарушение должного благоговения пламя выйдет из печи и зажжет избу. И уж совсем недопустимо было ругаться при огне, бросать в него мусор, грязь. Очаг требовал от людей целомудрия. Человек, знавший

за собой вину, уже не мог приближаться к родному очагу, пока не совершит искупительного обряда.

За подом печи, на котором разводился огонь, тщательно ухаживали, выметая его особым чистым веником или тряпочкой. С помощью ухватов вокруг огня на под ставили чугушки с кашей, картошкой, щами. Пока печь топилась, готовилась еда. Хлеба или пироги пекли уже после того, как прогорят дрова. Из печи вынимали все чугушки и выгребали все угли на загнетку – пространство перед устьем. После того как под выметали, на него с помощью деревянных лопат сажали хлеба. Устье плотно закрывали заслонкой, и печь начинала свое таинство.

Удивительная, особенная тишина царила в доме, когда его постепенно наполнял душистый аромат горячего хлеба, а вместе с ним тепло – и еще что-то, чего не объяснишь словами, что-то вечное и надежное, то, о чем твоя душа знала всегда. Лица людей в доме казались еще роднее и ближе, их глаза начинали светиться любовью и теплом, голоса становились тихими и ласковыми. В такие минуты бабушка обычно рассказывала о давних временах, о своей жизни в родительском доме, все вспоминали случаи, когда удавались самые лучшие пироги. По каким-то неуловимым, таинственным признакам определялось, что они готовы. Тогда открывали заслонку и доставали румяные, жаркие, ароматные пироги! Их рассматривали, как новорожденное дитя, дивились и радовались пышности и пригожести. Когда пироги ставили в печь, всегда загадывали на то, как они поднимутся: если высоко, значит, хорошо все будет в семье, будет удача и лад.

Помните сказку об Иванушке, которого Баба Яга на лопате отправляла в печь? Оказывается, был на Руси такой обычай, так лечили больных детей: ребенка сажали на лопату и три раза заносили в печь (конечно, не прямо в огонь). Это называлось «перепекать» младенца, после этого он считался заново рожденным. Печь сравнивали с материнским лоном. Об удачливом и счастливом человеке говорили, что он в печи родился.

Семья и огонь очага были связаны единими узами, одним родством, одним жизненным началом. Когда в доме рождался ребенок или когда умирал кто-то, открывали заслонку печной трубы, веря, что именно через печную трубу приходят и уходят души людей. В свадебном обряде, когда создавалась новая семья, отец невесты трижды обводил ее вокруг родной печи, а в доме будущего мужа молодой хозяйке положено было, сидя на лавке у очага, съесть отломленный кусок хлеба, вступив тем самым под покровительство духов дома своего мужа.

Печь – это душа дома, святыня и алтарь любви. Пока в ней теплится огонь, пока исходит от нее живительное тепло, есть семья, продолжается жизнь. Зажигая огонь в печи, человек каждый раз совершал великое таинство – заключал символический брак между божественным огнем, завещанным предками, и матерью-печью. Эта великая любовь согревала душу и тело, лечила лучше любых лекарств и защищала надежнее любых замков, помогала человеку с рождения до смерти.

Все, что есть в доме, создано любовью и держится на любви. Самые простые предметы: лавки, стол, вышитые полотенца из приданого хозяйки, пучки летних трав на стене, каша в чугушке, колодезная вода в рукомойнике – все несет в себе эту частицу тепла, все живое, все пахнет домом.

На Руси гостеприимный дом называли хлебосольным, в таком доме на столе всегда стоял покрытый полотенцем хлеб и рядом солонка. Русская печь имела прямое отношение к этому обычаю. Считалось, что человек, вступивший под домашний кров, попадает под защиту и покровительство богов домашнего очага. Его усаживали на почетном месте на лавке у печки или в красном углу под иконами, кормили всем лучшим, что есть в доме. «Кто сидел на печи, тот уже не гость, а свой». Плодородие и приход гостя определяли по одной и той же примете:

если из затопленной печи вдруг посыпались искры или выскочили горячие угольки – жди гостей! Не принять гостя означало нарушить святыню Огня, покровителя дома. Известный собиратель русских сказок и исследователь традиций А. Н. Афанасьев писал: «В народе существует убеждение, что странник, вкусивший нашего хлеба-соли, уже не может питать к нам неприязненных чувств, а становится как бы родственным нам человеком: „хлеб-соль не бранится“, „хлеб-соль не пропустит зло!“. Верят, что вместе со странником является сам Господь испытывать мирское милосердие. Говорят: „гость в дом – Бог в дом“ и „не гоните Бога в лес, коли в хату залез“, то есть не прогоняя гостя». Если тебе дан дар огня в очаге, ты должен передать его тепло всем, кто в этом нуждается.

Печь уходит в песни, предания, в сказки и легенды. Мы прощаемся с ней, но остается человек и его душа, остается потребность зажигать и хранить огонь, тепло души, родного дома, чтобы не прерывалась связь, чтобы жила любовь...

Магия жизненного круга **Ирина Хаустова**

Современный человек относится к сказке как... к сказке, то есть тому, чего в жизни не бывает. Однако были времена, когда она служила руководством к действию в повседневной жизни людей.

В это, конечно, верится с трудом. Ну, в самом деле, кто будет давать жениху целую серию *трудных задач*, способных превратить сватовство в сражение «не на жизнь, а на смерть»? Или после свадьбы устраивать невесткам настоящий экзамен, как в сказке о Царевне-лягушке? Помните, царь требует от невесток за одну ночь испечь каравай белый да пышный, а в другую соткать ковер из шелка и золота. И печет Царевна-лягушка чудо-каравай, изукрашенный узорами мудреными: по бокам – города с дворцами, садами да башнями, сверху – «птицы летучие», снизу – «звери рыскучие». А уж ковер и вовсе на диво вы шел – целый мир сотворила на нем умелица! Или сказка «Морской царь и Василиса Премудрая»: в ней уже Иван-царевич должен по велению морского царя за одну ночь поле вспахать, рожь посеять, да чтобы за ночь выросла она так высоко, чтобы галка могла схорониться, «да чтоб все вызрело, да муку смололи, да хлебы выпекли»; в другую ночь должен он построить дворец и мост хрустальный, чтоб «к рассвету на седьмой версте на море стояло царство золотое и чтоб оттуда до нашего дворца сделан мост золотой».

Ясно, что без волшебства герои с такими непростыми заданиями не справляются. Но даже в тех случаях, когда героиня просто на продажу тклет полотно и потом шьет рубашки всем на удивление, делается это за одну ночь и приводит к изменению судьбы героев. При этом созданная вещь проходит почти полный жизненный цикл. То, что в жизни требует длительного времени, порой не зависящего от человека, в сказке спрессовывается – начало и конец сближаются до одной ночи, дня, может быть, суток, и происходят чудеса, казавшиеся нереальным осуществляется.

А теперь совершим прогулку по Москве. В начале Остоженки с левой стороны два Обыденных переулка, 1-й и 2-й, направляясь к Москве-реке (а в давние времена к стенам Белого города), упираются в 3-й Обыденный переулок. Любимая нами старая Москва с ее обычными, заурядными, будничными, одним словом, типичными московскими переулочками... Название свое они берут от церкви во имя Ильи Пророка, или Ильи Обыденного. Летопись говорит, что в 1612 году «князь Дмитрий же Михайлович с своей стороны ста у Москвы-реки, у Ильи Обыденного». Тогда это была деревянная церквушка, сейчас стоит каменный храм XVIII века. Почему же Илья Обыде' нный? Почему заурядный, будничный, повседневный? Но

попробуем переставить ударение на один слог: «Обыденный» – и смысл изменится. В толковом словаре В. Даля найдем значение: «однодневный, одноденный, суточный, в один день сделанный». Храм действительно построили за один день, уповая на чудо, в надежде прекратить жестокую и длительную засуху, которая свирепствовала в конце XVI века.

В те давние времена верили, что замкнутый жизненный цикл обладает особыми свойствами, особой силой.

На Руси, как отмечает известный этнограф и языковед Н. И. Толстой, были распространены особого рода житийные фольклорные произведения – песни, связанные с полной мучений жизнью на земле льна, конопли. Мы знаем эти песни: «А мы просо сеяли, сеяли...», «Уж я сеяла, сеяла ленок...» – пока вставшие в хоровод девушки пели песню, кто-то в середине круга изображал весь жизненный цикл льна от посева до изготовления изделия, когда лен «мучили»: мяли, драли, топтали, сучили, пряли, ткали и так далее. Такие песни, по представлениям, могли прекратить засуху, вызвать дождь. В некоторых областях те же песни известны как отгонные заклинания, заговоры от болезни и как календарные обрядовые песни.

Магия завершеного жизненного цикла, *жития* растений и вещей лежит в основе и целого ряда ритуальных и обрядовых действий. К ним в первую очередь относится изготовление обыденных предметов: рубах, полотенец, крестов, церквей. Этнограф Д. К. Зеленин описывает собранные в конце XIX – начале XX веков остатки этих обрядов. Использовались они против мора и эпизоотий. Все происходило в глубокой тайне: несколько девушек или пожилых женщин собирались ночью в одной из изб деревни ближе к окраине, каждая приходила с куделью льна. Они дружно, но в глубоком молчании принимались за работу: пряли лен, сновали основу, ставили кросна и ткали полотно. Когда полотно было готово, все жители выходили за деревню и обходили ее кругом. После этого на том месте, с которого вышли, раскладывали небольшой огонь из щепок или лучинок, принесенных с каждого двора. И пока две девушки держали полотно над огнем, все жители проходили через эти «ворота» и проносили детей и больных, а при необходимости и скот. (Изготовленное полотно могли прибить к дороге, со стороны которой ждали болезни и мор, по нему могли прогонять скот.) Затем полотно сжигали в том же огне, а иногда и все орудия труда, использовавшиеся при изготовлении полотна. Так что от него не оставалось никаких следов – полотно было таинственным образом изготовлено и так же таинственно исчезало. Перед войной или призывом в армию таким же способом делалась рубаха, и все уходившие из деревни мужчины проходили через эту рубаху, оставляя на себе ее защитные свойства.

В более позднее время в новгородских и московских землях появился обычай строить обыденные деревянные церкви. Как и при изготовлении обыденных рушников, при возведении церкви важна была полнота и завершенность всего технологического процесса. Его «спрессованность» во времени придавала необходимую сакральность и магическую силу. Изготовление полотна начиналось с сучения ниток и кончалось шитьем рубахи или полотенца, а строительство храма начиналось с рубки деревьев в лесу и кончалось освящением его и службой.

Все, что было создано таким образом, обладало необыкновенной чистотой, так как почти не сходило с рук человека и ничто грязное и злое не могло осесть на изделии. И в силу своей чистоты оно обладало способностью взять на себя все зло.

В этих обрядах в той или иной форме воплощен мотив спрессованной жизни человека, растений, вещей, то есть выражения магии жизненного круга, его полноты и завершенности, его сжатого воспроизведения в ритуально ограниченном отрезке времени. Необходимо было слить начало и конец работы в том же временном промежутке. Если посмотреть на совершавшиеся в нем действия, то это прядение, плетение, навивание основы, тканье – все, что

символически связано с судьбой и с упорядочиванием мира, творением космоса.

Обряды эти почти исчезли из нашей жизни, остались лишь отголоски. Но сказка каждый раз напоминает нам, что чем меньше времени пройдет от того момента, как мы, воодушевившись, взялись за какое-то дело, до его завершения, тем больше у нас шансов на успех. Ведь сработает магия сближения начала и конца, меньше будет сомнений и чище помыслы. Это непросто и потребует напряжения душевных сил, но обязательно принесет успех.

Когда расцветает папоротник

Татьяна Чамова

Начало лета... Благословенная пора! Солнце входит в полную силу и наполняет жизнью, гармонией, светом и радостью человека и окружающий его мир. В это время мы особенно чувствуем связь с матерью-природой, ее теплоту, животворящую силу любви. Кажется, что каждый день разгорающегося лета – это праздник, дарованный нам свыше, а каждый миг этого дня может открыть человеку тайнства жизни, любви, красоты и гармонии.

Для наших древних предков-славян, тонко чувствовавших природу, ее циклы и поворотные точки, период летнего солнцестояния и его преддверие были наделены особым магическим смыслом. В пору, когда земледельцы отсевались и начинались свободные дни и теплые, наполненные благоуханием трав ночи, наступало время праздников и обрядов в честь Лада – божества любви и весны. У славянских народов этот праздник продолжался целый месяц, с 25 мая по 24 июня, и до сих пор у нас по деревням в эту пору поются песни с именем Ладо в припевах. Почитали славяне и женское светоносное божество Ладу (Живу). Ее можно сравнить с греческими Герой и Афродитой или Исидой египтян. Женские божества у славян связывались со стихией воды. Их поэтически красивые образы и имена – Леля, Дана, Девана – дошли до нас в обрядовых песнях.

Открывалась пора летних праздников Семицкой (Троицкой) недель. В народе ее еще называют «Зелеными Святками». Истоки ее скрыты в глубинах славянской языческой древности, а может, и не только славянской, так как подобные обряды совершались в это же время года и в странах Западной и Восточной Европы, в Древней Греции и у римлян. Главным символом этих праздников было срубленное деревце, на Руси – береза. В славянских песнях береза всегда символизирует Ладу – богиню любви, гармонии, брачных уз и красоты. И сейчас церкви и дома в это время украшаются ветками берез, полы устилаются душистыми травами... После праздника эти травы собирали и весь год использовали как талисманы, обладающие целительной силой. Семик – преимущественно девичий праздник. Девушки целыми деревнями отправлялись в священные рощи, на берег реки завивать венки, «играть» песни и пировать. Вслед за тем начинали водить хороводы, сопровождавшиеся особыми обрядами, посвященными «березке-березоньке», устраивали гадания, бросая на воду венки, играли с парнями в «горелки» и «уточку».

Продолжались летние праздники (летицы) «русальной» недель. Существовало поверье, что славянские нимфы и наяды – русалки, живущие по берегам рек и источников, – в это время выходят из воды, убегают в поля и заводят там игры, купаются в росе, качаются на ветвях, расчесывают свои длинные волосы; травы в лугах, где играют русалки, становятся целебными, а урожаи на полях – обильными. Народное поверье предостерегает: горе человеку, который прельстился их красотой, услышал сладкозвучное пение – ему весь мир и сама жизнь будет не в радость; но если девы сами прельщают человека, то заботятся о нем, обучают всяким наукам.

Рядом с чествованием богини природы и любви Лады совершались обрядовые игрища-гульбища, посвященные языческому божеству Яриле, который символизировал

солнечную плодотворящую, мужественную силу, как Тур у словаков или священный Апис у египтян. Он представитель силы могучей, удали богатырской, веселья молодецкого, страсти молодой-разгарчивой – всего, что передает животворящему лету весна. В белой епанче сидит он посадкой молодецкой на белом коне; на русых кудрях его возложен венок цветочный, в левой руке у него горсть ржаных колосьев; ноги у Ярилы босые. Разъезжает он по полям-нивам, рожь растит. В Ярилины празднества происходило «смотрение невест». Гуляния заканчивались проводами Ярилы – одновременно и проводами весны. В играх и хороводах молодые парни и девушки отождествляли себя с почитаемыми божествами любви и гармонии и готовились к самому важному летнему празднику – торжеству в честь Солнца, достигшего полного проявления своих творящих сил, его поворота на зиму.

Праздник этот носит языческое название Купало и совпадает с празднованием православной церковью дня Иоанна Крестителя (24 июня). Следы праздника, подобного купальскому, но не обязательно совпадавшего с ним по времени, сохранились с древнейших времен у многих народов – у римлян (праздник Весты и Цереры), в северных странах (в честь Бальдура), в древней Германии, в Англии, у датчан, финнов. У западных славян это празднество, называемое Сobotка, так укоренилось, что на протяжении веков на пространстве в несколько сот верст вечером 23 июня горы Судетские, Корконоши и Карпаты казались пылающими. Зажигание костра было главным обрядом этого праздника, для этого пользовались только «живым» огнем, добытым трением дерева о дерево. После ритуального добывания живого огня новый огонь старались разнести по домам.

Многие купальские обряды посвящены солнцу и огню. В праздник Купалы спускали с холмов горящие колеса – образ солнца, скатывающегося с «верхушки года», поворачивающегося на зиму.

Обычно празднество начиналось с того, что накануне, 23 июня, в день Аграфены-купальницы, все юноши и девушки купались в реке, после купания надевали венки из душистых трав и перед заходом солнца собирались на горке, обязательно над рекой, раскладывали и зажигали костры и, став кругом в хоровод, пели песни. Потом, взяв в руки куклы, изображающие мужчину и женщину и украшенные лентами и венками, парень с девушкой прыгали через огонь. Перепрыгнув, они бросали в воду изображения, из которых мужское называли Купалом, а женское – Мареной. После этого бросали в воду и свои венки. Купало и Марена символизируют светоносное мужское начало и женское водное начало («царь-огонь» и «царь-водица»). Соединение этих двух начал было кульминационным моментом праздника. Этот «священный брак» важнейших природных сил рождал творящую Любовь и новую Жизнь, и в этот день он имел власть надо всем в природе: горящее обрядовое колесо, спускавшееся с горы, должно было погаснуть, только коснувшись воды.

Праздник Купалы – праздник торжества природы. По народным поверьям, и солнце три раза останавливается на Иванов день, и птицы, и звери, и деревья, и цветы радуются.

Этот день был очень значим у славян и в отношении семьи. Юноши и девушки, во время праздника Лады составлявшие хоровод, должны были в эту пору соединиться браком. Купальские песни – песни свадебные. Как купание, так и прыжки через огонь – обряды брачные, и у славян-язычников, видимо, они были тем же, чем позже – венчание. Во многих славянских песнях брошенный в воду венок означал окончание девичества.

Купальский костер и купальская вода имели священную, очистительную силу. Даже в более позднее время, когда самый глубокий смысл этого обряда был забыт, через костер пропускали домашних животных, с помощью головешек от костров окуривали дома от болезней и напастей; прыганье через костер, считалось, спасает от сорока злых недугов.

Чудесным и таинственным значением наполнены купальские дни и ночь, их разделяющая.

Считалось, что в Иванову ночь травы набирают наибольшую чудодейственную и целебную силу. Из числа таких трав особенным уважением в народе пользуются купальница (желтоголов) и иван-да-марья. Этот цветок – символ самого праздника, живое соединение двух противоположных начал – огня-света и воды. Во время праздников крестьяне парились на этих целебных цветах в банях, чтобы смыть с себя худобу и болезни. В купальскую ночь и роса обладает целебной силой; в ней купаются, чтобы сохранить здоровье, поят ею коров, чтобы они давали больше молока.

Только раз в год, накануне Купалы, в самое опасное время – полночь – расцветает на мгновение «златоогненный» цветок папоротника. Человек, сумевший найти его, обретает самое большое сокровище на свете. Что это за сокровище? Купальская ночь хранит свою тайну. До нас дошли лишь сказания о людях, получивших способность видеть все спрятанные в земле клады, понимать язык зверей и деревьев.

Но достичь этого непросто. Ведь на пути отважившегося – в древних мифах таких людей называли героями – встают подчас непреодолимые препятствия. Сказки говорят о «нечистой силе» – колдунах и ведьмах... Но тот, кто найдет в себе силы, преодолет непреодолимое, совершит невозможное, тот найдет цветок папоротника...

Каждое мгновение этого таинственного времени несет в себе, казалось бы, несоединимое – доброе и злое, страшное и радостное, живое и мертвое, разрушительное и созидательное. Для человека купальские дни – время возможностей, выбора, испытаний. Как стать мудрее? Как найти настоящие сокровища, дарующие счастье, любовь, жизненные силы, не прельститься зыбкими чарами водяных дев и подземных кладов? Ключ к этим загадкам лежит в глубинах древних купальских таинств и обрядов, священный смысл которых мы пытаемся осознать.

Убить дракона Легенды о Георгии Дмитрий Зубов

*Московский герб: герой пронзает гада.
Дракон в крови. Герой в луче. – Так надо.*
М. Цветаева

Юноша на белом коне

Эта история началась очень давно – почти 17 веков назад. Тогда, в 303 году от Рождества Христова, знатный каппадокийский юноша по имени Георгий, занимавший высокий пост в римской армии, был подвергнут пыткам и казнен за проповедь христианского учения...

А может, все началось гораздо раньше, в тот самый день, когда на берегу озера увидел Георгий плачущую принцессу? Покорная судьбе, она с ужасом ожидала, когда из бурлящих вод вылезет отвратительный дракон и унесет ее, как происходило это раньше с ее подругами. Благодарные жители долго потом рассказывали своим детям о том, как явился на белом коне отважный воин в золоченых доспехах, сошелся в смертельной схватке с драконом и, повергнув чудовище, освободил их страну от страшного бедствия.

А может, все началось еще раньше?.. Или эта история вовсе не имеет возраста, как не имеют его вечные понятия добра, справедливости, мужества? Первые жизнеописания Георгия отвергают факт мученической кончины и причисляют его к святым, чьи деяния известны больше Богу, нежели человеку. Для Георгия смерть – лишь точка перехода в иную реальность, в мир, где его ждет бессмертие, где подвиг становится достоянием вечности. Там его ожидают и другие герои – победители драконов.

Мотив победы над змеем или драконом известен с незапамятных времен. Древнеегипетский бог Ра каждую ночь сражается с огромным змеем Апопом, олицетворяющим всех врагов Солнца. Аполлон в Греции восславлен как освободитель Дельфов от власти чудовищного змея Пифона. В скандинавской традиции популярен миф о битве отважного героя Сигурда с драконом Фафниром. Все эти сюжеты объединяет извечная тема победы добра над злом, справедливости над коварством, жизни над смертью.

И все же у Георгия Победоносца особая судьба. Он явился в самом начале новой эры, когда человечество особенно остро нуждалось в Герое, способном вдохновить целые народы. Миру необходим был символ, который на протяжении столетий мог бы давать импульс зародившейся цивилизации. Легенды о славном воине, обрастая все новыми подробностями, дошли до наших дней в виде бесчисленных литературных произведений, живописных полотен и икон, его деяния стали излюбленным сюжетом народных песен, сказов, былин. Образ святого великомученика Георгия не оставил равнодушным ни одно поколение людей, из века в век заставляя заново осмысливать его значение.

Понимание символа тесно связано с характером, жизненным опытом, внутренним миром человека. Он рождается и живет не в легендах, рассказах или притчах, а в душах людей. Если мы хотим, чтобы нам приоткрылось значение символа, мало только видеть, знать и ощущать. Важно по-настоящему прожить его, сделать так, чтобы он стал частью судьбы, нашим вторым «я». Георгий покровительствует тем, кто готов сражаться вместе с ним.

Небесный покровитель

Благородный юноша на белом коне быстро покорила сердца народов Запада и Востока, стал воплощением идеала для воинов и правителей. Рыцари-крестоносцы видели его в своих рядах при штурме Иерусалима. Ричард Львиное Сердце верил в особое расположение к себе Георгия и вручил ему судьбу своего государства.

Русские князья, следуя примеру византийских императоров, избрали святого Георгия своим небесным покровителем. Начиная с X века во всех уголках Руси возводятся храмы, посвященные Георгию, основываются города и монастыри. Имя Георгий становится популярным. Вместе с именем перенимаются и нравственные качества. Для князей принятие покровительства Георгия Победоносца было равносильно принятию на себя его функций. Это побуждало не только вести борьбу с внешними врагами, но и быть для своего народа

защитником правды, гарантом справедливости. Постепенно образ святого Георгия на Руси стал отождествляться с образом великого князя, царя. Всадник с копьем или мечом («ездец») на русских монетах и печатях вплоть до XVIII века воспринимался всеми как изображение Государя. И только в 1710 году Петр I поставил все на свои места.

В своей записке о российском гербе Петр указывает: «Сие имеет начало свое, когда Владимир монарх российский свою империю разделил 12 сынам своим, из которых Владимирские князи возымели сей герб св. Егория, но потом царь Иван Васильевич... орла за герб империи российской принял, а княжеский герб в груди оного поставил». С этого времени образ Георгия Победоносца официально утверждается в качестве герба Москвы.

Рассказывает геральдика

Жизнь отдельных людей и целых государств немислима без стремления к идеалу. Чем выше идеал, тем труднее его достичь. Он не всегда может быть осуществим, но призван служить людям путеводной звездой. Среди форм, наиболее полно отражающих идеалы государства, выделяется его геральдический символ – герб. Какие же идеалы отражает герб Москвы?

Геральдика – дисциплина точная. В гербах не бывает случайных деталей. Здесь все: форма щита, изображение, цвет – исполнено глубокого внутреннего смысла. Красный цвет фона говорит о любви, мужестве, великодушии; синий плащ воина обозначает честность, верность, целомудрие; белый цвет коня дает представление о чистоте, благородстве, правдивости. Фигура всадника символизирует умение подчинять себя высшей Воле, говорит о стремлении направлять все свои усилия и помыслы к достижению поставленной цели. «Конь этот – явление не стихийной, а сознательной, зрячей силы», – отмечает Евгений Трубецкой в своем описании святого Георгия. Красота и величие идеала государства заставляют его жителей по-другому смотреть на свое место в жизни, побуждают искать в себе все новые и новые силы, чтобы встать вровень с ним. В образе Георгия Победоносца на протяжении всей истории русской культуры звучала идея духовной мощи, бескорыстного служения, нравственного подвига. Дни почитания святого стали общенародными праздниками.

День его мученической кончины – 23 апреля («весенний Егорий») – всегда осознавался как праздник окончательной победы весны, торжество сил возрождения. В этот день крестьяне начинали полевые работы, впервые после долгой зимы выгоняли на пастбища скотину.

Празднование Чуда Георгия о змие приурочивалось к другому дню – 26 ноября («осенний Егорий»). По преданию, в этот день в 1051 году киевский князь Ярослав Мудрый, принявший при крещении имя Георгий, освятил первый на Руси Георгиевский собор.

«За Службу и Храбрость»

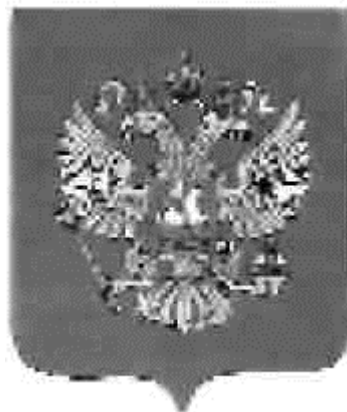
26 ноября отмечено в истории России еще одним важным событием. В 1769 году императрица Екатерина II учредила орден святого Великомученика и Победоносца Георгия. Подобные ордены образовывались почти во всех странах Европы: в Италии, Англии, Германии... Все они имели разные статусы, но было и одно обстоятельство, объединявшее их. Каждый вступающий в орден брал на себя обязательство «в подражание доблести великомученика» честь, оказанную ему, заслужить своими подвигами.

Это было объединение тех, кто перестал искать в Георгии защитника, а сам сделал шаг в ряды его небесного воинства. В орденских правилах записано: «Ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не приемлются в уважение при удостоении к ордену

св. Георгия за воинские подвиги; удостоивается же оно единственно тот, кто не только обязанность свою исполнил во всем по присяге, чести и долгу, но сверху ознаменовал себя на пользу и славу Российского оружия особым отличием». Об особой почетности ордена Георгия говорит тот факт, что за всю его историю высшей степенью награждено всего 25 человек, а кавалерами всех четырех степеней имели честь называть себя только четверо. Среди них такие прославленные полководцы, как М. И. Кутузов и М. Б. Барклай де Толли.

Идут годы... Россия стоит на пороге нового тысячелетия. Вновь на ее гербе, как и в прежние времена, ведет свое сражение Георгий Победоносец. Во все времена в России находились люди, достойные встать под его знамена. Жаль, если сегодня этот прекрасный символ так и останется только изображением на государственных документах и рекламных плакатах.

Двуглавый орел **Сергей Кутейников**

Герб современной России, двуглавый орел, отличается от своего предшественника, имперского двуглавого орла, разве что цветом: имперский был черным, современный – золотой.

Под двуглавым орлом Россия стремительно взлетела, но столь же стремительным было и ее падение. Сейчас, когда двуглавый орел вновь вернулся в качестве государственного символа, наша страна переживает очередной подъем. Но вопрос о связи ее исторической судьбы с ее государственной символикой (явно недостаточно проработанной) продолжает нас волновать.

Хорошо известны обстоятельства выбора двуглавого орла в качестве герба России. Еще в XVIII веке первый русский историк В. Н. Татищев, ссылаясь на «старую Гисторию Соловетского монастыря», писал: «Иоан Великий, по наследию своей княгини Софии, принцессы греческой, принял за государственный герб орел пластаной с опущенными крыльями и двумя коронами над головами, который и сын его употреблял». В подтверждение версии Татищева обнаружилась печать, привешенная к жалованной меновой и отводной грамоте великого московского князя Ивана III Васильевича князьям волоцким Федору и Ивану. На лицевой стороне печати был изображен всадник, пронзающий шею дракона, а на обратной стороне двуглавый орел. Грамота и соответственно печать датировались 1497 годом. Версию Татищева поддержал Н. М. Карамзин, в «Истории государства Российского» написав: «Великий князь начал употреблять сей герб с 1497 года».

Россия, «Третий Рим», мыслила себя преемницей традиций, культуры и устремлений Византии, «Второго Рима», и византийское происхождение герба рассматривалось в этом же

контексте. Идея исторической эстафеты, воспринятая русским обществом, проросла в нем настолько глубоко, что и по сей день даже на официальных мероприятиях (например, на праздновании 500-летия герба в 1997 году) отмечается, что Софья Палеолог привезла герб с прочим наследством.

Однако историки давно опровергли эту версию. Двуглавый орел не был символом Византии, как не был он символом императорской семьи Палеологов. На вещах в обозе принцессы Софьи он был всего лишь декоративным, символическим элементом, не более того.

Современные историки, например Н. А. Соболева, отстаивают другую, более правдоподобную версию появления двуглавого орла на гербе России: Иван III принял этот символ, чтобы показать свою равновеликость с европейскими монархами, в частности с Габсбургами, правившими Священной Римской империей, гербом которой еще с XV века был двуглавый орел.

Известно, что европейцы узнали этот символ во время крестовых походов. С тех пор двуглавый орел стал часто использоваться в европейской геральдике. В Византии и балканских странах он чаще имел декоративный характер. Двуглавых орлов изображали на тканях, ритуальных сосудах, стенах культовых сооружений.

Так что же означает этот символ?

В середине XIX столетия А. Б. Лакиер, автор книги «Русская геральдика», объяснял так: «Око государя было обращено на Восток и на Запад, а распоряжения обеим сторонам исходили из одного источника». Нетрудно заметить, что подобные представления навязаны ориентацией географической карты, у которой вверху листа всегда север. Если бы вверху был, например, восток, то головы орла, изображенного на карте, соответственно смотрели бы на север и юг. Однако что есть, то есть. Пространственные представления наложились на идею державности, вот почему объяснение Лакиера до сих пор популярно. Это пример приспособления знака к существующей идеологии. Но вероятно – мы не можем исключить такую возможность – в символ изначально закладываются все возможные варианты смысла.

Самое первое изображение двуглавого орла относится ко II тысячелетию до н. э. Оно высечено на скале, найденной в Передней Азии (Турция), и относится к памятникам исчезнувшей хеттской цивилизации. Двуглавый орел с распростертыми крыльями держит в лапах по зайцу. Современная интерпретация такова: царь бдит, взирая по сторонам, побеждает своих врагов, коих изображают зайцы, животные трусливые, но прожорливые.

Орел с глубокой древности известен как царский символ. Он царь птиц. Он знак верховенства. Он знак царей земных и небесных. Орел – посланник Юпитера. В орла превращается Зевс, чтобы похитить Ганимеда.

Орел связан с Солнцем: орел – царь птиц, Солнце – царь всех планет; орел летает выше всех, то есть ближе всех к Солнцу. Можно проследить эту аналогию по мифам Египта. Правда, в Египте никогда не водились орлы (они птицы гор и степей), в долине Нила обитали их ближайшие родственники – соколы. Египтяне изображали солнечный диск с крыльями сокола. Бога Гора изображали с головой сокола и солнечным диском на ней.

В Древней Греции бог Солнца Гелиос путешествует по небу на колеснице, запряженной четверкой коней (квадриге). Но вот что интересно: есть редкие, видимо тайные, не предназначавшиеся для широкой публики изображения Гелиоса на колеснице, запряженной двуглавыми орлами. Их два, голов четыре. Получается, что квадрига – знак более древнего, тайного символа.

Колесница Гелиоса символизирует движение Солнца. А в годовом цикле есть четыре ключевые точки – дни весеннего равноденствия, летнего солнцестояния, осеннего равноденствия, зимнего солнцестояния. Напрашивается аналогия: четыре точки – квадрига.

Можно бы продолжить соответствие и вспомнить четыре сезона года, но древние выделяли лишь два сезона: теплый, когда природа находится в расцвете, и холодный, когда природа спит. Известны символические изображения смены сезонов: хищный зверь убивает мирное животное (оленья, лань и так далее), то есть холодный сезон убивает теплый. Реже встречаются изображения, на которых мирное животное, как правило, уже готовое разродиться потомством, дает отпор хищному зверю.

В случае с колесницей Гелиоса орлы – это символ сезонов; орлов два, и они разного цвета, один белый, второй черный. Надо полагать, белый символизирует холодный сезон, черный – жаркий. Однако орлы не просто символы сезонов, они, напомним, символы движения солнца, а значит, они помечают точки солнцестояний. Белый орел – зимнее солнцестояние: самая длинная ночь, самый короткий день, природа на пике угасания. Но вот появилась надежда. Дни будут удлиняться. Холодный сезон на переломе. Черный орел – символ летнего солнцестояния: природа в пике расцвета, самый длинный день и короткая ночь. Но вот уже наметилась тенденция к убыванию дня. Зверь холодного сезона уже подкрадывается.

Соответственно разные знаки несут разную энергетику. Белый двуглавый орел нацеливает на позитивное, черный, наоборот, содержит деструктивный импульс. Интересно, что все империи, существовавшие под знаком черного орла (Священная римская, Австро-Венгерская, Российская), умерли, развалились. Сейчас черный двуглавый орел остался лишь на гербе Албании. Белого двуглавого орла ныне можно видеть на гербе Сербии.

Скорее всего, российский двуглавый орел был белым. Таким его можно видеть на царском оружии XVII века. В обозе Софьи Палеолог главным были не вещи, а ее спутники, обладавшие древним знанием; но оно со временем забылось, вот и стал имперский орел черным.

Современный российский двуглавый орел золотой. Интересный геральдический ход – обновление древней символики. Позволю себе повториться: когда рождается символ, в него закладываются все инварианты смыслов, возможность иного цветового решения также была заложена много веков назад. Новый смысл пока еще сокрыт. Но, убежден, уже в ближайшем будущем он проявится.

Символика звездного неба

Солнце: звезда, зримая днем

Людмила Кошман

Сегодня мало кто задумывается о том, что рядом с нами живет звезда. Самая настоящая. И человек так сильно связан с ее жизнью, что, знай он об этом, каждый день начинался бы у него совсем иначе, а благородное чувство причастности ко всей жизни во Вселенной воспитало бы в нем неудержимое стремление познать себя, возвысить свой разум и дух до самых звезд.

Но, увы, даже звезды стали для нас понятием нарицательным, обычным, неинтересным и холодным. Да и чем может удивить нас Солнце?

Солнце – небесный огонь, единственное, что может быть видимо одними и теми же существами от утренней до вечерней зари; это – звезда, зримая днем, существо вечное, одушевленное, величайшее.

Платон. Определения

Сказания о живом солнце

Сегодня даже ребенок знает, что яркие звезды на небе – это тоже солнца, такие же центры других миров. Космические аппараты изучают звездные бездны, посылая на Землю научную информацию. Вспышки на Солнце и магнитные бури на Земле стали для нас повседневными космическими явлениями. Но поиск причины мы заменили исследованием ее последствий. И сегодня постепенно забывается самое важное для человека чувство – чувство священного. Небо интересует нас исключительно с прагматической точки зрения, а такие понятия, как «звезда» или «планета», теряют свое истинное значение.

Возродить древнее трепетное отношение к нашему дневному светилу наряду с астрономическими знаниями помогают нам мифы и утверждения традиционной философии.

В древности человек имел особое отношение к небу и Солнцу. Небо всегда было символом священного, а Солнце обожествлялось практически всеми народами Земли. Своим небесным ритмом оно задает порядок и организует культурную и религиозную жизнь людей, а его видимый путь по небу отражается в мифах и традиционных праздниках всех народов мира.

Астрономический путь Солнца

Астрономически этот путь называют эклипкой. Эклиптика дважды пересекает небесный экватор, уравнивая периоды света и тьмы. Такие моменты называются равноденствиями.

Раз в году Солнце, путешествуя по эклипке, поднимается на самую высокую точку своего пути в северном полушарии – наступает момент летнего солнцестояния. И так же ежегодно наша дневная звезда символически опускается «на дно», или в самую глубокую темноту, унося с собой свет дня, чтобы вновь начать свое восхождение к свету, – это день зимнего солнцестояния. Именно он считается моментом победы света над тьмой и днем рождения Солнца. В Риме этот день назывался праздником «непобедимого Солнца», *Sol invictus*. Зимнее солнцестояние в Козероге называлось еще *Janua coeli* («врата неба»). Это «дверь богов», символизирующая начало восхождения и роста силы Солнца.

Летнее солнцестояние в Раке, *Janua inferni* – «врата земли» или «дверь людей», – это начало нисхождения и истощения силы Солнца.

Осеннее и весеннее равноденствия связывались с моментами равновесия сил света и тьмы, рождения и смерти. Особое значение древние народы придавали весеннему равноденствию как моменту возрождения жизни.

В древности люди видели в годовом пути Солнца по небосводу этапы жизненного пути человека. Эти взгляды нашли отражение в мифах о солнечных героях. В Греции это Геракл, у индейцев Америки – Кецалькоатль, у шумеров – Гильгамеш. Каждый из них своими деяниями и подвигами повторял путь Солнца на Земле, проходя те же этапы, что и наша дневная звезда, символически определяя путь внутреннего достижения героем бессмертия. Путь к Солнцу – вот истинное предназначение человека.

Четыре Солнца

Четыре дня в году определяли начала четырех периодов, которые мы сегодня называем временами года. В каждое время года Солнце имеет разную силу, что породило символическое представление о четырех различных Солнцах, правящих годом.

Каждому из этих Солнц посвящались свои божества: был бог весеннего, воскресшего Солнца; летнего, знойного и самого жизнедеятельного; осеннего, зрелого, мудрого и

заходящего Солнца; и, наконец, зимнего, молодого, только что родившегося, победившего смерть – его часто изображали в виде младенца. В честь прихода солнечного бога возводились грандиозные храмовые сооружения, его встречали «всем миром», передавая эту традицию следующим поколениям.

Солнце-путешественник

Солнце совершает свой ежедневный путь по небосводу с востока на запад, и каждый народ приписывает ему тот или иной способ передвижения. Викинги, древние греки, индусы считали, что наше дневное светило едет по небу на колеснице. Сам солнечный диск похож на колесо, катящееся по небу. В Древнем Египте Солнце имело свою ладью, чтобы путешествовать на ней по небесному Нилу. На многих папирусах Солнце плывет через тело небесной богини Нут, возрождаясь каждое утро и умирая каждый вечер. Кроме того, в Египте Солнце изображалось в виде крылатого диска, способного летать, подобно птице. У ассирийцев и персов крылатый солнечный диск был снабжен еще и хвостовым оперением. Индейцы племени чумашей из Южной Калифорнии говорят, что Солнце ходит по канату, натянутому над миром, с факелом в руках, чтобы освещать и согреть Землю. Солнечная Мать аборигенов Австралии бродит по небу, пробуждая к жизни Землю.

Солнце у славян – царь времени

В славянских сказках год изображается как круг из двенадцати месяцев, сидящих вокруг костра. Легенды говорят, что в вечном огне, пылающем на вершине холма, живет глубокий старик, лысый и с седой бородой. Он живет в пламени и распоряжается временем. Двенадцать месяцев сидят вокруг него. Всезнающий, он благоволит к истине и вершит правосудие. Он известен под именем Царя Времени, и, пожалуй, мы без труда можем узнать в нем Солнце.

Секрет Солнца – ежедневное возрождение

Не прерывно восходя и заходя, Солнце символизирует то жизнь, то смерть. Оно словно умирает с заходом и вновь рождается утром, возвещая начало нового дня. Оно подобно птице Феникс, сгорающей и восстающей из пепла и дающей тем самым начало новому периоду. Возможно, в этом кроется секрет особого почитания многими народами восхода Солнца как момента возрождения.

Три плана природы – три Солнца

В мифологическом видении мира Вселенная делится на три плана: физический, психический и духовный. И в каждом мире правит свое Солнце, оставаясь в то же время единым. Например, Гелиос, Дионис и Аполлон у греков представляют единое великое божество, при этом Гелиос – это бог, разгоняющий тьму в материальном мире, Аполлон – бог вселенской гармонии, дающий внутреннюю ясность душе человека, Дионис – бог внутреннего огня, мистического энтузиазма.

Сокровенное Солнце

Солнце всегда было символом самого сокровенного в жизни, ее причиной и божественной сутью. И всякий раз, когда народ терял эту суть, наступали периоды разрушения и падения целых цивилизаций. В Древнем Египте бог Амон – сокровенная душа Солнца; в течение тысячелетий ему поклонялась великая цивилизация, воздвигавшая в его честь бессмертные памятники, победившие время. Но фараон Эхнатон установил культ Атона, олицетворявшего яркий физический диск Солнца. Наступает пора видимости, пора бедствий, жестокости и разрушения культуры Египта. Сколько раз история человечества страдала от уничтожения и отрицания святынь? Как только теряется сокровенная суть и возникает культ материальных ценностей – человечество идет к упадку нравственному, моральному, культурному. Теряется главное – внутренний стержень человека, его нравственные критерии.

Философия традиции

Солнце... существо вечное, одушевленное, величайшее.

Платон

Хотя в мифах Солнце воплощается во множестве божеств, каждое из них воплощает одну из граней того, что скрыто за видимым диском дневной звезды, и за многообразием этих граней встает единый принцип Солнца как центра нашей системы. Об этом говорят и древние мудрецы, и философы нашего времени. Гермес Трисмегист называет его видимым божеством, Дионисий – видимым образом Божественной Благодати, трансцендентным архетипом Света. Современные философы говорят об образе «Центрального Духовного Солнца», скрытого за видимым диском дневного светила, как о наиболее очевидном и завершенном символе Божества.

Еще один взгляд на Солнце традиционной философии со стоит в параллели между небесными телами и живым организмом. В учении Платона говорится о Небесной Биологии, согласно которой Вселенная есть живой организм, или «Космическое Животное», причем законы, управляющие этим великим организмом, действуют и на уровне самых маленьких бактерий. В соответствии с этим учением различные галактики и солнечные системы – сообщества более мелких существ, которые составляют Космос, подобно тому как клетки составляют наш физический организм. В этом контексте Солнце связывается с центром жизни, сердцем нашей звездной системы. Все живое на Земле пульсирует согласно его ритму, причем не только дневному или годовому. Е. П. Блаватская пишет о невидимом Солнце, скрытом за физическим огненным шаром: это истинное Солнце обеспечивает циркуляцию жизненного флюида во всей нашей Системе. Она указывает, что время обращения солнечной крови равно 11 годам. Сейчас науке известно, что такую же длительность имеет и цикл солнечной активности. Ее связь с биологическими и историческими процессами обнаружил А. Л. Чижевский. Вслед за Блаватской он назвал этот ритм «космическим пульсом жизни».

* * *

Солнце восходит каждое утро, и его свет достигает каждого. Но, как писал Экзюпери, самого главного глазами не увидишь. Глаза слепы, искать надо сердцем, – учит Маленький Принц. Взгляни на Солнце по-другому! И ты поймешь, почему с древних времен человек каждое утро встречал его, возводил для этого события гигантские храмы и воспевал самыми прекрасными гимнами вечное возрождение Бога.

Великое Сердце Жизни бьется, даря свой свет, силу и жизнь планетам, человеку и даже

самому маленькому атому в этой солнечной вселенной. Человек – дитя Солнца, его вечный ученик, стремящийся познать загадку жизни, ее сокровенный смысл.

Венец Ариадны **Людмила Кошман**

«Люби вечно», – сказал Тесей и опустил на голову спящей красавицы венец, мерцающий, словно звездами, драгоценными камнями. Ариадна чуть заметно улыбнулась, восемь сияющих звезд коснулись ее чела... Не потревожив сна своей возлюбленной, Тесей взошел на корабль, и путешественники отправились обратно в Афины.

Восемь звезд ярко светились на голове спящей Ариадны, и Тесей, уплывая все дальше и дальше от острова Наксос, еще долго видел их сияние... Так и остались они в его сердце вечной памятью о той, которая помогла ему выйти из лабиринта.

...Но оставим славного героя на пути к дому наедине с его мечтами и размышлениями и приоткроем тайну звездной короны, украшающей чело спящей Ариадны.

Свадебный подарок Фетиде

Однажды богиня любви и красоты Афродита решила отблагодарить Фетиду – владычицу морского дна – и подарить ей на свадьбу необычной красоты корону. Эта корона Любви, которая обладала бы всей силой богини, силой чистоты и вечной Любви, никогда не умирающей, оживляющей и пробуждающей сердца влюбленных, должна была открыть юной душе невесты путь познания жизни.

Афродита попросила своего супруга Гефеста выковать этот чудесный венец в подарок Фетиде. Гефест не раз делал сереброногим морским богиням чудесные украшения в знак благодарности за их доброту и гостеприимство. Ведь именно Фетида со своими nereидами, когда Гера сбросила маленького Гефеста с Олимпа, спасла и воспитала его среди своих сестер в морской пещере, в своем замке из кораллов. Фетида, строго следившая за тем, чтобы в мире оставалось только бессмертное, закаляла своих детей огнем и водой, пытаясь сделать их неподвластными смерти. (Помните, Ахилл был отнят от нее в тот момент, когда ей оставалось сделать неуязвимой лишь его левую пятку. Так и остался сын морской богини уязвимым, и судьба сыграла с ним невеселую шутку.) Фетида же, воспитывая маленького Гефеста в подводном мире, подарила ему чудесную кузницу и научила таинственной силе огня.

И вот с благодарностью и признательностью Гефест принялся за работу, создавая подарок для невесты смертного Пелея. Где-то глубоко под землей, на дне великого Океана, уже который день звучал его молот. Демииург творил самое великое из сокровищ мира – корону из огненного золота и красных индийских камней, напоминающих розы, вставленные в оправу; корону, излучающую негасимый свет Любви, свет звезд. Сквозь голубые толщи воды между землей и небом то и дело проскакивали сияющие звездные нити. Казалось, звезды сами падали в руки Гефеста и рассыпались под ударами молота на тысячи мерцающих искр-жемчужин, наполняя внутренним светом восемь прекрасных роз, оживляя и соединяя их между собой узлами бессмертной любви. Океан замер; сейчас, помогая Гефесту, он объединял два мира – небо и землю. Подводное царство и все сокровища океана, отражая мерцание звездных нитей, излучали не столько свет, сколько безмолвную радость – ведь не часто случалось принимать здесь, на дне, таких высоких гостей. Гефест творил, создавая узы, видимые лишь сердцу, узы, объединяющие богов и людей, узы, хранящие Любовь.

Секрет путеводной нити Ариадны

Любовь – это вдохновение, которое оживляет бутоны цветов, раскрывает их лепестки навстречу Солнцу. Любовь – это весна души, возрождающая ее к новой жизни. Не случайно до сих пор сохранилась древняя традиция украшать голову невесты венком из нежных цветов. Венец невесты олицетворяет, с одной стороны, чистоту и невинность, с другой – умирание для старой жизни и рождение к новой.

Он символизирует победу, торжество любви в жизни человека. Не случайно свадебный венец Ариадны называли «критской короной». Говорят, благодаря ее сиянию Тесею нашел во тьме Минотавра, победил его и вышел из лабиринта. Что, если не любовь, является путеводной нитью, выводящей человека из трудных жизненных ситуаций, сомнений и тупиков? Ее свет – это свет звезд, который указывает путь странникам, идущим во мраке. И чем сильнее любишь, тем яснее и дальше открывается дорога, ведущая тебя по жизни. В этом секрет путеводной нити Ариадны. Свет любви всегда указывает верный путь. И никогда бы Тесею не выйти из лабиринта, не будь у него клубочка ниток, связывающего любящие сердца, и чудесной короны.

Как корона оказалась у Тесея?

Свадебная корона сияла в руках Гефеста. С великой благодарностью приняла Фетида подарок Афродиты.

В это самое время в одной из критских бухт царь Минос встречал корабль из Афин, на котором каждые девять лет присылали на остров семь юношей и семь девушек на съедение жившему в лабиринте быкоголовому чудовищу – Минотавру. На этот раз на корабле плыл Тесею – сын Посейдона, решивший раз и навсегда освободить Афины от столь жестокой дани и убить Минотавра.

Корабль смело вошел в бухту. Тиран Минос вел себя бесцеремонно, и Тесею, вмешавшись, заявил, что ему как сыну Посейдона подобает защищать девственниц от посягательств тирана.

«Эй! – вскричал Минос. – Достань-ка мне эту безделицу и докажи, что ты действительно сын Посейдона!» С этими словами он бросил в море свое кольцо с печатью. Тесею смело нырнул в воду, и стая дельфинов с почтением проводила его в подводный дворец nereид.

Легенды говорят, что тогда и вручила ему дочь Нерея – сереброногая Фетида – светящуюся драгоценностями корону, подаренную ей на свадьбу Афродитой, а морская богиня Амфитрида с помощью nereид быстро отыскала кольцо Миноса и отдала его Тесею.

Как бы то ни было, когда Тесею появился из моря, в руках он держал кольцо и чудесную корону, которую впоследствии и подарил Ариадне.

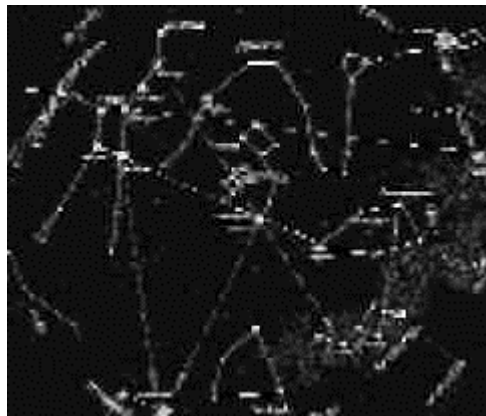
* * *

Тесей долго всматривался в сияние звезд, хранящих сон его возлюбленной. Он не мог остаться с Ариадной. Там, на острове, ему явился Дионис и объявил, что по воле богов Ариадне суждено стать его супругой, а Тесею велено отплыть в Афины.

После свадьбы с Ариадной в знак величия Любви Дионис вознес чудесную корону на небо и поместил ее среди звезд.

Это созвездие носит имя Северной Короны. Больше нигде в звездной россыпи не найти звезд, связанных скрытой нитью в округлое ожерелье. Восемь сестер-звезд хранят секрет вечной Любви и подвига во имя ее. Посмотри на небо – подкова счастья загорается каждый вечер, и свет ее достигает каждого.

Путь к сердцу дракона Людмила Кошман

– Скажи, а что на звездном небе самое ценное?

– То, что неустанно сторожит дракон. Древние счи тали, что он сторожит свое сердце. Это не звезда, его нельзя увидеть. Путь к нему лежит через сердце каждого человека и ведет к бессмертию... А еще дракона называли хранителем эликсира бессмертия.

– А при чем же здесь звезды, небо?

– Говоря астрономическим языком, в этом месте находится Северный полюс Эклиптики – тот, вокруг которого совершает свое долгое путешествие ось вращения Земли, – Полюс мира.

– Ты хочешь сказать, что Полярная звезда движется по небу?

– Нет, движется не она, это земная ось подобно гигантскому волчку описывает в пространстве конус. Полюс мира «гуляет» по шести созвездиям: Малой Медведице, Цефею, Лебедю, Лире, Геркулесу и Дракону. Когда в очередной раз он подойдет к Полярной звезде, будет 27 849 год...

– Вот это да!

– Этот великий цикл в 25 850 земных лет древние астрономы назвали Годом Платона, а каждый его месяц – Эрой. Сегодня не случайно все говорят о наступлении новой Эры. Из-за перемещения Полюса мира изменяют свое положение среди звезд небесный экватор и точка весеннего равноденствия, от которой астрономы отсчитывают небесные координаты. Сейчас она переходит из знака Рыб в знак Водолея.

– Это действительно великое сокровище, если даже земная ось вращается вокруг этого места! Но почему ты говоришь о бессмертии?

– С этим связано много легенд, и не один народ хранит память о великом подвиге. Вот послушай...

Там, где время бессильно

Давным-давно, когда власть над землей оказалась в руках титана Кроноса, Мать-Земля и умирающий Уран предсказали ему, что он будет свергнут одним из своих сыновей. Кронос взял в жены свою сестру Рею и каждый год проглатывал своих детей. Рея была вне себя от происходящего. Своего третьего сына – Зевса – она родила в глухую ночь, омыла в реке и передала Гее-Земле, которая спрятала его в пещере на Козьем холме, оставив на попечение нимф – дочерей козы Амалтеи. Вокруг золотой колыбели младенца Зевса, висевшей на дереве (чтобы Кронос не мог найти его ни в небесах, ни на земле, ни в море), стояли вооруженные куреты – дети Реи – и били мечами по щитам, чтобы заглушить плач младенца и не дать Кроносу услышать его. Но тот прослышал об обмане и стал всюду преследовать Зевса, который был вынужден превратить себя в крылатого змея, а своих нянек – в медведиц и укрыться там, где не властно время, где Кронос никогда не найдет его. Так на небе появились созвездия крылатого Дракона и Большой и Малой Медведиц.

Звездный Дракон – Зевс занимает на небе особенное место. Он со всех сторон обвивает загадочный Полнос Эклиптики, вокруг которого, как считали древние, движется время (а у двух концов Эклиптики обитают человеческие души). Северный конец Эклиптики, расположенный в созвездии Дракона, ассоциировался с раем; другой, расположенный на юге, – с подземным царством мертвых. Эта космическая ось позволяла понять суть священного Древа Жизни, приоткрыть тайну созвездий Дракона и Геркулеса и понять, почему золотые яблоки Гесперид были столь ценным приобретением.

– Значит, дракон охраняет врата рая и сторожит дорогу, ведущую к бессмертию?

– Да. Там, где растет Мировое Древо, не существует времени, и вечная молодость вдохновляет души людей.

– А почему ты упомянул о созвездии Геркулеса и золотых яблоках?

– Мало кому дано отведать эти бесценные плоды. Добыть их означает победить дракона, а это под силу лишь герою. Поэтому нельзя забыть о Геракле, или Геркулесе, как называли его римляне. Видишь на звездной карте рядом с головой Дракона коленапоклоненного человека? Это Геракл, он наступил на голову крылатому змею и не дает ему сдвинуться с места. Во многих традициях эта сцена имеет глубокий символический смысл. Победа над драконом означает победу стоящего на высоком духовном уровне человека над необузданным миром природы, победу бессмертного духа над материей. Именно благодаря ей герой становится хранителем семян вечной жизни и обретает бессмертие.

– Расскажи об этом подвиге.

Древо с плодами бессмертия

Далеко-далеко, на самом крайнем западе, там, где встречаются день и ночь, где завершают свой путь уставшие лошади солнечной колесницы, на склоне Атласских гор есть чудесный сад. Это сад божественной Геры, в нем растет волшебное дерево с золотыми яблоками бессмертия – свадебный подарок Гере от самой Матери-Земли. Раньше его охраняли сестры-геспериды. Но

Гера, узнав, что дочери Атланта, которым она доверила дерево, потихоньку крадут яблоки, послала нового стража – неусыпного дракона Ладона, имеющего сто голов и сто говорящих языков.

По поручению царя Эврисфея Геракл отправляется искать этот сад. Вещий морской бог Нерей советует Гераклу не рвать яблок самому, а попросить об этом Атланта, на время освободив его от непомерного бремени. И вот, явившись в сад Гесперид, Геракл просит Атланта оказать ему любезность и сорвать яблоки. Оказывается, Атлант готов на все что угодно, лишь бы получить небольшую передышку, но боится Ладона. Геракл убивает дракона. Атлант приносит яблоки, но решает сам отнести их Эврисфею. Тогда Геракл идет на хитрость и просит Атланта лишь ненадолго взвалить на плечи небесный свод, пока он подложит себе под плечи подушку. Легко поддавшись обману, Атлант оставляет яблоки на траве, а сам вновь подставляет плечи под небосвод, и Геракл свободно отправляется к Эврисфею.

Впрочем, Эврисфеей не посмел взять эти плоды, и Геракл отдал их Афине, а та вернула Гере. Узнав о смерти Ладона, Гера долго оплакивала его, а затем решила поместить на звездное небо в виде созвездия Дракона, а вместе с ним и Геракла, достигшего своими подвигами бессмертия.

– Но почему Геракл склонился перед Драконом на колени?

– Дракон – хранитель великого знания, которого должен достичь герой. Интересно, что самая яркая двойная звезда созвездия Геркулеса называется *Рас Альгети*, что по-арабски значит «Голова коленапреклоненного».

Сцена победы Геракла над Ладонем пробуждает ряд воспоминаний: победа Осириса над Тифоном, Аполлона над Пифоном, Бэлла над Драконом, Сигурта над Фафниром, Георгия над Змеем... Все победители были солнечными богами. Интересно, что там, где говорится о Солнце, упоминается и дракон, символ Мудрости.

В Египте источником связи почти всех богов с драконом являлась великая Звезда Дракона – альфа этого созвездия – звезда Тубан («Дракон» по-арабски). С 3500 по 1500 год до н. э. она занимала место Северной Полярной звезды. На нее ориентированы многие храмовые сооружения Египта.

Иерофанты Египта и Вавилона именовали себя «Сынами Змия-Бога» и «Сынами Дракона». «Я Змий, я Друид», – восклицал друид кельтско-британских областей, ибо Змий и Дракон олицетворяли мудрость, бессмертие и возрождение.

Герой всю свою жизнь посвящает служению вечной борьбе за торжество Истины и Духа. Он стремится познать суть жизни, всегда сохраняя невидимую связь со своим наставником. Они неразлучны. Овладение истиной и знанием составляет жизненный путь героя-ученика. Это олицетворяют и Геракл, крепко держащий голову Дракона, и святой Георгий, побеждающий Змея. Истина, мудрость, борьба за священное знание и победа – вот что навечно связывает их вместе. Стоит герою победить, достичь сердца дракона – и он сам становится Драконом, хранителем мудрости.

В традициях большинства народов Дракон изображается огромным летающим ящером, яростным и неуправляемым. Он воплощает стихийные силы хаоса и мироздания и символизирует четыре элемента: землю, воздух, огонь и воду (живет в недрах земли или глубинах вод, летает по воздуху и изрыгает огонь). На Востоке принято считать дракона воплощением сил природы: как благостных (дожди), так и разрушительных (тайфуны). Многие традиции говорят, что Дракон – это радуга, ограждающая мир от бурь и невзгод, соединяющая небо и землю.

– На земле Дракон сторожил волшебный сад, где росли яблоки бессмертия. И сейчас, на небе, он по-прежнему является стражем?

– Да, теперь он охраняет рай и дерево, приносящее плоды вечной жизни. Это космическая, неподвижная ось эклиптики, а яблоки – вечные звезды и божественные планеты. Дракон защищает это Древо Жизни, обвивая его своими кольцами; теперь он бессмертен и вечно бдителен. Интересно, что символом вечности служит как раз изображение Дракона, кусающего свой хвост. А мощная нога Геракла крепко держит его голову, олицетворяя неизбежную победу человеческого духа над необузданными силами природы. Звездные узоры хранят образ великого подвига человека, достигшего самого ценного сокровища жизни.